

Дэвид Дрейк Томас Т. Томас

Достойная оборона

Кризис Империи – 1

«Кризис Империи»: Армада; Москва; 1997

Дэвид Дрейк, Томас Т. Томас

Достойная оборона

(Кризис Империи – 1)

«1. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: СМЕНА КАРАУЛА»

«СТРОГО СВЕТОБЛОК АВРСКОПГУБ СВЕРХСЕКРЕТНО СУПЕРКОД 010101 РУЧНАЯ РАСШИФРОВКА»

– О, Хризостом! – простонал Тадеуш Бертингас, заместитель директора Бюро коммуникаций Скопления Аврора. Он помянул святого – покровителя проповедников и составителей политических докладов.

Святой Иоанн Златоуст – по-здешнему Хризостом – был вселенским патриархом в Константинополе и жил в 3407 – 3347 годы до эры Пакта. Мощи святого обратились в прах еще до того, как на Земле появился на свет первый прибор искусственного разума. И разумеется, задолго до того, как титулованные пижоны Главного центра, на дворянских грамотах которых еще сургуч не остыл, научились проникать в военные шифросети – только для того, чтобы посылать разные там поздравления со всякими официальными и неофициальными праздниками своим собутыльникам с периферии...

Получив подобное сообщение, прочитать которое можно было только на экране светоблока, дворцовые шавки ничтоже сумняшеся поднимали по тревоге весь штат Бюро коммуникаций и держали его в напряжении всю ночь. Это кодированное послание наверняка будет таким же тупым и бессвязным, как и все предыдущие. Дворцовым штабистам даже удалось найти его, Бертингаса – при всем при том, что несколько недель подряд он старательно скрывал ото всех, где будет ночевать.

Помощник Бертингаса Джина Ринальди в данном, случае вполне могла заменить его и легко бы расшифровала послание или же, скорее всего, отправила бы его в хранилище входящих документов, а уже потом, плотно Позавтракав, дежурный персонал приступил бы к работе.

– Джина, – позвал он и повернулся к ширмам, которые перегораживали его кабинет. Высотой ширмы были чуть побольше человеческого роста. – Не поможешь мне? Кажется, автодешифратор барахлит...

Жужжание принтеров за ширмами, звяканье чашек с кофе и гул недовольных голосов – кому же понравится вставать затемно – мгновенно смолкли.

– Разумеется, Тэд, – отозвалась помощница.

«Нет, ей нельзя, – отрезал прибор искусственного разума, лежащий у него на столе. – Во мне содержится сверхсекретное послание, а у нее нет...»

– Заткнись. Ты сломан, – сказал Бертингас и отсоединил ПИР от блока приема сообщений. Есть-таки своя прелесть в соединении с помощью проводов.

Джина Ринальди проворно переступила порог и подошла к его столу. Не спрашивая

разрешения, она придвинула стул, села и разгладила на бедрах короткую юбку. Джина пододвинулась поближе к блоку сообщений, коснувшись при этом колена Бертингаса своим, затянутым в нейлон, просунула стройное плечо Бертингасу под руку и провела длинными черными волосами по его лицу. Джина притворилась, что не интересуется реакцией Бертингаса, однако на ее лице появилась лукавая улыбка.

– Впечатляет, – произнесла Ринальди, кивнув на заголовок сообщения.

Она быстро набрала на компьютере личный логокод Бертингаса и пароль заместителя директора Бюро коммуникаций и принялась за расшифровку.

Джина человеком не была, она принадлежала к расе деоорти. Бертингасу ни разу не доводилось видеть деоорти-мужчин или деоорти-гермафродитов, но он знал, что где-то такие существуют. Внешне Джина очень походила на обычную женщину, в толпе не отличишь. Но, поглядев на Джину внимательнее, можно было увидеть множество отличий. Во-первых, Джина была чересчур уж худая. Метаболизм ее тела был иным, чем у человека, и важную роль играл стабилизированный натрий. Кожа у Джины была темно-желтой и при искусственном освещении становилась почти оранжевой. Сухая и прохладная на ощупь, кожа напоминала дорогой сафьян тонкой выделки.

По-настоящему Джину выдавало лицо: слишком широкие скулы, чересчур широко посаженные огромные глаза. Надбровные дуги сильно выдавались вперед, длинные брови поднимались к вискам, черные глаза почти без белков делали взгляд Джины чуть диковатым.

Джина обладала незаурядной интуицией. Она сразу ухватывала суть вопроса и умела выстраивать длинные логические цепи. Ее невозможно было сбить с толку всякими там софизмами, словесными уловками и фальшивым пафосом. Нет, Джина умела не обращать внимания на словесную шелуху и чувствовала себя как рыба в воде среди нагромождения самых противоречивых суждений и фактов. Столкнувшись с какой-нибудь проблемой, она всегда могла найти приемлемое решение – и за это Бертингас высоко ее ценил.

Благодаря своему таланту Джина Ринальди заняла довольно высокий пост в Бюро коммуникаций, где доминировали представители человеческой расы, получила собственный угол за ширмами в кабинете начальника и заработала право использовать в качестве персонального логокода часть своей инопланетной фамилии, а не просто номер, как у большинства других сотрудников Бюро.

И вот под ее умелыми руками текст светоблокового послания Главного центра из мешанины цифр и букв превратился во вполне осмысленное сообщение:

«Почтенной Дейдре Салли, сенатору, губернатору Авроры,
председателю подкомитета по торговле и коммерческим перевозкам,
держательнице знаков Натакрикса и Электрикса, владельнице
феодов Омбада, Гарета и Зеленой Галилеи – привет.

С прискорбием извещаю Вас, что сего дня, по земному счету 12 ноября 5341 года эры Пакта, в десять ноль-ноль утра, Его Превосходительство Стефан VI тен Холкомб, наследный Высокий секретарь Совета Пакта, пал от рук наемных убийц в своих покоях. К оставшимся в живых кавалерам ордена Бани применен указ о выдаче преступников, согласно директиве Кона Татцу 12/11/41 – 328AAA.

Наследник престола Родерик в настоящее время находится в безопасности в доме Бартлеби. Вновь назначенные регенты собрались для формирования правительства меньшинства. Протосовет запрашивает немедленное подтверждение вашей номинации для регистрации.

Протосовет также распорядился, чтобы дополнительные индикации лояльности всех административных служащих, военных офицеров и крупных коммерческих представителей Скопления Аврора были посланы в Главный центр не позднее 20 ноября 5341.

Серьезно советую поспешить, Дейди.

Искренне Ваш – Авалон Бобур, камергер, шеф Кона Татцу».

Бертингас присвистнул. Джина повернула голову, и ее губы оказались в нескольких сантиметрах от его губ. Она вопросительно подняла бровь.

– Убит Высокий секретарь – надо же, – сказал Бертингас.

Он произнес эти слова, просто чтобы поддержать разговор. Думал он о другом: о том, что рухнули надежды на отпуск, на турпоход по горным перевалам. Целых девять лет горы были его единственной отдушиной после изнуряющей работы в Бюро. Какое это было счастье – очутиться в самых дебрях девственного леса, пробираться среди причудливых скал и дышать свежим, неотфильтрованным воздухом! И теперь все мечтания об отпуске прахом пошли. Чертово убийство! Оно привяжет Бертингаса к столу на целые месяцы, а отпуск у него должен начаться через два дня! «Идиоты! Нашли время убивать!» – разозлился он.

Джина молчала – из почтения к грифу «СТРОГО АВРСКОПГУБ СВЕРХСЕКРЕТНО». Может, она и не являлась полноправным гражданином Пакта – сам Бертингас никогда не встречал инопланетян, имеющих полное гражданство, – но все же она была вольнонаемной, контрактницей Бюро коммуникаций, и это придавало ей определенный официальный статус.

– Высокий секретарь убит, – повторил Бертингас, все еще думая о зеленой травке. – Теперь нашу леди-губернатора заставляют сделать выбор. И ее заставляют, и всех остальных... Пока только ты, я, да наш тикающий друг, – он постучал по корпусу ПИРа, – знаем об этом. То есть пока мы не передали послание во Дворец...

Опершись рукой о хрупкое с виду, но на самом деле на удивление крепкое плечо Джины, Бертингас встал со стула и направился было к окну, но, не дойдя до него, вернулся к столу и склонился над дисплеем. Он еще раз прочитал текст послания и наконец нашел то, что искал, что настораживало и наводило на размышления.

– Дейди! Это ее так зовет главный шпик и тайных дел мастер. Интересно, правда?

Бертингас улыбнулся и подошел к темному окну. Его кабинет был расположен на девяносто девятом этаже блока правительственных зданий. Далеко внизу лежал город, его огни мерцали, мигали и бледнели под уже светлеющим небом. Где-то вдали, там, где светящиеся полосы уличных огней сливались и растворялись в дымном мареве, глубокая тень укрывала Дворец – официальную резиденцию губернатора Скопления.

Город назывался Мейербер, в честь Джакомо Мейербера, немецкого композитора с итальянским именем, писавшего французские оперы. Некто из восемнадцатого века – по старому стилю, разумеется, – когда люди говорили на разных языках и поклонялись разным богам. Сейчас человечество – это единое целое. Разные – инопланетяне. Разная структура тканей тела, разное-количество пальцев или ложноножек. Ну не глупость – дать такое изысканное название захудалому городишке в крохотном, лишь в тридцать планет, Скоплении.

Бертингас заложил руки за спину. Джина молчала. Обиженный ПИР что-то неразборчиво бормотал.

Если бы Дейдра Салли и куча ее приспешников из Главного центра появились здесь за несколько месяцев, а не за несколько дней до того, как Высокий секретарь Стефан VI был так бестактен, что позволил убить себя, тогда Тадеушу Бертингасу, возможно, и удалось бы что-нибудь выгадать из этой ситуации. Салли непременно бы назначила его официальным директором Бюро коммуникаций при каком-нибудь гнусавом наследном ничтожестве. И если бы она сделала это, сейчас Бертингас уже был бы на «ты» с этим сукиным котом. Он же обаятельный. Вдвоем, но под чутким руководством Бертингаса они, несомненно, сумели бы извлечь максимум выгоды из СВЕРХСЕКРЕТНОГО сообщения, поступившего в светоблок.

Ну, если бы да кабы... Но что же делать с этой писулькой? Бертингас долго ломал голову и не смог придумать ничего лучшего, как вновь запечатать и зашифровать сообщение и послать его по электронной дипломатической почте во Дворец. Надо будет завтра с утра пораньше закупить побольше акций Хайкен Мару – на все деньги, что у него есть... Иначе мелкая рыбешка начнет ходить косяками...

Главное в политике – это искусство правильно использовать время. Звездный час Бертингаса не состоялся – хотя и не по его вине. Он опоздал, разминутся с ним всего на несколько месяцев. Может быть, даже всего на несколько недель. Просто чудовищно!

– Ну-с, Джина, – произнес он, не поворачиваясь от окна, – зашифруй это снова и

направь во Дворец. Посмотрим, сколько времени они там будут возиться с расшифровкой.

– Слушаюсь, сэр. – Ее пальцы проворно забегали по клавиатуре светоблока, но сама Джина не отрываясь смотрела на Бертингаса.

– Теперь займемся тем, за что мы зарплату получаем, – сказал Бертингас. – Что там у нас на В.С. Стефана VI – есть информация? Как насчет свежих снимков?

– Мы получили официальные фотографии последнего светского приема. Качество, конечно, не очень, снимки любительские, но кое-что выбрать можно. На всех на них прекрасно получилась очаровательная, хотя, на мой взгляд, несколько кривоватая улыбка. Не слишком подходяще для некролога. Придется подретушировать. У нас еще есть примерно сорок мегабайт цитат из разных там речей, спичей и публичных выступлений.

– И для чего они сгодятся?

– Как средство от бессонницы.

– Ладно. Попробуй состряпать из них что-нибудь вроде жизнеутверждающего кредо. Ну, ты знаешь. Что-нибудь вроде: «Путеводная звезда блистательной 1200 – летней династии, ведущей человечество и другие расы с неослабевающим напором туда-то и сюда-то, и т.д., и т.п.». Что-нибудь обтекаемое.

– Слушаюсь, сэр.

– И передай в фотолабораторию: пусть сделают что-нибудь с его нижней губой, когда будут ретушировать голографии. Уж слишком она у этого Стефана выпячивалась. Помнишь, какой крик все подняли, когда на снимках церемонии Четвертого пожалования крупным планом дали его слюнявый рот? Парни в лаборатории знают, что требуется. Долой грубый реализм и историческую правду – даешь вместо дерьма конфету!

– Никак нет, сэр, то есть – так точно, сэр!

– Вот и хорошо. Да, а где мой кофе?

– Сейчас принесу, сэр.

Джина повернулась и как бы невзначай обнажила свое гладкое белое бедро – такое гладкое, что приятно вспомнить, – встала с кресла и вышла из кабинета. Хорошая девочка. Хваткая, работоспособная, вежливая – почти как человек. Но, слава Богу, не человек.

Бертингас посмотрел на часы. Сообщение во Дворец уже четыре минуты как отправили. Счет времени продолжался. Бертингас представил себе цепочку соединенных между собой процессоров дворцового ПИРа, представил, как все они дружно икают, переваривая полученное на светоблок сообщение. Он прекрасно понимал, что встроенное в этот электронный мозг неимоверное количество записывающих, подслушивающих и прочих шпионских устройств, вероятно, било все рекорды. Во всем Скоплении столько не наскребешь. Да, дворцовый электронный мозг и его «сарафанное радио» как источник информации серьезный конкурент кому угодно, даже Бюро. Источник ненадежный, но эффективный.

Именно поэтому Бертингас давным-давно устроил так, что все серьезные сообщения, которые приходили по гиперволновой спутниковой сети, прежде всего попадали в его кабинет.

Бертингас и его будущий босс, официальный директор Бюро коммуникаций, отвечали и за общение с прессой, и за линии связи. Их специальностью была смесь психологии с технологией. В обязанность им вменялось превращать пожелания, слова и отдельные фразы и междометия губернатора Скопления в такие заявления, представления и персональные послания, которые будут увидены, услышаны и правильно поняты общественностью. Бертингас и директор Бюро также обслуживали светоблок и другие средства связи правительства, как внутри самого Скопления, так и с внешним миром, открытые и частные, конфиденциальные и многоканально-селекторные. Бюро оперировало на многих уровнях.

Конечно, и Бертингас, и его коллеги, и начальство на всех уровнях постоянно спорили по поводу тематики и техники подачи сообщений. Делились на два лагеря: на тех, кто считал аудиторию стадом баранов, которых удовлетворит любое толкование событий, пусть даже самое идиотское, потому что люди хотят, чтобы их развлекали, и на тех, для кого аудитория

– активная сознательная сила, делающая разумные выводы и обращающая внимание на любое несоответствие между словами и делами, потому что люди хотят точной и достоверной информации.

Пропасть между двумя этими лагерями все росла и росла и стала такой глубокой, что противники получили прозвища: одних называли «лакировщики», других – «правдисты».

Бертингас гордился, что он – «правдист». Всякий свеженазначенный директор Бюро коммуникаций – похоже, по этому критерию их и отбирали – был «лакировщиком».

«А для этого не обязательно быть профессионалом», – утверждала старая поговорка.

«Лакировщики» всегда были слабы в теории, бюджеты и расписания считали абракадаброй и плохо представляли себе, к каким последствиям может привести их вранье. Но зато они вполне ясно видели сиюминутную цель и великолепно умели с полуслова угадывать все желания губернатора Скопления.

Тем не менее Бюро приходилось решать вопросы не самые простые, а значит, заместителем директора должен был быть человек достаточно здравомыслящий. «Правдист» вроде Тадеуша Бертингаса.

Взять, к примеру, «Сундук привидений», усовершенствованное хранилище данных. Система капризная. Ясное дело, по-другому и быть не могло, ведь тут хранилось превеликое множество материала. Записи разговоров, торговых переговоров. Любовная лирика. Шпионские донесения. Описания самых разных способов мошенничества. Сплетни, наконец. Не говоря уж о гигантских блоках голографии и видеозаписей.

Но как функционирует гиперволновая спутниковая сеть, Бертингас представлял себе очень плохо. Для этого надо быть физиком-теоретиком и иметь богатое воображение. Это устройство посылало лазерные лучи, несущие информацию, в строго определенные точки пространства, и не только в Скопление Аврора, но и в четыре тысячи других миров Пакта. Сеть передавала эти лучи через гиперпространство. А уж как она это делала – Бертингас совершенно не понимал.

Он знал одно. Информация шла тем же путем, которым продвигалась по Галактике вся цивилизация Пакта. Гиперпространство – штука сложная. Именно по нему, по его изгибам и «улиткам», которые напоминали пути, прогрызенные в древесной коре жуком-короедом, а не по реальному пространству шли от звезды к звезде космические корабли. В момент входа в гиперпространство корабль-путешественник сжимался, коллапсировал и исчезал из виду, а там, где он появлялся вновь, – там и располагался «ближайший сосед». Таким образом, скопления Пакта представляли собой группы звезд, которые были расположены не рядышком в пространстве, а в пределах ближайших прыжков гиперперелетов.

Сообщения модулировались на фотонный луч и выстреливались в центр «улиток». Иногда, впрочем, с лучом что-то происходило, и сообщения начинали путешествовать как в пространстве, так и во времени. Тогда все летело кувырком, техники и программисты сутками сидели у приборов и пытались исправить положение.

Каждая черная дыра должна была функционировать по закону сохранения массы: что в нее запустили, то получают и на выходе. Точность требовалась просто ювелирная. Насколько Бертингас знал, необходимо было производить постоянное кровопускание массе черной дыры путем впрыскивания антиматерии и тем самым держать дыру достаточно голодной и тощей. Благодаря этому фотоны, несущие информацию, не оставались в дыре навеки. Иначе черная дыра увеличивала свою массу и сбивала настройку приборов. Вроде бы так. Короче, сам черт ногу сломит.

По сравнению с проблемами содержания и обслуживания гиперволновой спутниковой сети, содержание всепланетной кабельной сети электронных средств массовой информации «Фри Вид» являло собой работу для идиота. В конце концов «Вид» был всего-навсего нуль-кибернетической сетью оптических стекловолокон и линозитовых лазеров. Бюро пользовалось ею в основном для развлечения.

Десять минут. Счет продолжался.

Бертингас проверил свою способность отсчитывать время по безмозглой кварцевой

схеме ПИРа. Он колебался: а может, снова включить динамик ПИРа? Пусть бы ПИР рассказал, что ему удалось разнюхать насчет того, как новость об убийстве Стефана воспринята в столице. Но тогда придется выслушать нудную нотацию: ПИР долго будет говорить, как важно соблюдать ритуал секретности. А у Бертингаса не было настроения слушать и внимать. Он забарабанил пальцами по столу.

Джина принесла кофе и молча вышла. За стеной, в рабочем отделе, громко разговаривали. До Бертингаса доносились отдельные возгласы. Персонал отдела ждал, когда же наконец объяснят, по какому поводу вся эта полуночная кутерьма. В отделе болтали, пили кофе и брюзжали. Кое-кто со скуки даже работал.

Двенадцать минут.

Бертингас многое связывал с базовым Диском рассеянной информации, проще говоря, с оптико-электронной энциклопедической базой данных Скопления, доступ к которой осуществлялся через стекловолоконные кабели, подсоединенные к сети ГСС. Диск находился в Мейербере – в подвале того самого здания, где сейчас сидел и ждал Бертингас. Бертингас начинал здесь свою карьеру десять лет назад в качестве помощника по записи, на груди его сверкал новенький значок выпускника факультета информационных технологий университета «Органум», расположенного в Главном центре. По сути, Бертингас тогда был писклявым диспетчером ввода-вывода информации. С этой должности он начал, потом сделался координатором сектора реального знания, потом руководителем вектора информации и, наконец, стал директором базового Диска, а уже после занял должность заместителя директора Бюро коммуникаций Скопления. Десять долгих лет, чтобы подняться на сотню этажей в том же здании! Карьера «правдивостов» двигалась медленно.

Дзинь!

ПИР всегда так звонил, когда поступало сообщение из Дворца. Двенадцать минут двадцать три секунды. Не слишком для мультифазных мозгов.

– Бертингас слушает.

«Говорит мажордом. Ее превосходительство в семь часов созывает расширенное чрезвычайное совещание своего штаба. Вы успеете?»

Это был голос самого мультимозга, на этот раз без синтезированного оксфордского акцента. Обстановка во Дворце, видимо, накалилась.

– Разумеется, – ответил Бертингас. – Утра или вечера?

«Ум-м, – тик-так, – утра, конечно».

– Спасибо. В обычном месте?

«В Золотом павильоне, разумеется».

– Благодарю. Передайте, пожалуйста, миледи Салли, что как заместитель директора Бюро коммуникаций, почту за честь представлять наше Бюро. Если только, конечно, она не соблаговолит воспользоваться случаем и назначить другую кандидатуру...

«Ум-м. Сообщение принято».

Щелчок.

Проклятье! Совещание начнется через полчаса. Времени вернуться домой и принять душ не оставалось. Придется идти небритым и в несвежей рубашке.

Бертингас все-таки постарался принять бравый вид, даже поплевал на салфетку и протер носки форменных ботинок. На мятый воротник кителя и на разлохматившийся кончик серебряного аксельбанта придется махнуть рукой, а если вдруг кто-то начнет на него тарашиться – что ж, придется красиво наклонить голову. Тогда воротничка не будет видно. Такова она, жизнь чиновника...

Бертингас решил воспользоваться трубой электростатического лифта, чтобы подняться на аэроплощадку, и задал пульту управления лифтом нужный режим. Переменный заряд электрополя трубы оказал желаемый эффект – выбил из его одежды несколько граммов пыли. Бертингас вышел из лифта, отмахиваясь руками от крохотного пыльного облачка.

Правительственный блок представлял собой гигантскую пирамиду и был спроектирован по типу знаменитых гробниц Древнего Египта и навевал мысли о Земле.

Бертингас часто думал, что правительственный блок – это такая же гробница, только находится в Скоплении Аврора. Так как здание не имело крыши в общепринятом смысле – сто пятидесятый этаж состоял из единственной комнаты, где размещался кабинет Планетарного Администратора и откуда открывался фантастический вид на все четыре стороны света, – то аэрокарам приходилось садиться на узкую площадку, далеко выступающую вперед и расположенную на восточной грани пирамиды на уровне сто двадцать третьего этажа.

Лучи утреннего солнца уже как следует нагрели белый бетон площадки. Бертингас оказался в конце длинной очереди чиновников из нескольких различных департаментов. По-видимому, намечалось крупное совещание, со множеством помощников и секретарей. Бертингас заметил ярко-оранжевые кители департамента общего обслуживания, аквамариновые – водоснабжения, коричневые и красные – энергетики. Его собственный мундир департамента коммуникаций, черный с серыми молниями, само собой разумеется, поглощал больше солнечных лучей, чем отражал. Бертингас ощущал, как струйки пота стекали за шиворот и щекотали бока. Он почти физически чувствовал, как сминается и превращается в тряпку подворотничок кителя.

Служебные машины с гудением взмывали вверх, опускались на аэроплощадку, обдавали всех теплым воздухом из сопел – от чего становилось еще жарче, – загружались пассажирами и устремлялись прочь. Их активность напоминала механический балет, который никак нельзя было поторопить.

Бертингасу следовало, конечно, вызвать машину еще из своего кабинета. Тогда бы она пришла на автопилоте, а следовательно, без очереди. Теперь же ее подадут по порядку за... ну-ка, посмотрим... шесть, семь... Девять глав департаментов находилось на аэроплощадке. Заместители, пусть даже и исполняющие обязанности директоров, не имели их привилегий.

Пока Бертингас стоял и отсчитывал минуты, которые казались еще длиннее из-за струек пота, стекающих по спине, делил минуты на число бюрократов, стоящих впереди, и вычислял, когда очередь дойдет до него, на площадку прямо перед носом семиместного фургона приземлилась каплевидная двухместная машина. Крупная машина возмущенно забибикала на мелкую – очевидно, ее водитель просто не заметил золотые зигзаги, эмблему Кона Татцу.

Дверца маленького аэрокара приоткрылась, оттуда высунулась чья-то рука, и Бертингас услышал:

– Тэд! Залезай!

Вся очередь повернулась к Бертингасу. Водителя аэрокара видно не было, но Бертингас знал: это мог быть только один человек.

Бертингас поправил китель, подбежал к машине и сел в нее. Внутри аэрокара было темно и прохладно – блаженное облегчение после пекла аэроплощадки. Бертингас не успел еще как следует захлопнуть дверцу, как его друг – может быть, его друг на этой неделе – Халан Фоллард нажал на педали и поднял аэрокар в воздух.

«2. ХАЛАН ФОЛЛАРД: ДОВЕРИЯ НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТ»

Халан Фоллард повернул ручку управления и резко развернул аэрокар, да так лихо, что нос машины опустился на тридцать градусов, а сама она легла на левый борт.

Аэрокар развернулся и обогнул колонну других машин, которые ждали своей очереди, чтобы сесть на аэроплощадку Правительственного блока.

Фоллард чуть улыбнулся – он гордился своим умением выделять в воздухе акробатические трюки – и глянул на пассажира.

Бертингас, тяжело дыша, распластался в кресле. Воротник его кителя был расстегнут, и Бертингаса обдувал прохладный воздух кондиционера. Бертингас подергал жесткую ткань форменных брюк, стараясь отлепить их от мокрых от пота ляжек. Заметив это, Фоллард переключил кондиционер так, чтобы воздух в кабине был как можно прохладней, и включил

вентилятор. За десять секунд температура в кабине упала на десять градусов, и по лицу Бертингаса медленно расплылась блаженная улыбка.

– В бардачке лежат свежие подворотнички, – произнес Фоллард. – Поищи, может, найдешь те, что соответствуют твоему рангу.

– Вот спасибо, – отозвался Бертингас и открыл крышку бардачка. – Но как ты?..

– Интуиция, – улыбнулся Фоллард. Генеральному инспектору Кона Татцу не грех иной раз прикинуться простым чиновником средней руки. А Бертингас пусть думает, что хочет.

Большинство людей круга Фолларда – так называемого внешнего круга – считали Тадеуша Бертингаса безобидным тупицей. Педант и пижон, эгоист и бесхребетник, словом, типичный карьерист, который никогда не доберется до верхнего уровня.

Внутренний круг вообще не замечал Бертингаса.

Сам же Фоллард полагал, что у парня внутри стальной стержень. Скорее, даже не стержень еще, пока только спица. И она как следует укутана в ватное одеяло дурных манер и условностей, которые приобрел бы всякий после десяти лет службы в Правительственном блоке Скопления Аврора. В случае Бертингаса стальная спица была укутана двойным слоем, потому что его работа заключалась в манипуляции сознанием. Вводя в заблуждение других, обманываешься и сам. Бертингас постоянно общался с людьми, которые могут заставить тебя поверить, что какое-нибудь слово имеет именно тот смысл, какой они в него вкладывают... Как, к примеру, последний директор Бюро коммуникаций.

Бертингас *был* мягок и восприимчив – как и все на этой планете.

Из всех четырех с лишним тысяч обитаемых миров Пакта Палаццо был самым странным – но должно же человеческой расе повезти хотя бы однажды.

Планета представляла собой сильно сплюснутый геоид и по форме напоминала тыкву, выросшую где-нибудь на планете с высокой гравитацией. Вдобавок северный и южный полюса Палаццо были перпендикулярны к плоскости эклиптики, а значит, тут почти не существовало смены времен года: вечная зима и полярная ночь на обоих полюсах, вечное лето на обширном экваториальном поясе и какое-то подобие весны и осени на широтах 50 – 70 градусов к северу и югу от экватора.

Планета обладала сильным магнитным полем, полюса совпадали с осями вращения. Поэтому радиация местного солнца также практически не влияла на климат.

Палаццо была крупнее Земли в несколько раз, но имела, однако, гораздо менее плотную внутреннюю структуру: ядро планеты состояло из кремния и калия вместо железа и никеля. Поэтому гравитация на поверхности составляла 0, 92 земной, и каждый замухрышка чувствовал себя тут суперменом.

Это была единственная планета, где вместо травы росли какие-то спутанные стебли, которые плотной массой покрывали почву. Высотой эта «трава» не превышала четырех сантиметров и радовала глаз своим изумрудно-зеленым цветом. Каждое дерево на Палаццо было либо величавой секвойей, настоящей корабельной и мачтовой секвойей, либо яблоней, увешанной румяными съедобными плодами. Каждый утес на планете состоял из превосходного мрамора, вполне пригодного для изготовления античных колонн. Воздух был свежайшим. Вода была кристально чистой, словно родниковая.

Людам, открывшим эту планету – на ней не оказалось разумных существ, – она показалась средиземноморским раем. Отсюда и название – Палаццо.

Входящим в Пакт инопланетянам, имитировавшим сюда, планета казалась сущим адом.

Солнечный свет был слишком ярким и жестким для нежных глаз инопланетян, выросших под темно-красными звездами-гигантами. Тот же свет представлялся слишком тусклым для глаз, привыкших к ослепительно бело-голубым звездам. Пыльца деревьев раздражала чувствительные мембраны или натирала нежные сочленения инопланетян. Хлорофилл «травы» кое у кого даже вызывал ожоги. Сила тяжести оказывалась слишком велика для паукообразных существ лунных миров и для крыльев существ, живущих на планетах с плотной атмосферой. Эта же самая сила тяжести была слишком мала для того, чтобы мощные сосудистые системы обитателей миров с повышенной гравитацией могли

функционировать нормально. В воде недоставало некоторых важных для метаболизма инопланетян микроэлементов – или же вода вообще была для них ядом. Обычные для любого человеческого поселения микробы атаковали всех подряд.

Негуманоидные расы страдали от потертостей и ожогов, аллергий и ломоты в ложноножках, простуды и приступов ностальгии. Между собой представители многочисленных рас, сотрудничавших с Пактом, называли планету Порифера – по названию зловонного лишайника. А то и просто – Вонючка.

Но то, что Палаццо оказалась расположена так удачно, что от нее до любой другой планеты Скопления Аврора было просто рукой подать, сделало планету административным и коммуникационным центром Скопления. В конце концов людям здесь было очень хорошо.

Вот почему Тадеуш Бертингас, десять лет не отрывавший своей задницы от стула, разнежившийся в райском климате, на планете, где практически не было диссидентов, где не было даже обычных торговых пиратов, просто обязан был сделаться эгоцентричным, самодовольным, безынициативным, с дряблыми мускулами и так далее.

Что ж, пришло время разбудить его.

– Разве мы едем не во Дворец? – Бертингас поднял голову и выпрямился в кресле.

– Пока нет. Я подумал, а почему бы нам не отвлечься? Наслаждайся пейзажем.

– Это Сады. Я их как-то раз уже видел – и что находится за ними, тоже. А у тебя хорошая машина. Быстрая. Может, все же поспешим на совещание?

– Посмотри, какие утесы. – Фоллард пропустил слова Бертингаса мимо ушей. Он наклонил аэрокар и ткнул пальцем в окно. – Огромные валуны у подножия, на них крепкие белые колонны, на которые, в свою очередь, опирается Верхнее плоскогорье... Но так только кажется. Если посмотришь повнимательнее, поймешь: это просто иллюзия. Валуны внизу ничего не поддерживают. Они просто скатились сверху к подножию утеса. Настоящая опора, естественная скальная порода планеты, укрыта осколками белого камня.

Те колонны, которые мы видим, – продолжал Фоллард, – тоже ничего не поддерживают. Они выступают наружу только потому, что происходит выветривание породы. Это просто остатки настоящей скалы. Нет, та сила, что поддерживает Плоскогорье, не видна на поверхности, она лежит в глубине, в недрах планеты, которые нам не видны.

– Ты хочешь мне что-то сказать, не так ли? – поддразнил его Бертингас. На лице у него была та самая мягкая улыбка превосходства, по которой Фолларду всегда хотелось как следует врезать.

– Назови это каменной притчей, – сказал Фоллард. – Ты знаешь, что Высокий секретарь убит?

– А-а-а... Нет, я не знал. Это ужасно. Кто это сделал?

– Не имеет значения. Его друзья, слуги, родственники. Любой из вышеперечисленных. Ни один из вышеперечисленных. У него не было врагов, поэтому, должно быть, это сделали его друзья. Как я сказал, это не имеет значения. Стефан тен Холкомб подобен одному из этих белых валунов внизу. Он кажется одним из краеугольных камней фундамента Пакта. Он произносил кучу слов, что, мол, является связующим звеном нашей политической структуры – но он ничего не соединяет и ничего не поддерживает. Он просто обломок скалы, давным-давно свалившийся вниз, когда его семье случилось получить секретарство.

– Понятно. Это многое объясняет. А теперь мы, может, наконец отправимся во Дворец?

– Слушай сюда, мелюзга, – проскрипел Фоллард. Он называл эту свою манеру говорить «голосом инквизитора». – Есть и другие, которые хотят завладеть тронном Главного центра. Они будут говорить о «восшествии на секретарство». Но и тебе, и мне ясно, что, согласно нашей притче, они просто камни, упавшие по закону всемирного тяготения.

– Какие другие? О чем ты говоришь? – раздраженно спросил Бертингас, обидевшись, как и задумал Фоллард, на «мелюзгу».

– О столпах – силах, которым кажется, что они поддерживают Пакт. О главах коммерческих конгломератов. О военачальниках Скоплений. О губернаторах Скоплений, которые слишком давно сидят в своих удобных креслах и уже позабыли законы и механизмы

реальной политической жизни. Каждый из них полагает, что при наличии удачи, помощи и правильной расстановке сил он – или она – сможет взойти на трон. И что из этого получится? В контексте нашей притчи?

– Еще один обломок скалы, свалившийся с утеса на кучу щебня внизу, – угрюмо отозвался Бертингас. – И этот щебень может многое рассказать о том, кому мы салютуем, что мы будем делать, как мы живем, во что верим...

– Салютуем – допускаю. Но когда последний раз ты менял носки, не говоря уже о мнении, в связи с каким-нибудь высказыванием Стефана Шестого? Он павлин в золоченой клетке. Подставная фигура.

– Может быть. Тем не менее он назначает губернаторов Скоплений и всех остальных. Они обладают реальной властью над нашей жизнью.

– Чепуха, Тэд. Они назначают себя сами. Высокий секретарь совершает примерно три ключевых назначения в день, просто кивнув головой. Они просто подставляют себя под этот кивок – и готово. Вот и все.

– У тебя микрофоны в машине, – громко произнес Бертингас. – Ты пытаешься вовлечь меня в подстрекательство к мятежу. Не-ет, номер не пройдет. Я верен Пакту. Я верен Высокому секретарю, кто бы он ни был. Губернатору Салли. Директору Бюро коммуникаций, если и когда он будет назначен. Я верен...

– Почему бы тебе просто не сказать, что ты верен Пакту, без всех этих словесных штучек-дрючек?

– Но я *на самом деле* верен.

– Ты ведь можешь быть верен нашему обществу, верно? Тем его древним обычаям, которые *заставляют* эту межзвездную империю работать, не тратя своего времени и слез на болванов, якобы обладающих властью.

– А?

– Основе нашего общества. Тем ежедневным соглашениям и сделкам, благодаря которым появляется еда на наших столах, вода в трубах, загорается над головой свет, а в карманах звенит мелочь. Это те самые вещи, которые поддерживают нашу жизнь и о которых стоит вспомнить, когда обломки начинают падать к подножию утеса. Доверяй и будь верен окружающим тебя людям.

– И к чему бы Генеральный инспектор Кона Татцу говорил мне все это? Я-то думал, что твоя обязанность... э-э... поощрять верноподданнические чувства по отношению к Высокому секретарю. По крайней мере здесь, на Авроре. А также к его преданному губернатору.

– Это, разумеется, мой служебный долг – когда Высокий секретарь жив и исполняет свои обязанности – не важно, насколько компетентно – по управлению делами Скопления. Но в настоящий момент его превосходительство почивает в бозе под мраморной плитой. Безопасность наследника под сомнением, и мощные силы работают над тем, чтобы решить проблему Родерика раз и навсегда.

– Что это за силы? – В голосе Бертингаса звучало искреннее любопытство.

– Задай себе вопрос, кто контролирует половину Скопления Аврора.

– Хайкен Мару?

– Да, наш доминирующий конгломерат. С лицензией только на торговлю – без разрешения обрабатывать сельхозугодья, без разрешения вести банковскую или любую другую контрактную деятельность, без разрешения участвовать в органах управления... Всем известно, как тщательно контролируются компании, получившие такие лицензии.

– Ты думаешь, они попытаются повлиять на порядок престолонаследия?

– Вопрос из разряда «куда течет вода – вниз или вверх?». Мы в Кона Татцу полагаем, что они попытаются купить место наследника. Единственный вопрос – какой монетой?

– Ты имеешь в виду – не деньгами?

– Будет ли Хайкен Мару влиять на политический процесс? Предпримет ли она обходной маневр, чтобы поставить нейтральную фигуру – но такую, которая удовлетворяла

бы их требованиям? Или она поддержит другого кандидата, на которого можно оказывать косвенное давление? Или просто развяжет войну, благо средств у нее хватает, чтобы посадить на трон своего центристского председателя – Виллема Боркинга?

– Итак, что же она собирается делать?

– Этого мы пока не знаем.

– Ага. Итак, еще раз: зачем ты мне все это говоришь?

– Мы все-таки знаем кое-что, – произнес Фоллард, поворачивая аэрокар прочь от утеса, в сторону Дворца. – Например, кто будет следующим директором Бюро коммуникаций. Его зовут Селвин Прейз.

– Я слышал о нем, – отозвался Бертингас. – Он из свиты Дейдры Салли, она привезла его с собой из Главного центра. На первый взгляд он просто ее друг детства. Того же поля ягода: богатая семья, полусенаторское происхождение, ничего выдающегося, выпускник Нью-Гарварда. Изучал векторное финансирование, получил бакалавра. Учился на класс позже Родерика. Немного позанимался экспериментами с семейным наследством – пока не спустил его. Затем пролез в Сенат и стал завсегдатаем коктейлей и, вероятно, чьим-то закадычным приятелем. Все это было, в прессе. – Совершенно ясно, – продолжал Бертингас, – что этот Прейз – как раз самый подходящий кандидат на пост главы сложного технического департамента. Вроде моего. Большущее спасибо.

– В прессу не попало, что этот Селвин Прейз является законспирированным оперативником Кона Татцу. Под непосредственным руководством Авалона Бобура.

– Понятно.

– При другом раскладе дел это было бы совсем не твоего ума дело. И моего, кстати, тоже. Проблема в том, что Бобуру полагалось бы поделиться такими деталями с шефами подразделений в Скоплениях. Просто из вежливости. Я добыл эту информацию о Прейзе от моих агентов в Главном центре – от людей, которым я склонен доверять. Они не сказали ничего хорошего о твоём новом боссе. Ничего определенного, просто куча намеков, предполагающих сговор на сговоре. Подспудно прозвучало, что Бобур позволяет парню слишком много свободы. Так что Селвин Прейз, который на первый взгляд кажется милым шалопаем и фигурой совершенно безвредной, на самом деле есть очень большой вопросительный знак.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – спросил Бертингас – чересчур поспешно, на взгляд Фолларда.

– Ничего особенного. Следуй его приказам. Притворись, будто все принимаешь за чистую монету. И постарайся сообщить мне обо всем, что выглядит подозрительно.

– И взамен?

– Я отношусь к тебе как к другу, Тэд. А друг тебе, может быть, скоро понадобится.

Фоллард подлетел к Дворцу на большой высоте. Под аэрокаром расстилалась ухоженная парковая зона. Видны были украшенные колоннадами низкие здания, блестели серебристые пруды, несколько глубоких озер отливали голубизной; на фоне зелени яркими линиями выделялись посыпанные белым гравием пешеходные тропинки и асфальтированные дорожки для машин. Тут и там виднелись небольшие декоративные садики-лабиринты.

Как сотрудник Кона Татцу, Халан знал, что кое-где за кустарниками этих лабиринтов прятались радарные излучатели, а водная гладь прудов укрывала автоматические пусковые установки противовоздушных ракет.

В центре всей этой идиллической красоты, словно черный утес посреди зеленого пастбища, возвышался Купол – электромагнитный экран Дворца, защита от наземного и космического плазменного оружия. Обычно прозрачный, как летний воздух, сейчас Купол представлял собой темную полусферу, состоящую из ионизированных частиц. И все летательные аппараты знали, что объявлена тревога и Купол заряжен на всю убийственную мощь. Слой частиц блокировал любые внешние подслушивающие и подглядывающие устройства, будь они оптическими, электронными или мнемоническими.

К несчастью, если слой частиц был развернут, то естественный свет не мог проникнуть на территорию, которую защищал Купол, и под ним царила беззвездная ночь. Когда аэрокар Фолларда подлетел ближе и послал сигнал-пароль, черная пелена Купола пришла в движение, и в нем открылась щель, похожая на пару вертикально расположенных губ. Машина скользнула между ними.

Бертингас обернулся и посмотрел на клочок дневного света, медленно умиравшего под ночным небом.

— А что бы случилось, — задал он вопрос, — если бы они не открыли для нас проход? Ведь Купол — это же просто электромагнитное поле, немного припорошенное пылью. Ну, оно бы повредило электронные системы машины. Может быть, поцарапало бы краску. Но если бы мы двигались достаточно быстро, оно бы нас не остановило. Или я не прав?

— Мне как-то довелось осматривать машину, на которой один из гонщиков Панга попытался прорваться сквозь Купол. Не через этот, через другой такой же. Поле контролируется компьютером. Он остается пассивным, пока ему надо справляться лишь с потоком плазмы — поле просто поглощает его и рассеивает, поглощает и рассеивает. Но как только чему-нибудь металлическому удастся пройти сквозь ракетный заградогонь и войти в поле, контроль мгновенно переходит в активную фазу. Силовые электромагниты начинают быстро разделять поле на отдельные участки и менять их знак. Это создает такие мощные противотоки в металле, что машину просто разрывает на мелкие частицы.

— Но это в ферросплавах. Кто же строит аэрокар из железа? Алюминий и пластик, — Бертингас постучал по приборной доске, — не магнитятся.

— Зато магнитится гемоглобин у тебя в крови.

Внизу, под аэрокаром, уличные фонари и свет из окон здания превратили место слияния двух главных магистралей в украшенный драгоценностями крест. Он протянулся на четыре километра. Фоллард начал опускать аэрокар в густую тень рядом со стеной Купола. Внизу под машиной вспыхнул квадрат из голубых огоньков, обозначающий место парковки.

— Я такого никогда раньше не видел, — сказал Бертингас. — Большинство правительственных служащих высаживаются в Канцелярском переулке. Я думал, что под Куполом нет никаких стоянок. Или это что-то новое?

— Да нет, это служебная стоянка. — Фоллард выключил двигатель. Аэрокар опустился. — Мы на крыше Дома правосудия Кона Татцу.

— О-о-о...

Гул турбинных двигателей стих.

Фоллард почти бегом — они уже опаздывали — повел Бертингаса к спецлифту, замаскированному под аппаратную системы кондиционирования, мимо часовых, фигуры которых сливались с темнотой. Они спустились в главный вестибюль и вышли в псевдоночь улицы. Два километра до Золотого дома Неро, где нынешняя губернаторша предпочитала проводить совещания, пришлось пробежать трусцой.

Дом хорош был при дневном свете, когда его зеркальные стекла и покрытые золотом колонны сверкали и их блеск отражался в четырех окружавших его прудах. Тем не менее миллионы ватт искусно расположенных галогеновых светильников почти компенсировали отсутствие дневного света. Про себя Фоллард называл здание «шкатулкой с драгоценностями». Открой крышку, и механизм начнет наигрывать «Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо, и бутылка рома».

Вокруг царила слишком уж безмятежная идиллия — если учесть, по какому поводу этим утром собрано совещание.

Фоллард и Бертингас показали свои удостоверения человеку в ливрее, который стоял у западного входа. Он слегка наклонился, чтобы лучше рассмотреть их трехмерные голографические снимки на документах, фыркнул и махнул: «Проходите». Они подошли к «двери десяти часов». Фоллард приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Они опоздали, но не слишком.

Внутри Золотой дом представлял собой один-единственный зал яйцевидной формы.

Яйцо-часы а-ля Фаберже. Стрельчатые, украшенные изысканной лепниной арки обвивали светящиеся ленты крохотных золотых огоньков. Крохотные белые лампочки, вмонтированные в пол, обозначали проходы, которые вели через весь амфитеатр кресел к возвышению в центре, от верхних галерей к партеру через бельэтаж. Полутени заполняли умело спрятанные точечные светильники и подсветку в глубине зала. В целом получался мягкий свет, который шел со всех сторон.

На возвышении стоял стол для совещаний, вдоль него выстроились по линейке обитые красным стулья с высокими спинками. Это все походило бы на театральные декорации для сцены банкета, если б людей вокруг стола не было бы больше, чем стульев. Издали казалось, что в центре зала колыхнется марево горячего воздуха, но на самом деле это работал Купол. Когда Салли откроет совещание и призовет собравшихся к порядку, секретари и помощники вернутся на галерку, и Купол станет непрозрачным. Поэтому вокруг возвышения было наставлено полным-полно торшеров с автономным питанием – их явно умыкнули из какого-то студенческого общежития. В центре стола совещаний стояли изогнутые настольные лампы, тоже с автономным энергоснабжением.

В целом это устройство давало, наверно, достаточно защиты – по крайней мере, так считали члены администрации губернатора Салли, которые состряпали все это наспех. Однако Фоллард, который прекрасно разбирался в системах безопасности, посчитал, что все было сделано поспешно и незелегантно. Непрозрачный электромагнитный экран ни один настоящий знаток не назовет защитой от подслушивания.

Вместе с Бертингасом Фоллард поспешил вниз по проходу, к возвышению, преодолел шесть ступеней и поднялся вверх.

– Эй, Фоллард! Соизволил наконец присоединиться к нам?

Халан обернулся и увидел Валенса Элидора, который величественно двигался к ним – словно морской крейсер. Его окружали телохранители, приживалы и подчиненные. Генеральный инспектор знал, что Элидору уже исполнилось пятьдесят восемь. Но выглядел он гораздо моложе. Загорелый, атлетического сложения мужчина едва за сорок. Бицепсы борца. Никакого живота. Узкие бедра. Сердечная улыбка и похлопывание по плечу давали собеседнику понять, что Элидор – свой парень, дружелюбный, но в то же время стоящий выше своего собеседника. У Элидора была тяжелая челюсть, жесткие глаза, и он использовал полный набор отрепетированных выражений лица, которые высшие менеджеры перенимают друг у друга на совещаниях и потом отрабатывают перед зеркалом.

– Пришлось немного отклониться от маршрута. Дела.

– Более важные, чем это «ну-ты-сам-знаешь-что»? – подмигнул Элидор.

– А что я такого знаю?

– Ну, Халан! Ты говоришь как настоящий полицейский.

– А почему бы и нет? Я и есть полицейский.

– Ну-с, а кто этот подающий надежды молодой человек? – Элидор лучезарно улыбнулся спутнику Фолларда.

– Тэд Бертингас, Бюро коммуникаций, в настоящий момент и.о. директора... Тэд, это Валенс Элидор, генеральный торговый представитель Хайкен Мару в Скоплении Аврора.

Бертингас, как и положено в таком случае, учтиво поклонился и придал своим глазам блеск благоговения и понимания того, какой ему выпал счастливый шанс.

Элидор пожал его руку, но вежливо-отстраненно – его внимание уже отвлекло что-то другое.

Фоллард и Бертингас пробрались к столу. Правительственные чиновники и военные на обоих концах стола деловито занимали подходящие своему положению места. Рядом с креслом губернатора Салли стоял новый и еще даже не назначенный директор Бюро коммуникаций Селвин Прейз и очень уж хотел усесться на первый стул слева от губернаторского кресла.

Фоллард незаметно подтолкнул Бертингаса локтем и указал на него.

Прейз отстаивал свое право на это место у распорядителя протокола, который вежливо,

но настойчиво предлагал ему сесть подальше: глава администрации должен был прибыть с минуты на минуту. Бывший друг детства и нынешний агент Кона Татцу был невысоким, бледным, с жиденькими волосами, зачесанными назад и открывавшими большие залысины. Глазки у него были маленькие, а когда он открывал узкий рот, чтобы выразить свой протест, то обнажал острые зубы, похожие на мышьиные. Распорядитель протокола уже хотел было попросту оттолкнуть его в сторону, когда к столу подлетел запыхавшийся глава администрации, кивнул Прейзу и занял место справа от губернаторского кресла. Махнув рукой, распорядитель протокола пошел прочь. Прейз удовлетворенно улыбнулся.

– Это было твое место, Тэд, – заметил Фоллард.

– Тогда мне лучше поискать свободное сиденье в партере. – Бертингас коснулся плеча Генерального инспектора. – Спасибо, что подбросил, Халан... и спасибо за совет.

– Не стоит, – улыбнулся Фоллард, а его спутник поспешил прочь с возвышения.

«На хлеб и воду тебя, – подумал Фоллард. – Посмотрим, как быстро ты пойдешь ко дну».

Место напротив того, которое предназначалось Салли – второе по важности и по значению, – занял генерал Полониус Диндыма, командующий вооруженными силами Скопления. Его официальный статус был почти равен статусу Дейдры Салли. На этом конце стола возникла своя перепалка, так как только что прибывший капитан первого ранга Террел Туэйт полагал, что именно ему принадлежит честь сидеть напротив губернатора.

Туэйт, представитель флота Пакта на Палаццо, утверждал, что его более низкое звание превосходило любой чин *региональной* администрации. Ведь в конце концов, любил он повторять, на базе флота Джемини, расположенной в необитаемой системе Кали, находятся восемь крейсеров и двадцать с лишним эсминцев, тогда как вооруженные силы Скопления могут наскрести не больше четырех старых эсминцев и один межпланетный бомбардировщик с давным-давно списанным в утиль гиперпространственным двигателем. «Все это прекрасно, – обыкновенно отвечал Диндыма, – но этим четырем эсминцам стоит только свистнуть, и они тут как тут, а кто может сказать, в каком именно секторе барражируют канонерки адмирала Костюшко на этой неделе?» Туэйт отвечал на подобные высказывания в том духе, что эти самые канонерки являются передовым рубежом обороны в нестабильные времена.

Больше, пожалуй, за места у стола совещаний стычек не было. Валенс Элидор уселся между двумя сотрудниками Хайкен Мару. Другие представители ведущих конгломератов – Баранкилла, Дзу и Митцуи – заняли остававшиеся свободными места. Все остальные отошли от стола совещаний и расположились за пределами Купола.

Крупные латифундисты рассаживались по ранжиру вокруг Амелии Сейл, матроны Владения Грингэллоу. И опять, когда свободных стульев не осталось, мелкопоместные дворяне отправились в зрительный зал.

Фоллард приблизился к столу и подошел к Ребусу Джасперу из феода Прентисс, сидевшему рядом с военными. Он похлопал Джаспера по плечу, и, когда тот обернулся, Фоллард одарил его своей «гестаповской» улыбкой без тени юмора. Землевладелец вскочил со стула, словно его ударило током. Фоллард уселся на его место, даже не кивнув.

За столом сидели только люди. Даже представители рас гоута и деоорти, бывшие членами Пакта, не имели достаточного влияния, чтобы купить себе здесь место. Приматы с красной кровью с планеты Земля терпели только себе подобных и верили только своим. И никому больше.

Пажи и слуги засуетились, и «дверь двух часов» отворилась. В зал вошла Дейдра Салли и двинулась по проходу. За ней шла свита.

Салли была высокой и стройной женщиной, но в ее фигуре было что-то мужское. Волосы мышинового цвета были уложены в букли, которые даже здесь, в Скоплении Аврора, уже несколько лет как вышли из моды. Лицо Салли напоминало выветренную стихиями гранитную глыбу: лоб пересекали жесткие морщины, от крыльев носа вниз уходили глубокие складки, нос торчал, словно бушприт. Глаза темные и усталые. Салли было

семьдесят два стандартных года, и каждый из них оставил на ее лице свою отметину.

В досье упоминалось, что она родила трех дочерей, хотя и не от нынешнего мужа, Региса Салли, следовавшего за ней, словно маленький белый пудель. У нее было шестеро внуков, четверо мальчиков и две девочки, которые остались в Главном центре, чтобы продолжить образование. Несомненно, внуки были заложниками и гарантировали хорошее поведение Салли-губернатора.

«Чьими заложниками они теперь будут?»- спросил себя Фоллард. Авалона Бобура? Какого-нибудь приближенного Наследника? Или тайного агента Хайкен Мару? Фоллард решил выяснить это.

Салли села во главе стола совещаний. Стул ей отодвинул не Регис, а одетый в ливрею дворцовый лакей, двухметрового роста детина с мощными мускулами. Он поднял тяжелый дубовый стул с высокой спинкой так легко, словно это была складная табуретка.

Какое-то время Салли сидела молча, насупившись, как сын, и оглядывая всех, кто собрался в зале. Наконец она откинулась на парчовую спинку стула и положила руки на колени.

– Что ж, включите Купол, – сказала она.

Вокруг стола сгустилась тьма. Все звуки стихли. Потом одна за одной включились лампы.

Салли начала:

– Некоторые из вас уже знают, почему я созвала это чрезвычайное совещание. Но большинство – нет. В двух словах: Высокий секретарь убит, престолонаследие под вопросом. Члены протосовета потребовали, чтобы я как держатель Знака электрикса высказалась в пользу Родерика. Немедленно. Далее, чтобы вы все – как представители военных, административных, торговых и аграрных кругов Пакта – поддержали эту кандидатуру. Тоже немедленно. Мой персонал готовит соответствующее кодированное сообщение. Все, что требуется, это ваш личный...

– Не слишком ли мы спешим, Дейдра?

Звучный голос Валенса Элидора перекрыл ее бесцветно-монотонный речитатив.

– Ждите, пока я открою прения и предоставлю вам слово, Хайкен Мару, – сухо отозвалась Салли.

– Кажется, прения не входят в вашу повестку дня, моя дорогая. Тем не менее полагаю, нам есть что обсудить. Наш выбор, например...

– У нас *нет* выбора, кроме как выразить наше...

– Ну же, ваше превосходительство! Если мы проголосуем за то, что нам навязывает какой-то там попечительский совет, который не представляет никого, кроме самого себя, да еще нескольких идиотов – прошу прощения, мадам! – и чей здравый смысл вызывает большое сомнение, и кто находится за тысячи световых лет отсюда – что ж, тогда мы полностью заслужим тот политический хаос, который последует за этим выбором. Мы развяжем – а я знаю, о чем говорю – гражданскую войну такого масштаба, что Годы восхождения будут выглядеть мирными переговорами по сравнению с ней.

Элидор говорил, а Фоллард тем временем смотрел вовсе не на него, а на всех остальных. На лицах присутствующих он видел смешанное чувство согласия и сомнения.

– Вы закончили? – спросила Салли.

– Я думаю, другие разделяют мои чувства.

Все обеспокоенно зашевелились, послышались восклицания; то тут, то там перешептывались, и все вроде бы соглашались с Элидором.

– Кто тут говорит о гражданской войне? – рявкнул капитан первого ранга Туэйт. – Ее не будет, пока флот стоит на страже.

– Мерикур, – громко сказала Амелия Сейл, обращаясь ко всем сразу. – Он почти захватил контроль над Скоплением Апекс и подчинил себе пятнадцать других Скоплений – пусть и не явно. Он ведет открытую войну против Хайкен Мару. Думаете, *он* поддержит Родерика?

– Губернатор Мерикур не представляет угрозу Хайкен Мару, – отозвался Элидор.
– Да Хайкен Мару – угроза нам всем! – выпалил латифундист Абель Пеллер.
– Если война придет сюда, для нейтралов места не будет, – самоуверенно ответил генерал от торговли. – Друг или враг. Выбирай. Но выбирать надо быстро. Иначе получишь полный мешок проблем.
– Это что, угроза?
– Если Аврора примет чью-то сторону, она в любом случае проиграет, – объявил генерал Диндыма. – У меня не хватит кораблей даже для защиты Палаццо, о всем Скоплении я уже и не говорю.
– У меня кораблей хватает, – широко улыбнулся Туэйт.
– Не надейтесь, что мы забыли резню в Понсабле, капитан первого ранга, – сказала ему Сейл. – Целая планета расплавилась...
– Они снюхались с вогами, которые плюют на Пакт!
– Это вы так говорите! Никто этих вогов здесь даже не видел.
Салли постучала перстнем по крышке стола:
– А разве скелеты вогов, неизвестные Пакту материалы, использование нечеловеческой технологии – это не свидетельство?..
Губернатор резко ударила ладонью по столу.
– Подделки! – уверенно сказала Сейл. – И довольно неуклюжие.
– Тихо! – рывкнула Салли.
– Все до единого свидетельства – подделки!
– Я сказала – *молчать* ! – заорала губернатор во весь голос.
За столом воцарилась тишина.
– Если мы не придем к единому мнению, – сказала Салли, – я буду вынуждена ответить сама вместо вас.
– Без наших личных кодов согласия это не получится, – сквозь зубы произнес Элидор. Его губы изогнулись в мрачном подобии улыбки.
– Это бесполезно! – Губернатор встала. Половина сидящих за столом поднялась вместе с ней.
– Тщательно обдумайте свой выбор, мадам, – предупредил генеральный представитель.
– А вы подумайте о своей измене, сэр!
Дейдра Салли подобрала юбки и стремительно сошла с возвышения. Когда до границы защитного поля ей оставалось всего два шага, высокий лакей отключил его. Казалось, гнетущее напряжение рассеялось, когда мягкий, золотистый свет залил все вокруг.

«3. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: КУКЛОВОД»

Целых полчаса все сидели и смотрели на двадцатиметровое черное полушарие в центре зала, и это походило на важный, но скучный ритуал. Ни один из заполнивших места в партере помощников и советников, вторых секретарей и заместителей директоров департаментов не чувствовал себя настолько уверенно, чтобы встать, побродить по залу, посплетничать со знакомыми, вздремнуть – словом, притвориться, что на них не влияет черная стена, отделившая зрителей от активных участников событий.

Тэд Бертингас сложил руки на животе и от нечего делать размышлял о своем будущем. Рассмотрев нового директора Бюро коммуникаций с расстояния сорок метров, Тэд мгновенно возненавидел его. Тщеславное ничтожество, суетливое и мелочное – просто не хватало эпитетов, чтобы описать человека, который сначала крадет стул, а потом утверждает, что этот стул его собственный. Низкий лоб, напояженные волосы, бледные щеки, крысиные зубы – внешность директора полностью соответствовала эпитетам. То, как он сгорбил плечи, когда распорядитель протокола попытался изгнать его, указывало на упрямый и не вызывающий симпатий характер. Тэд хорошо умел читать по лицам. Селвин Прейз не был лидером. Он будет скорее действовать исподтишка, нежели открыто. Он не тот

человек, за которого стоит держаться.

А, ладно. Чего он, Бертингас, собственно, ожидал?

Бертингас только-только привел мысли в порядок, как Купол исчез. Все вокруг него смолкли. Никто не ожидал появления губернатора Салли прямо на границе Купола. Салли была похожа на огромную курицу. Она неслась по залу, плащ развевался у нее за спиной. Дороги она не разбирала и резко дернула локтями, когда вместо ровного пола ее нога встретила пустоту. Салли чуть не упала на первую ступеньку лестницы.

Однако шагу она не сбавила, только по ее лицу было видно, как она разозлилась.

Послышался скрежет отодвигаемых стульев – Регис Салли и вся остальная свита губернатора оправились от удивления и поспешили вслед за ней, мчащейся уже на середине прохода.

В зале встали с мест, задвигались. Тэд посмотрел на стол для совещаний. За ним все еще сидели люди, но кое-кто из них поднялся, когда уходила губернатор Салли, и теперь неловко стоял, не уверенный, закончилось ли совещание на самом деле. Одни были в недоумении, других, казалось, охватило тяжелое горе. Халан Фоллард смотрел прямо перед собой и напряженно о чем-то думал – скорее всего, разрабатывал какой-то план. Улыбался один только Валенс Элидор, главный торговец.

Ну, а как же Прейз? Бертингас глянул на него. Прейз сидел опустив голову и чистил ногти небольшим перочинным ножом. Лезвие поблескивало. Прейз казался донельзя сосредоточенным.

Вот подходящий момент, чтобы подойти и представиться. Тэд Бертингас почувствовал себя, словно солдат перед атакой. Он заставил себя преодолеть несколько ступенек, ведущих на возвышение, и приблизился к столу. Члены совета уже уходили. Некоторые кивали ему, другие просто проходили мимо. Селвин Прейз продолжал чистить ногти.

– Простите, сэр... э-э... гражданин Прейз...

Холодные глаза искоса посмотрели на него. На лице Прейза появилась вялая улыбка.

– Да?

– Меня зовут Бертингас. Я ваш заместитель. Бюро коммуникаций.

– О-о? – Глаза затуманились. – Да. Вспомнил. Я слышал о вас. Родились в этом Скоплении, долгое время работали в аппарате местной администрации. Да. Вы – Бертингас.

– Да, сэр.

– Я много слышал об организации, которой вы так неумело руководили в мое отсутствие, Бертингас. Должен вам сказать откровенно, я недоволен. Совсем недоволен.

– Чем именно? – Тэда бросило в дрожь, но он не понял почему – от страха или же от гнева.

Прейз поджал губы.

– В какую сумму обходится бюджету организация, которой я руковожу? Хотя бы приблизительно?

– Ну, это трудно сказать так сразу...

– Сколько стоит один – только один узел связи гиперволновой спутниковой сети? Скажем, миллион... Нет, миллиард новых рандов?

– Близко к миллиарду.

– И у нас здесь в Скоплении, согласно последней аудиторской проверке, имеется тридцать две станции. Я ничего не упустил?

– Нет, сэр...

– А «Фри Вид», «Сундук привидений»? Множество другой аппаратуры? По несколько миллиардов на каждую схему, наверное? Я все учел?

– Да, сэр, центральная бухгалтерия знает точные...

– Я прошу знать *вас*, Бертингас. Итак, мы имеем коммуникационную систему, оцениваемую, по моим быстрым прикидкам, в пятьдесят семь и три десятых гига-рандов. А теперь, сколько вы тратите на службу безопасности, Бертингас? Не занимайте мое время предположениями, поскольку вы не знаете, так ведь? Но я знаю...

Пятнадцать и семь десятых миллионов, припомнил Бертингас.

— ...что вы тратите не больше двадцати миллионов новых рандов в год. В основном на охранников, работающих по совместительству посыльными и мелкими клерками. Это есть в вашем отчете. Меры по «снижению затрат». Это означает, что любой террорист или мошенник или чем-то недовольный инопланетянин могут запросто войти в один из *моих* узлов и *захватить* его. Ну и как вы полагаете, что я должен чувствовать? Думаете, я сплю по ночам спокойно?

— Я в самом деле не задумывался, как вы спите, сэр.

— Вам бы стоило начать задумываться об этом, Бертингас. С этого момента в вашей жизни появился человек, который может сделать вас очень счастливым или очень несчастным. Это я... Ну а теперь, после того, как я завершу кое-какие дела здесь, во Дворце, я пообедаю, а затем осмотрю мой симпатичный новый кабинет в Правительственном блоке. И я надеюсь найти там, на моем симпатичном большом рабочем столе, ваш отчет с планом и полной сметой расходов по организации крепкой службы безопасности, включая вооруженные отряды и спецназ, которая будет охранять мои симпатичные чистенькие системы связи от неприятностей. Вам понятно, Бертингас?

— Так точно, сэр!

На лице Прейза появилась холодная улыбка. Он опять посмотрел на свои ногти.

— Очень хорошо. До свидания, Тадеуш. Было приятно с вами познакомиться.

Бертингас повернулся и отошел от Прейза. На душе у него было мерзко. Он так стиснул зубы, что почувствовал: еще немного, и они начнут крошиться.

Он заставил себя сделать глубокий вдох и успокоиться.

Так, где его друг, Халан Фоллард? На другом конце стола, разговаривает с какой-то старухой из Владения Грингэллоу. Тэд подошел поближе, надеясь, что Фоллард на своем аэрокаре подбросит его обратно в Правительственный блок.

Фоллард прервал беседу и быстро представил Бертингаса Амелии Сейл, а затем снова повел с ней беседу о какой-то там квоте Хайкен Мару на доставку метабаранов. Однако, оборвав себя на полуслове, Фоллард внезапно ткнул пальцем в Бертингаса:

— Ты мне напомнил. Я прикрепил к тебе телохранителя.

У Бертингаса появилось ощущение, словно его перебросили через гиперпространство в зону боев. Все кругом только и говорили о проблемах безопасности. В старом солнечном Мейербере, городе фонтанов. На беломраморном Палаццо, где никогда ничего не случалось.

— Но мне не нужен телохранитель, Халан. Честно.

— Ты не *желаешь* его, но это не значит, что он тебе не *нужен*. В данный момент она ждет тебя в кабинете. Обращайся с ней ласково.

— С ней ?

— Увидишь. — Фоллард повернулся к Амелии Сейл и вновь заговорил о ценах на скот.

Тэду все еще нужно было как-то добраться до Правительственного блока, или — принимая во внимание, сколько часов он уже бодрствовал, плевать на обещанный Прейзу отчет, — в свою квартиру.

Он прошел по проходу до «двери четырех часов» и вышел под темный Купол Дворца. Пространство вокруг Золотого дома было, однако, ярко освещено. Вокруг Бертингаса играли струи воды, летели прохладные брызги фонтанов. Пахло свежескошенной травой. Тэд вспомнил, что где-то рядом находится стоянка общественных аэрокаров. Если там ему не повезет, придется воспользоваться монорельсом. Бертингас отправился было к стоянке, но услышал за спиной чьи-то быстрые шаги.

— А-а, гражданин Бертингас! — Голос был глубокий, сильный и веселый. Тэд обернулся и увидел Валенса Элидора — одного, без свиты.

— Слушаю вас, — сказал Тэд.

— Бурное мы провели утро, правда? Есть о чем подумать. Вы что, любите ходить пешком? Или вас подбросить?

— Буду вам очень признателен, если захватите меня с собой. По крайней мере, до

Правительственного блока, – быстро ответил Бертингас.

– А дальше не желаете? – Элидор лукаво подмигнул. Он, видимо, подал незаметный сигнал, потому что большой черный аэрокар с мягким шорохом опустился из темноты и повис над землей, точнее, над одним из фонтанов. Вырывающиеся из-под машины струи воздуха породили целый каскад брызг, однако костюмы Бертингаса и Элидора остались целы. Дверца машины открылась, и Элидор жестом предложил Бертингасу садиться.

Хайкен Мару своих не обижала. Салон машины был обит серой, без единого пятнышка, кожей дауды, мягкой, как человеческая. Так как дауды с планеты Крааль Скопления Арахна обладали коэффициентом разумности девяносто три сотых, охота на них или разведение на фермах в качестве домашних животных были уголовно наказуемы.

Боковые панели опустились вниз, образовав пульт связи получше, чем в кабинете Бертингаса. У него не было холодильника и бара. Тем более не было серебряных щипчиков для льда и хрустальных бокалов.

Потолок салона был красочно расписан – здесь поработал настоящий живой художник, а не робот. На картине было изображено... После некоторого раздумья Бертингас решил, что картина называется «Казнь предателя Рудина». Он испытал нечто вроде шока, когда понял, что это даже не копия, а работа самого Поритера.

Он с любопытством огляделся. Да, машина роскошная: узорчатые ковры, золотая филигрань, разноцветный полированный кварц, красное дерево с Земли. Внутренняя отделка этой машины стоила больше, чем он, Бертингас, мог заработать за всю свою жизнь.

Пока он глазел по сторонам, аэрокар беззвучно набрал высоту и вылетел за пределы Купола на солнечный простор. Не получая указаний, шофер поднял машину на восемьсот метров, за пределы транспортного коридора, и стал описывать медленные круги.

– Не возражаете, если мы немного покружим над городом? – спросил Элидор. – Мне так редко выпадает шанс поговорить с представителем вашей замечательной профессии.

– Забавно, – отозвался Бертингас. – Второй раз за одно утро мне приходится вести долгую беседу... Ну, я не уверен, что коммуникации – это такая уж интересная штука, о которой стоит говорить.

– Я говорю о финале технического процесса, о создании иллюзий, о придании информации определенной формы, о создании развлечений...

– Разве человек вашего уровня нуждается в развлечениях?

– Хорошо сказано. – Элидор погладил кожу дауды. – Но мне нужна информация. Часто.

– Я пользуюсь базовым диском рассеянной информации...

Элидор коротко хохотнул:

– То, что меня интересует, не закодировано в оптических дисках. Нет-нет... М-м-м... У меня сложилось впечатление, что ваша работа состоит из жонглирования электронами, видеообразами, сценовым рядом, «звукобайтами» – так, кажется, вы это называете? Вы также имеете доступ к файлам, содержащим сведения обо всем, что произошло – ну, скажем, за последние две недели...

– Справедливое предположение.

– Включая оригинал и, вероятно, дюжину смонтированных вариантов первого всепланетного обращения по «Фри Виду» губернатора Салли, архивные копии официальных заседаний ее совета, и, видимо, некоторые записи того, чему мы были свидетелями этим утром?

– К большей части всего этого – да.

– Ваш технический отдел – я ничего не утверждаю, я только предполагаю – может слепить все эти электроны так, что в эфире – по крайней мере, теоретически – губернатор Салли может появиться и пообещать свою поддержку председателю Боркингу на должность Высокого секретаря?

Бертингас не стал давать вполне очевидного ответа. Вместо этого он нахально спросил:

– Почему это Боркинг хочет быть Высоким секретарем? Разве у него есть шанс?

– Нужна свежая кровь, Тэд. – Элидор совсем не казался обиженным. Наоборот, он

искренне улыбался. – Руководство Пакта прогнило насквозь, начиная с Главного центра и кончая периферией. Мы все это знаем. Власть Высокого секретаря – сила, способная раздвинуть сферу влияния Пакта, его рынки, повысить его технические возможности – бесполезно растрачивается в беспомощных руках врожденных придурков. Именно таким стало регентство Холкомбов. Оставаться лояльным по отношению к ним все равно что хранить верность колбасе из крахмала. Она тебе почти ничего не стоит, но и не делает тебя сытым.

Биллем Боркинг – парень решительный. Он человек дела, Тэд. У него есть программа реструктуризации экономики всего Пакта по основным направлениям. Поставить банки под контроль людей, знающих, что деньги надо пускать в оборот, а не просто сидеть на них. Заставить военных оплачивать аренду и поставки. Использовать уникальные способности инопланетных рас.

С сильной экономикой и унифицированной политической структурой мы сможем опять начать то, что заложено в наших генах, – внешнюю экспансию. Звезды снова станут нашими!

– Понятно, – кивнул Бертингас. – А поддержка Дейдры Салли – или ее фальсификация, по крайней мере – сможет реально помочь?

– Поддержка нашего председателя хотя бы одним из губернаторов Скоплений станет ядром кристалла, опущенного в перенасыщенный раствор. Другие губернаторы, которые еще колеблются, станут на сторону Боркинга. Наступление на Главный центр будет быстрым и бескровным.

Бертингас отрицательно покачал головой.

– За... э-э... импровизированным выступлением может последовать опровержение губернатора Салли.

– Не последует – при условии технически... э-э... убедительного качества исполнения. Если вы чувствуете, что ваши люди не смогут этого достичь, будьте уверены: вся аппаратура и лучшие специалисты Хайкен Мару в вашем полном распоряжении. Это способные ребята.

– Не сомневаюсь в этом, но все же...

– Позиция губернатора не ясна. Салли еще не сообразила, в чем ее собственная выгода. Вот откуда и этот срыв на утреннем чрезвычайном совещании. Если вы проявите инициативу, то тем самым окажете ей услугу. Во всяком случае, даже если она и изменит свое мнение – не в первый раз! – и даст опровержение, с ее дальнейшей политической карьерой это будет... несовместимо. Ни одна из борющихся за секретарство сил не сможет ей доверять. Губернатор Салли вынуждена будет придерживаться обязательств, которые выдате вместо нее.

– Уверен, что она все-таки найдет способ «вознаградить» меня за то, что я сделаю. Административные ликвидации на Палаццо проводятся, как я слышал, инъекцией непентала? Прочие детали обычно держатся в тайне.

– Этого не произойдет, если победив, Хайкен Мару отправит ее на повышение и она займет какой-нибудь пост в Главном центре – скажем, в межведомственной комиссии по юбилейным маркам, – и Хайкен Мару назначит в Аврору более покладистого губернатора. Этого не произойдет, если новый губернатор сделает ошеломляющее открытие – кто именно в отделе коммуникаций тянет всю работу. Может случиться, что появится и новый директор. И даже новый планетарный администратор.

– Тут просто огромный набор всяких «если», сэр. Будущее может оказаться не столь определенным.

Элидор пожал плечами:

– Отважный человек рискует по-крупному.

– У вас все выходит так легко и привлекательно. Однако – пожалуйста, поймите, я вовсе не хочу вас обижать – после десяти лет службы в правительственных организациях начинаешь по-другому относиться к словам «профессиональная этика». Взвалить на себя такое даже во имя всеобщего блага и процветания я не могу. Простите.

Валенс Элидор поджал губы и на целую минуту задумался. Потом кивнул:

– Я могу это понять. Да, я понимаю ваши чувства.

Легкий толчок – и аэрокар приземлился возле особняка Хайкен Мару. Бертингас не заметил, дал ли Элидор какой-нибудь сигнал водителю, чтобы тот перестал кружить над городом и начал снижаться. Элидор распахнул дверцу машины, но прежде чем выйти, наклонился и сказал в покрытый тонкой серебряной сеткой интерком:

– Доставьте заместителя директора, куда он пожелает, Андрэ.

Потом Элидор улыбнулся и махнул рукой – словно отряхиваясь. И вышел из машины.

– Слушаю вас, – послышалось из интеркома.

Бертингас попросил доставить его в Правительственный блок, и аэрокар взмыл в воздух.

Он набрал высоту слишком быстро и взлетел чересчур высоко.

– Что случилось? – потребовал Тэд ответа от интеркома.

В голосе пилота звучало напряжение:

– Я не знаю... управление... неправильно функционирует...

Бертингас не умел точно определять высоту полета, но поверхность Земли находилась очень далеко. Не меньше чем в трех километрах. Сады Дворца напоминали рисунок рубашки игральной карты, с черным камнем в центре. Скоро весь Мейербер за стеклом иллюминатора можно будет накрыть ладонью. Так что, они поднялись на четыре километра? Или еще выше? А давление в пассажирской кабине регулируется?

Когда водитель взорвал пломбы спасательного люка, Тэду показалось, что аэрокар вот-вот развалится.

Водитель оказался невысоким и очень широкоплечим и походил на чересчур мускулистую обезьяну. Он защелкнул пряжки спасательных ремней, подошел к люку, зажмурился и бросился вниз, спиной вперед, словно аквалангист с борта лодки. Тэд знал принцип работы спасательного устройства: как только человек удалялся на безопасное расстояние от машины, оно разматывало сотню метров сплетенного из металлической фольги легчайшего каната; затем мощный конденсатор подавал на этот канат пульсирующий разряд, и создавалась электростатическая тяга, подобно той, что действовала в шахтах индивидуальных лифтов. Результат: вы опускаетесь с небес, оседлав молнию. Это так щекотало нервы, что некоторые прыгали просто ради забавы.

Но не сейчас.

Спасательное устройство выпустило только три метра каната. Либо он застрял, либо его кто-то обрезал. Конденсатор выдал одну хилую голубоватую искру и замолк. Вопли водителя Тэд слышал даже сквозь шум двигателей и свист воздуха. Они длились бесконечно.

Когда вопли наконец утихли, в гуле моторов аэрокара появились новые нотки, и Тэд понял почему. На высоте свыше пяти тысяч метров воздух становился слишком разреженным, чтобы поддерживать машину. Через секунду-другую аэрокар заскользит вбок. Если его наклон достигнет определенного угла...

Бертингас пробрался в отсек управления и нашел еще один спасательный комплект. В глаза ему мгновенно бросилось то, что упустил водитель: вмятины на механизме катушки, треснувший пластик корпуса, порванные провода. Кто-то основательно поработал над ними молотком.

Палуба заерзала у него под ногами. Началось боковое скольжение. Он ухватился за ручку управления. Она действительно не двигалась: водитель не врал. Итак, либо личный аэрокар генерального торгового представителя Хайкен Мару страдал неправдоподобным припадком поломок – дроссели, ручка управления, системы контроля и спасательное оборудование, – либо кто-то пожелал принести в жертву надежного сотрудника и машину стоимостью в пять годовых окладов заместителя директора, чтобы покончить с ним, Тэдом Бертингасом.

Черт возьми, эти проклятые колымаги *сделаны* с расчетом на максимальную безопасность! Почти гарантированы от аварий! Вот, к примеру, если ломаются вентиляторы,

внутренние обводы машины спроектированы так, что сами создают подъемную силу. Машина должна полого спланировать и совершить посадку с приподнятой передней частью. Итак...

Бертингас нашел выключатели турбин и дернул их вниз. Что бы там какой-то террорист ни сделал с системами управления, он не подумал о простом выключении. Пропеллеры вентиляторов начали вращаться вхолостую, снизили обороты, а затем автоматически затормозили. Аэрокар выровнялся по оси. Тэд прочно пристегнулся к сиденью водителя. Поначалу снижение происходило почти незаметно и бесшумно – пока воздух не начал свистеть в раскрытых панелях переднего отсека, потом перешел в завывание, а затем в рев, когда машина набрала приличную скорость.

Может ли он ее сейчас контролировать?

Отчасти. Соединение ручки управления с механизмом подъема работало. Однако единственное, что мог сделать в данной ситуации Бертингас, – это выбрать место для посадки. Машина летела практически только по прямой.

Прямо по курсу, однако, находился – и вырастал с каждой минутой – черный пузырь Купола Дворца.

– Алло! Помогите! – кричал Бертингас и нажимал кнопки на пульте связи. Он наконец щелкнул переключателем аварийной связи. Услышит его кто-нибудь? Или и этот прибор тоже сломан?

– Помогите! Эй! Говорит... – Бертингас поискал глазами табличку с регистрационным номером. – Говорит борт 681 Хайкен Мару. У меня тут аэрокар взбесился. Над Дворцом. Кто-нибудь слышит меня?

Что сейчас будет? Сработают автоматические противовоздушные системы? Бертингас молил всех святых, чтобы его не сбили.

– Не стреляйте! Пожалуйста! Это не *нападение* ! У меня полностью отказали системы! Пожалуйста, не надо!..

Купол, казалось, вздымался ему навстречу, вырастал и расползался в стороны и стремился покрыть тьмой окружающие сады. В тот момент, когда Бертингас подумал, что Купол сейчас его поглотит, он начал менять цвет, его поверхность заколыхалась. Перед Бертингасом не просто открылась щель в Куполе – нет, Купол выключили целиком. Теперь Бертингас видел здания посольств, Золотой дом, три крыла резиденции губернатора, широкие улицы и людей, изумленно смотревших в небо.

«Постарайся не задеть людей», – сказал себе Бертингас, изо всех сил поворачивая ручку управления. Он летел прямо на рощицу древних вязов, зеленый пригорок и озеро. Лучшее, что он сможет сделать, это приземлиться тут.

Машина задела брюхом деревья, и взметнулось целое облако зеленых листьев. Корпус аэрокара наклонился вперед и рухнул в озеро, подняв тучу брызг. Озеро неожиданно оказалось глубоким. Волна, образовавшаяся при падении аэрокара, отразилась от берегов и захлестнула Тэда. Машина, похоже, тонула, и он тонул вместе с ней. На ремнях, которыми Бертингас привязал себя к водительскому креслу, было целых три замка. Тэд уже почти захлебнулся, но все-таки отыскал и раскрыл последний замок. Отфыркиваясь, он вынырнул на поверхность.

В нескольких метрах от себя он увидел лодку с двумя дворцовыми охранниками на борту. Один крутил педалями винт на корме, другой держал винтовку-пульсатор армейского образца, направив ее Тэду прямо в лицо.

Бертингас подплыл к лодке. Винтовка отодвинулась в сторону, но не слишком быстро.

– Кто это, лейтенант? – спросил знакомый женский голос.

На берегу озера собралась небольшая толпа.

– Он в форме Бюро коммуникаций, мэм. Очень похоже, что это... Да, это заместитель директора Бертингас.

– Ну же, дубина, тащи его сюда!

Конечно, это был голос губернатора. Охранник отложил винтовку в сторону и опустил

в воду две здоровенные ручищи. Он без видимых усилий поднял Тэда из воды и опустил прямо в лодку. Другой охранник принялся усердно грести к берегу.

Тупой нос лодки уткнулся в камыш, который рос вдоль берега, и Бертингас выбрался на сушу. Стоявшие на берегу люди подошли ближе, но так как все они были разодеты в пух и прах и видели, что с Бертингаса ручьем стекает вода, то старались все-таки держаться на некотором расстоянии от несостоявшегося утопленника.

– Какое ужасное происшествие, заместитель директора, – сказала губернатор. – Как это произошло?

– Какие-то технические неполадки. – Губы у Бертингаса не слушались, голос дрожал. А тут еще утренний ветерок овеивал его холодом. – Мы летели на персональной машине генерального торгового представителя Хайкен Мару, и после того, как он вышел, все и случилось... К счастью, на борту я был один...

В толпе заговорили, заволновались.

– А как же водитель? – послышался голос Халана Фолларда.

«Значит, он остался на территории Дворца», – подумал Бертингас.

– Водитель, он... У него что-то стряслось со спасательным оборудованием. Он упал вон там. – Бертингас махнул рукой в ту сторону, откуда он так неудачно прилетел в дворцовый сад.

Голоса в толпе стали громче. Послышались вопросы, но губернатор подняла руку:

– Достаточно, граждане! Мы выясним все, что нужно, когда аэрокар торгового представителя будет поднят из воды и технический персонал Кона Татцу получит возможность его исследовать. А сейчас заместитель директора промок, замерз, и, похоже, у него шок. Халан, вы не поможете ему?

Мрачно кивнув, Фоллард взял Бертингаса под руку и повел его через подстриженную лужайку на кольцевую аллею, ведущую к зданию Кона Татцу. Они вошли в здание и поднялись на второй этаж, в лазарет. Фоллард достал аптечку первой помощи – залечить полученные Бертингасом царапины – и пушистое полотенце – высушить мокрые волосы.

Фоллард позвонил и приказал доставить в лазарет сухую одежду, но, когда дежурный офицер принес ее, генеральный инспектор покачал головой:

– Не стоит тебе выходить отсюда в комбинезоне заключенного. Тебя могут неправильно понять. Потерпишь еще десять минут в своем мокром мундире, пока мы не отвезем тебя домой?

– Потерплю. Эта ткань сохнет быстро. Знаешь, лучше отвези меня не домой, а в офис.

Фоллард с сомнением покачал головой, но все-таки проводил Бертингаса на посадочную площадку. Когда они вышли на крышу, на улице царила тьма. Купол опять функционировал.

– Разве ты не хочешь узнать, что я думаю обо всем этом? – спросил Тэд, когда они уселись в небольшую черную машину и Фоллард запустил турбины.

– Не очень. Ты уже достаточно понарасказал. Я даже принял твои сигналы на мой ПИР. Что касается правды, мы узнаем ее, как только разберем этот аэрокар на части.

– Ага.

– Забавно, – продолжал Фоллард. – Мне известно, как Элидор трясется над этим своим роскошным лимузином. Как он хвастается им. Даже завышает его стоимость в налоговой декларации. Выходит, на него давят слишком сильно, раз он согласился использовать его как орудие убийства.

– Значит, ты все-таки *думаешь*, это было заранее спланировано?

– Конечно. Разве я не говорил, что тебе нужен телохранитель?

Бертингас уже собрался было спросить: «Но почему именно я?» – когда машина приземлилась на посадочную площадку Правительственного блока. Фоллард открыл дверцу и кивнул Тэду.

– А ты разве не пойдешь со мной? – удивился Бертингас.

– Ты через минуту окажешься в надежных руках, – улыбнулся Халан. – Постарайся,

чтобы тебя не прикончили по дороге в твой офис.

Тэд выбрался наружу и не успел сделать и двух шагов, как аэрокар поднялся в воздух, резко развернулся и умчался прочь.

Электростатический лифт выжал еще немного воды из униформы Бертингаса. Когда он вышел на девяносто девятом этаже, окружавшее его туманное облачко осело. Бертингас шел по коридору и слышал, как в сапогах у него чавкала вода.

Он вошел в отдел. Сотрудники повскакали с мест и окружили его. После ночного вызова на работу, чрезвычайного совещания у руководства, слухов о потерпевшем управление аэрокаре над городом, дурных предчувствий по поводу нового директора – а сейчас еще их начальник появился с водорослями на форме и царапинами на лице и руках – все они выглядели нервными и несчастными.

– Это правда, сэр?.. Насчет Высокого секретаря?.. Будет война, сэр?.. Вы сильно пострадали?.. А правда, что новый директор?.. Так ли?..

Тэд поднял руки:

– Пожалуйста, не все сразу! День оказался слишком длинным, мы все устали. Я понимаю ваше любопытство и отвечу на вопросы.

На некоторых лицах появились робкие улыбки.

– Да, Высокий секретарь убит. Поэтому нам дали задание провести определенную работу. Нет, войны не будет. Тем из вас, кто намеревался улизнуть отсюда под предлогом всеобщей мобилизации, не повезло.

Еще улыбки, кое-кто засмеялся.

– Я не пострадал, но авария аэрокара на высоте пять тысяч метров немного выбила меня из колеи. Для тех, кого интересуют детали, я планирую провести серию лекций во время обеденного перерыва. Присутствие обязательно для всех. Лекция будет проведена в течение последующих трех недель. С демонстрацией голографических фильмов.

Все облегченно рассмеялись.

– Я встретился с новым директором... – Тэд посерьезнел. – Его зовут Селвин Прейз. Разумеется, он из Главного центра... Похоже, он... э-э-э... дотошный парень. Это о'кей. Это нормально. Мы все сможем работать с директором, который хочет, чтобы все делалось как положено, потому что именно так мы здесь и работаем. А теперь – извините. – Он снял несколько зеленых стебельков с мундира и внимательно посмотрел на них. – Думаю, мне стоит посадить их горшок и поставить на окно.

Сотрудники разошлись по местам – все, кроме Джины Ринальди. Она направилась вместе с Бертингасом в его кабинет.

– Тэд, – прошептала она, – что произошло на самом деле?

– Кто-то пытался меня убить. Причем не пожалел ради этого усилий.

– Тогда не заходи в свой кабинет.

Бертингас остановился в изумлении:

– Почему?

– Там человек, способный довершить начатое. Причем одной левой.

– А-а. Тогда нам следует пойти и поздороваться с ней, верно?

Джина уставилась на него:

– Откуда ты знаешь, что это «она»?

Но он уже вошел в кабинет.

Женщина, о которой говорила Джина, стояла у окна. Кургузое туловище принадлежало либо человеку с самым нелепым телосложением, какое он когда-либо видел, либо инопланетянину-гуманоиду неизвестной расы. Почти метровой ширины, но ростом едва ли выше метра тридцати. Ходячий обрубок, с запястьями, похожими на лодыжки, и с лодыжками, напоминающими пни. Плиты тяжелых мускулов скрывали всякий намек на груди, бедра и прочие вторичные половые признаки. Лицо не носило и следа косметики, и ее – ее? – рыжеватые волосы были подстрижены коротким ежиком. Женщина была одета в комбинезон из моноволокна (намек на инопланетное происхождение – возможно,

намеренный?). Завершала наряд португеза с оружием.

– Доброе утро, сэр, – произнесла женщина, шагнула вперед и протянула руку, напоминающую захват портового крана. Голос, выходящий из глубины необъятной груди, походил на раскаты отдаленного грома, хотя если бы ее голосовые связки принадлежали более стройной женщине, она бы говорила довольно приятным контральто.

– Меня зовут Пэтти Фиркин. Халан Фоллард полагает, что вам понадобятся мои услуги. Он пожал ей руку и почувствовал, что Фиркин старается не сделать ему больно.

– Спасибо, мисс Фиркин. Думаю, ваши услуги нам всем понадобятся.

«4. ДЖИНА РИНАЛЬДИ: БУМАЖНАЯ ТИГРИЦА»

Ни один день жизни Джины Ринальди не обходился без боли.

Хуже всего была атмосфера Палаццо. С точки зрения Джины, в ней не доставало кислорода, поэтому Джина постоянно чувствовала – даже если дышала полной грудью, – что находится на грани кислородного голодания. Только усилием воли она поддерживала нормальную частоту дыхания. Джина постоянно принимала пилюли, снижающие уровень метаболизма и сокращающие потребность организма в кислороде, и всегда имела при себе небольшой иньектор, чтобы в случае острого приступа впрыснуть в кровь обогащенную озоном жидкость. Но эти средства не могли заменить настоящего *дыхания*.

Сила притяжения на этой планете тоже оставляла желать лучшего. На планете, где выросла Джина, гравитация была гораздо сильнее, поэтому Джине постоянно приходилось контролировать каждое свое движение. Иначе при каждом шаге она подскакивала бы на два метра, тогда как окружающие ее люди шаркали по земле. Если бы Джина не рассчитывала каждое свое движение, то во время чаепития чашки взлетали бы к потолку всякий раз, когда она поднимала их с блюдца. Бумаги она старалась не мять и не разрывать, и это ей удавалось. Но когда она нечаянно задевала ногой стул или кресло, они отскакивали в сторону, подобно кузнечикам.

Она думала о Палаццо как о планете, непригодной для жизни.

Были проблемы и посерьезнее. Джина обнаружила, что с течением времени низкая гравитация планеты начала изменять ее тело. Кости стали более хрупкими, так как в них понизилось содержание алюминия. Сухожилия сокращались, вызывая болезненные спазмы. Удельный вес крови и лимфы изменился: эти жидкости постепенно теряли легкие металлы, которые играли важную роль в химическом балансе ее тела. Джина начала понимать, почему ни представители ее расы, которые приехали на Палаццо работать на полях Владения Пескадор, ни другие инопланетяне, работавшие в финансовых структурах Мейербера, не жили дольше пятидесяти стандартных лет. А ведь нормальная продолжительность жизни деоорти составляла двести пятьдесят лет.

Гораздо хуже проблем физиологии было пренебрежение и презрение со стороны людей. Они видели в работающих на них инопланетянах просто удобные приспособления. Одни были живыми самовоспроизводящимися тракторами для работы на полях, другие – арифмометрами. Сама Джина была всего лишь ходячим ПИРом, когда ее не использовали в качестве сексуальной игрушки. Тэд мог иногда забыть и разговаривал с ней, как с настоящей личностью, но этот *машинный* менталитет всегда присутствовал, пусть и был до поры до времени под спудом. Люди забывали, однако, тот факт, что количество инопланетян превосходило количество людей в соотношении миллиард к одному.

Несмотря на все это, Джина была очарована людьми: они обладали способностью сомневаться.

Ортодоксальность деоорти была почти что биологической природы и основана на законе Улья. *Сомневаться* в целесообразности структуры общества, *не повиноваться* установленным заповедям, *отделять* себя от общей массы – все это было немыслимо. Как немыслимо для деоорти сомневаться в существовании звезд, не повиноваться течению времени, отделить себя от натрия.

По сравнению с ними люди были такими разными! Они могли «сомневаться, не повиноваться и отделять себя» совершенно свободно и по собственному желанию. И из этой неудовлетворенности, как из исходного материала, они создали комедии, трагедии, музыку, войну, коммерцию и тысячи других интересных вещей, о которых деоорти никогда и не мечтали. Жизнь человека походила на зловонную мусорную кучу эмоций и мотиваций, каждая из которых проявлялась различным образом, некоторые сильнее, некоторые слабее. И как бы Джина ни осуждала их бездумного расточительства, все же она любила разнообразие.

Самое большое замешательство у нее вызывала концепция политики. Два человеческих существа, у обоих много доброй воли, честных намерений и здравомыслия, могли горячо спорить и совершенно расходиться во мнениях по фундаментальным вопросам деятельности общества и его благополучия. В отделе, где она работала, вспыхивали целые словесные баталии между сторонниками открытого освещения всех фактов и сторонниками дозированной подачи информации, между «лакировщиками» и «правдистами», между людьми, делающими карьеру с нуля – как Тэд, например, – и назначенцами вроде этого нового начальника, Селвина Прейза. *Эта* битва совсем не будет отличаться от прошлой, да и позапрошлой тоже.

После нескольких лет работы Джине стало ясно, что вопросы, по поводу которых спорили люди, решения, которые один принимает, а другой отменяет, совсем не являлись базовой причиной их борьбы. За обычными словами и обычными фразами скрывалось мистическое понятие, называемое «позицией». Каждый из людей – и Тэд, и назначенный сверху директор – мог иметь ее. И они всегда не совпадали. Каким-то образом – каким именно, Джина не понимала – эта самая «позиция» была связана с видением каждым человеком своего места по отношению к политической структуре Пакта, к человеческому обществу в целом и ко всей Вселенной и ее миллиардам галактик. Каждое человеческое существо изобретало свой собственный мир и решительно отстаивало право на его существование перед другими людьми.

Пусть тело деоорти и могло быть скопировано с человеческого, но некоторые вещи разум скопировать не может.

Конечно же во всех этих битвах и стычках Джина поддерживала Тэда.

Не ради «политики», напомнила она себе, а ради «любви». Это была еще одна эмоция, которую Улей никогда не создавал. Любовь походила на верность Улью, только сфокусированная на отдельной личности. Она не являлась, не могла являться проявлением сексуальных отношений полов, хотя для Тэда секс непостижимым образом переплетался с любовью. Разумеется, человеческий секс и секс деоорти исполняли разные функции: один – социальную, другой – биологическую.

Понять все это было трудно. Временами, наедине с собой, Джина подумывала: а не легче ли будет и не пытаться понять? И исполнять роль *машины*, которую люди, как казалось, хотели в ней видеть.

Но с другой стороны, все это было очень просто. Вызывающе раскованное поведение и любовная лексика помогли Джине получить разрешение на постоянную работу и временный вид на жительство в пределах городской черты Мейербера. В человеческом обществе секс и политика означали выживание. Это она могла понять.

– Джина! – окликнул ее из своего кабинета Тэд, хотя, спрашивается, что ему мешало протянуть руку и нажать на кнопку интеркома.

– Да, Тэд? – крикнула она в ответ.

– Подойди сюда!

Зайдя к нему в кабинет, она увидела, что Тэд сидит на столе, склонившись над своим прибором искусственного разума и ковыряется в его оптической настройке.

– Мне кажется, эти линзы не работают. Пытаюсь получить голографическое изображение, но даже ряби не возникает.

Джина решила эту проблему за две секунды. Он подсоединил микросканер вместо

макропроектора. Та-ак, как бы сказать ему об этом помягче, чтобы он не почувствовал себя полным идиотом? Ладно, пусть это сделает машина.

– ПИР! – позвала она.

«Готов!»- с энтузиазмом отозвался тот.

– Покажи картинку.

«Не могу. Я слеп. Что, этот идиот опять подключил к моим глазам микроскоп? Если он это сделал, так пусть лучше сразу положит меня на пол и прихлопнет каблуком».

– Господи, я поставил не те линзы, – сказал Тэд. – Нужно же почетче маркировать такие штуки...

Он переставил линзы и вновь попросил ПИРа:

– Покажи картинку.

«Ты, наверное, хотел сказать:» Пожалуйста, покажи мне ту серию изображений, о которой мы говорили «? Если так, то повтори это, будь любезен».

– Давай сбрасывай информацию.

Над центром стола возникло мерцание: неразборчивые линии и полосы сменяли друг друга с завораживающей глаз быстротой. Через шесть секунд мерцание погасло. Изображения сменялись так быстро, что Джина смогла только уловить, что они представляли собой какие-то топографические карты или структурные схемы.

– Помедленнее, пожалуйста, – сквозь зубы произнес Тэд:

«А, так тебе нужна скорость для *прочтения*, – ласково проворковал ПИР. – А мне показалось, ты сказал» сбрасывай «. Виноват, сэр».

И почему Тэд не избавится от него или хотя бы не перепрограммирует? Джина подозревала, что Тэд некоторым образом наслаждался стычками с нахальной машиной... Может быть, именно поэтому он и ее держал рядом с собой. Первое голографическое фото показывало зеленую долину, по которой неторопливо извивалась небольшая речушка, сверкающая на солнце, словно металлическая лента. Проектор быстро чередовал два слайда – в результате казалось, что на фото плещут волны и шевелится листва на деревьях. В центре картинки находился белый купол, собранный из готовых гексагональных панелей. Это была гиперволновая релейная станция, где-то на Палаццо – скорее всего, в дальних предгорьях.

Следующая голограмма показывала купол крупным планом. Рядом с куполом стоял человек – для обозначения масштаба. Чуть подальше из аэрогрузовика, лежащего на земле, выгружали одетого в противорадиационную броню робота. По снимку скакала двухмерная красная стрелка, показывая уязвимые места станции: люки доступа к механизмам, плазменную трубу и силовые стартеры, тарелку приемной антенны «Сундука привидений».

Третье фото показывало внутреннее устройство станции: видны были внешняя оболочка, стойки, опоры, главные лазеры, кибернетические системы.

– Что мы ищем? – спросила Джина.

– Как пробраться внутрь.

– Дверь с левой стороны. Здесь.

– Нет, я имею в виду, если нам этого не положено.

– Сломай дверь. Слева.

– Вот этого-то я и боюсь.

– А кому понадобится пробираться внутрь гиперволновой станции? – спросила Джина.
– Там нет ничего, что стоит украсть, кроме нескольких промышленных лазеров, да старого компьютера, который настолько адаптирован к конкретной задаче, что придется просто выбросить его на помойку. Ну а если тебе нужен гиперволновой сингулятор, то возьми с собой, не забудь, переносной синтезатор массы, и довольно крупный – иначе вся эта планета кувыркком полетит в тартарары... Да нет, никто не станет вламываться в станцию ГСС.

– Может, и станет; если захочет взять под контроль систему связи Скопления.

– Ну, предположим, что так. Но это даст контроль всего лишь над одним узлом и одним звеном двусторонней связи. Не проще ли внедриться сюда, в этот офис, и управлять всей системой? Наш кибер намного универсальнее. И более склонен к сотрудничеству.

«Я все слышал!»- прокудахтал ПИР. Джина стукнула костяшками пальцев по его черному корпусу, сделанному из углеродного волокна. Само собой, повредить ПИРу, не имея десятикилограммовой кувалды, она не могла. Однако ПИР все же замолчал.

– Во всяком случае, – сказала Джина, – кто беспокоится о взломе?

– У нового директора самая настоящая фобия на этот счет. После совещания во Дворце он выпотрошил меня и изжарил. Говорит, хочет получить мои предложения по организации военизированных сил быстрого реагирования – вплоть до места расположения казарм, программы подготовки, сметы расходов и размеров жалования – и даже, наверное, политики пенсионного обеспечения и текстов строевых песен. И чтобы таковое предложение лежало у него на столе после обеда.

– И поэтому ты сидишь здесь в мокрой форме, с тебя свисают водоросли, и ты разглядываешь схемы двадцатилетней давности. Бюро списало станции типа «дельта» девять лет назад, знаешь ли.

– Хм-м...

– Слушай, Тэд, побереги свои мозги. Ты тратишь время, пытаешься определить, как можно пробраться внутрь гиперволнового узла, и хочешь вычислить, сколько оружия потребуется для его защиты. Ты ведь не солдат и не вандал. Вместо этого сделай предположение. Пятьдесят человек? Сто? На каждую станцию? На каждой планете? Затем умножь на число станций, и все.

Он сморщил нос:

– Такого количества обученных солдат не наберется во всем Скоплении, если не считать морпехов Диндымы или флот.

– Значит, набери и обучи их. Это займет шесть месяцев.

– *Кого именно* обучить? Мы не можем набрать охранников из нашего персонала, у нас и так нехватка рук. Другие департаменты в таком же положении. А конгломераты и латифундии представляют собой замкнутые системы рабочей силы.

– А безработные с биржи труда? Они-то уж точно не входят в эти системы.

– Да уж, совсем за ее пределами. Половина из них воры, другая половина шпионит неизвестно за кем и неизвестно для кого. Они-то как раз и есть тот самый сброд, от кого мы собираемся защищаться. Прейзу это очень понравится.

– Как насчет инопланетян? – У Джины захватило дыхание, когда в разговоре с человеком она произнесла это слово...

– Инопланетяне? А они могут драться? Даже если и могут, зачем им драться за нас?

Хороший вопрос. И все же Джина продолжала гнуть свое.

– Я думаю, они умеют быть верными, – медленно проговорила она. – Иногда *очень верными* ...

– Ладно, черт с ним. Запишем просто: «войска», а специфику уточним позже. Что еще нам надо?

– М-м-м... Бронетранспортеры для их перевозки. Из вооружения понадобятся винтовки-пульсаторы – усиленный вариант, парализующие гранаты и переносные плазмометы.

– Да где мы все это возьмем?!

– Выпроси их у военного командования Скопления, купи на базаре, завези с других планет. В любом случае, когда ты знаешь количество своих войск, просто подсчитывай все – транспорт, казармы, подготовку, жалование – исходя из этого числа. Остальное – экономика. Я могу просчитать все это на наручном калькуляторе за десять минут.

– Ну, не знаю. Этот парень Прейз довольно востер.

– Верю. Но он не всеведущ. Если ты обрушишь на него лавину цифр, ему потребуется в два раза больше времени разобраться в них, чем нам их состряпать. У нас будет время подлатать проект.

– Хочешь быть его соавтором?

– Конечно. Не слишком при этом усердствуя...

– Что ты имеешь в виду? – спросил Тэд. – Новый директор хочет...

– Новый директор ни черта не смыслит ни в теории, ни в практике коммуникаций. Чтобы причинить системе реальный вред, не стоит взрывать или брать под контроль какой-то один узел. Нужно в определенной форме подать информацию, исказить ее, переписать текст, слепить поток электронов в соответствии с твоей точкой зрения. Это более тонкий, изящный подход. Армейская атака не изящна.

– Может быть. – Бертингас в задумчивости уставился на голографический снимок внутренностей станции, затем покачал головой: – Будет слишком легко найти проколы. Директор прищучит нас прежде, чем мы сможем привести проект в приличный...

– Да неужели?! Тэд, директор не знает и не понимает и десятой доли того, что здесь происходит. Он не знает имен и не разговаривает ни с одним из технарей. Когда в последний раз ты видел хоть одну из этих шишек на ровном месте в нашем отделе? Мы-то знаем, кто на самом деле управляет Бюро. Ты или я могли бы подделать передачу, разбить файл на несколько частей, припрятать их за пределами памяти компьютера и дать в эфир, когда нам будет угодно.

– Ты-то как раз и могла бы... Хм... Думаешь, я бы этот файл нашел?

Джина ощутила легкий холод внизу живота. Она иногда ошибалась, если пробовала угадать человеческие мысли и эмоции, не имея при себе усилителя. Однако ход мыслей Тэда был безошибочен.

– Я... я не знаю. Может быть, нет. Наверняка нет.

– Но людям Хайкен Мару ты сказала не так, правда? – Он резко повернулся к ней в своем кресле и пронзил ее взглядом.

Джина знала, что она могла бы одним точным ударом снести ему полчерепа – если ударить по глазницам. Ей, может быть, даже удастся выбраться после этого из здания. А как только она очутится на улице... Но для нее Тэд был чем-то большим, чем просто ходячим куском желе на углеродной основе, от которого надо избавиться. Ее плечи опустились.

– Как ты узнал?..

– Дважды за одно утро мне намекают, что неплохо было бы подправить передачи данного департамента. Первая персона, предложившая это, приложила много усилий, чтобы меня убить, когда я отказался. А он, честно говоря, знает о технологии связи и информации еще меньше нашего босса. Я вынужден предположить возможную связь между обоими случаями.

– Что ты собираешься делать?

– Ты говорила им, что меня следует убить?

– Нет! Никогда, Тэд!

– Они тебе заплатили?

– Нет, тут все иначе. Моя сестра работает в структуре Хайкен Мару. Она спрашивала о моей работе и моих отношениях с тобой. Мы заговорили о технических деталях, и она спросила, могу ли я что-нибудь зашифровать и сфальсифицировать в нашей системе, если захочу. Я ответила, что, может быть, один раз и смогу – что-нибудь незначительное. Но если будет какое-то важное сообщение, вроде передачи из Дворца, то ты, скорее всего, обнаружишь это.

– Поэтому они вынуждены были убить меня.

– Нет... нет, никогда! – почти провыла Джина. Она опустилась прямо на пол, ноги ее согнулись – такую позу люди называют полулотосом. Для Джини-деоорти это было положением капитуляции. Как если бы человек в подобной ситуации встал на колени.

– *Мы шутили*, когда говорили об этом. Если бы мне потребовалось, я связала бы тебя и заперла на час или на два. Или трахнулась бы с тобой, одновременно делая свое дело. Но не убить тебя – ни за что я не могла бы убить тебя, Тадеуш!

По ее лицу текли слезы, горячие слезы солей лития. Джина чувствовала, как они размывают косметику, которую она каждое утро накладывала на лицо, чтобы еще более походить на человека. Ей нужно было взять себя в руки: и ее тело, и язык, и эмоции

становились все больше характерными для деоорти. Это вызовет отчужденность Тэда. Но она не могла контролировать себя.

– Почему ты?..

– О, помолчи, ты, глупый человек! Я люблю тебя! Ты не член Улья, не сестра, у тебя другой запах, но я люблю тебя от этого не меньше. И ты думаешь, я бы пошла на то, чтобы тебя убили? Теперь ты больше не любишь меня. Это нечестно, Тадеуш!

Он сидел, смотрел на ее макушку и от всей души желал оказаться в этот момент где-нибудь в другом месте.

– Мы – мой народ, – опять начала Джина, – придали себе вашу форму тела. Чтобы *такелендир* – смешаться с вами. Как могла я не любить тебя? Не переставать любить, пусть даже ты и не любил в ответ. Пусть даже для тебя я всего лишь существо. Ласковая самка. *Инопланетянка*.

– Я не... Это не совсем так, – произнес он.

Но по тону его голоса она знала, что это так.

Джина уже собиралась объяснить, каким образом и она тоже была верна Пакту, почему вынуждена быть верна, когда зуммер на столе Тэда прервал ее. Это был особый зуммер, с сотого этажа, и он не звучал несколько месяцев.

– Это директор. Он, вероятно, хочет видеть меня, – сказал Бертингас. В голосе его слышалось облегчение.

Джина подняла голову и посмотрела на него. Ее лицо все еще было мокрым от слез, но рефлексивно сжатые ноги расслабились, плечи немного приподнялись.

– Твоя форма выглядит ужасно.

– Времени поменять ее, похоже, нет.

– Нет...

– Почему бы тебе... э-э... не продолжить работу над этими цифрами?

– Ты доверяешь мне это? После разговора с Хайкен Мару? После попытки убить тебя?

Он ответил небольшой, натянутой улыбкой. Она внезапно осознала, что этот человек сам едва сдерживает слезы.

– Твоей вины здесь нет, – сказал он, – ты это сделала не намеренно. Ты хорошая женщина, Джина.

Хорошая женщина, почти человек.

Она вытерла ладонью расплывшуюся косметику и улыбнулась в ответ.

Затем он поспешно вышел из кабинета. В одном сапоге все еще хлюпала вода.

«5. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: НЕОЖИДАННАЯ ПОДДЕРЖКА»

Когда Тэд быстрым шагом двигался к трубе лифта, его сырые сапоги отчаянно скрипели, а голова шла кругом; правая рука вцепилась во встревоженный ПИР, который он машинально схватил со стола, когда вышел... Нет, когда сбежал из собственного кабинета. Бертингас крепко сжимал корпус ПИРа – ему требовалось за что-то держаться. Нужно было бы вернуться и положить ПИР на место, но только не сейчас и только не туда...

Телохранитель – как ее имя? Фиркин? – вышла из угла между двумя перегородками и постаралась идти в ногу с ним.

– Просто встреча с боссом. – Он постарался улыбнуться. – Наверху.

Она не отставала.

– Я должна проверить...

– Назад, дубина! – гаркнул Тэд.

Она чуть не поскользнулась на кафельном полу, но остановилась. Тэд продолжал нестись вперед, в голове его лихорадочно вертелись мысли.

Джина рухнула, как сломавшийся робот или как кукла-марионетка с обрезанными нитями. То бормотала, то бредила. И все из-за простого вопроса, кто знал, что и как много о Бюро и кто пытался убить Тэда.

Конечно, между ним и Джиной сложились хорошие отношения. Нечто вроде любви. Однажды. Он полагал, что для нее это было так же приятно, как и для него. Возможно, что нет. Физиология и психология инопланетян отличались от человеческих. Деоорти обладали фенотипом, очень близким к человеческому, нужда заставила их удачно имитировать многие человеческие эмоции. Возможно, они научились даже чувствовать, как люди. А возможно, и нет.

После сцены в кабинете Бертингас заключил, что Джина просто псих или же она хорошая актриса.

И все же, кому еще он может доверять? Кто еще может мыслить так же ясно, как она? Кто еще может выполнять эту работу? Кто еще так многим ему обязан? Может быть, ну может же быть, что ко времени его возвращения с верхнего этажа она придет в себя и будет щелкать калькулятором как ни в чем не бывало. Он хотел думать именно так – просто чтобы привести мысли в порядок и успокоиться перед беседой с новым директором.

Он шагнул в трубу лифта и почувствовал, как под воздействием силового поля напряглись мышцы. Ноющая боль в тазобедренных суставах напомнила ему, что он сегодня утром получил хорошую трепку.

Электростатический заряд высосал остатки влаги из одежды, но Бертингас от этого не стал выглядеть лучше. Черная ткань смялась и натирала в паху и под мышками. В запястьях вьелись зеленые водоросли, и от Бертингаса воняло болотом.

По сравнению с кафельным полом, тонкими панелями, шумом и гамом девяносто девятого этажа, на сотом был настоящий рай. Кругом лежали ковры и сиял хрусталь, стены были отделаны благородными породами дерева. И здесь было тихо. В отсеке лифта стоял стол с высокой перегородкой, скрывавшей от взгляда то, что находилось на поверхности стола. Сидевшая за ним молодая женщина в форме охранника посмотрела сначала на Тэда, потом на его фотографию, скрытую за перегородкой, потом снова на него. Установив полное сходство с оригиналом, она нажала кнопку и сняла невидимое силовое поле, которое отделяло коридор, ведущий в Лабиринт, от лифтового отсека. Она сделала все это достаточно быстро, пока Тэд преодолевал четыре метра от входа в лифт до коридора. Если бы он не посмотрел на охранницу, он, возможно, так никогда бы и не узнал, есть ли у него допуск на сотый этаж. Вышло, что есть.

Кнопка под ее пальцами была настроена на единственный набор отпечатков пальцев – ее и на единственный химический состав кожной поверхности – тоже ее. Если бы кто-нибудь еще прикоснулся к кнопке, микрочип не только бы заблокировал ее, но и само защитное поле смело бы все, что не прикручено к полу, обратно в трубу лифта. Труба при этом перевелась бы в режим быстрого падения. Эта система безопасности была достаточно грубой, но никто никогда не ходил на этаж офисов Объединенного директората служб Скопления без предварительного оповещения.

Лабиринт озадачивал только при первом посещении, как и было задумано. Собственно, он просто состоял из двойного кольца коридоров, внешнего и внутреннего залов. Директорские апартаменты располагались вдоль внешней, с окнами, стороны. Обслуживающий персонал и вспомогательные системы находились на внутренней стороне, без окон. Кабинет Селвина Прейза должен быть на правой стороне после трех левых поворотов, если только он не договорился поменяться с кем-либо из директоров. Однако поскольку это означало потерю лица для того, кто согласился бы на каприз новичка, Тэд мог с уверенностью сказать, что директор находился в тех же апартаментах, что и шестнадцать его предшественников.

Он оказался прав.

Секретарь во внешнем кабинете оказался мужчиной, возможно, человеческой расы, а возможно, и одним из деоорти. Тэд сейчас был не в том состоянии, когда интересуются подобными вопросами. У мужчины, как у деоорти, были широко расставленные глаза и медного цвета кожа, но это вполне могло быть результатом собственной человеческой генетики и неудачного загара. Секретарь мельком взглянул на Бертингаса и махнул ему –

мол, проходи во внутренний кабинет. Пока дверь закрывалась, Тэд услышал за спиной фыркание и хихикание.

Прейз сидел, наклонив голову над столом, и работал. Он писал – взаправду, на бумаге, с помощью чернильной ручки. Дело, судя по всему, продвигалось медленно, и эта работа выглядела трудоемкой. Прейз не произносил ни слова и не поднимал глаз в течение нескольких минут, оставив Тэда стоять в центре ковра.

– Я думал, что увижу доклад на столе, когда приду. По крайней мере, *набросок* предложения. – Прейз все еще не поднимал головы. – Что-то насчет обеспечения безопасности, как я припоминаю... А вы что же – забыли?

– Нет, сэр. Но после нашей встречи со мной случился довольно неприятный инцидент.

– Объясните. – Прейз поднял голову, и во второй раз Тэд получил возможность взглянуть в глаза этого человека. Они напомнили ему холодные глаза рептилии – медленно двигающиеся, сонные, безразличные, смертельно опасные. Эти глаза попытались выразить озабоченность и не смогли.

– Покидая Дворец, я оказался гостем Баланса Элидора, генерального торгового представителя Хайкен Мару. – Тэд увидел, как при упоминании имени Элидора в глазах Прейза что-то мелькнуло – может быть, зависть? – Он посадил меня в машину и хотел со мной поболтать. – Опять словно поворот ножа в ране. – Мы говорили о проблемах связи. После того как Элидор вышел из машины возле городской штаб-квартиры Хайкен Мару, а я решил отправиться сюда, аэрокар вышел из строя. Подскочил вверх на шесть или семь тысяч метров и начал заваливаться в штопор. Затем стал падать в сторону Купола Дворца.

– Так это были вы? – Прейз поднял брови, но взгляд его нисколько не потеплел. – Я видел все происшествие от начала до конца. Кто-то выпал из машины, не так ли?

– Водитель. Он выпрыгнул с поврежденным электростатическим канатом.

– Дефектным?

– Нет, его повредили намеренно.

– О Боже. Так, значит, это *вы* повели машину вниз?

– Да...

– Вы могли бы выбрать и менее людное место для посадки, – фыркнул Прейз. – Не очень-то хорошо, когда Бюро коммуникаций Скопления атакует территорию Дворца. Даже в случае аварии.

– У меня в общем-то не было выбора.

Прейз принял задумчивый вид.

– Да, возможно, у вас действительно его не было... Саботаж, а? Кто-то пытался убить генерального торгпреда? Для всех нас это плохая новость.

– Или убить меня. Элидор к тому времени уже покинул машину.

– Зачем кому-то надо избавляться от вас, Бертингас? Несомненно, я без вас работать не могу. С каждой минутой я все больше убеждаюсь, что без заместителя просто не обойдусь. Тем не менее, делая служебную карьеру, вы вряд ли являетесь политической фигурой, не так ли?

– Полагаю, что так.

– И все же это поднимает вопрос о нашей уязвимости. Даже перед случайными происшествиями. Я как раз пишу новый приказ, в котором все передачи «Фри Вида», созданные в этом департаменте, должны подписываться в эфир нами обоими. Нечто вроде двойной проверки. Как вам эта идея?

«Ужасно», – подумал Бертингас.

– В целях безопасности, разумеется, сэр... – сказал он вслух.

– А-а, и это *мне* напомнило...

«Насчет доклада по мерам безопасности», – мысленно подсказал Бертингас.

– Насчет доклада по мерам безопасности – вы *работаете* над ним?

– Конечно.

– Вы ведь подумали о личном составе наших сил быстрого реагирования? Я полагаю,

мы могли бы воспользоваться помощью инопланетян – здесь, на Палаццо, и, возможно, где-нибудь еще в Скоплении.

– Да, верно, мы – то есть я как раз подумал именно об этом! Люди, нанятые со стороны, слишком ненадежны. Однако инопланетные существа...

Прейз кивал, но глаза его оставались неподвижными.

– Некоторые из них очень сильные, у них превосходная реакция...

– Да, и при правильном подходе...

– Кстати, как вы относитесь к инопланетянам? – задал Прейз вполне, казалось бы, невинный вопрос, но Бертингас почувствовал подвох.

– Некоторые мне нравятся. Я знаком, правда, не со всеми. У меня нет среди инопланетян близких друзей.

– Вы не чувствуете отвращения к ним?

– Нет, нет. Наоборот... Я думаю, с некоторыми из них обращаются довольно плохо, особенно в сельскохозяйственных владениях. К примеру, применяемая в отношении рабочих бригад система *зергидерн*, она...

– Зрелге... что?

– Отсечение конечностей в наказание за нарушение установленных правил. Сначала это практиковалось в отношении рас, обладающих быстрыми регенеративными способностями, но я знаю о случаях, когда разделялись организмы-симбиоты. Это настоящий садизм и позор для человечества.

– Ну что ж, не мы придумали этот мир, верно? Я полагаю, в Бюро коммуникаций работает не слишком много инопланетян. Не выше определенного уровня, во всяком случае...

– Один или два, – сказал Бертингас. – Возможности для них в нашей сфере деятельности ограничены, так как в этом Скоплении живут в основном люди.

– Вот именно. – Опять тот же самый кивок. – Это почти напоминает мне Главный центр. Не сильно, но в некотором роде...

– Касательно плана... Вы одобряете использование вооруженных инопланетян?

– Конечно. Я же предложил это, не так ли? Вам следует взять первые прикидки и увеличить их в пять раз. Мы подойдем к моменту начала подготовки с двадцатью процентами от первоначального числа рекрутов. Дайте мне сведения относительно казарм и материальной части. Мы профинансируем это из вашего бюджета – для начала. – Мрачная улыбка. – Он обычно бывает таким раздутым.

– Как прикажете, сэр. В пять раз – много...

– Не беспокойтесь насчет того, где взять рекрутов. Мы будем набирать их в латифундиях, если понадобится. – Сухой смешок. – Вы сами будете заключать первые контракты и оговаривать условия найма, да?

– У меня есть помощник, который лучше...

– Уверен, у вас там наберется целый взвод маменькиных помощничков, но я хочу, чтобы вы это делали сами. Понятно? Помимо всего прочего, это позволит вам лично познакомиться с качеством войск под вашим... э-э... командованием. – Еще один смешок, который Бертингасу не понравился. – А теперь подключите ваш ПИР к моему столу. У меня есть для вас кое-какие сведения.

Бертингас поместил устройство на контактный разъем, и оно поприветствовало прибор искусственного разума Прейза. Директор набрал на клавиатуре код сброса данных, и его ПИР поделился частью своей памяти с ПИРом Тэда. Файл был не слишком велик. Его передача заняла долю секунды.

– Здесь упомянуты двое. Один живет в Мейерберге. Другой сельский житель. Полагаю, они смогут вам помочь.

– Мне, наверное, придется торговаться, чтобы набрать подходящих кандидатов. И даже предлагать им персональные оклады. Каков наш верхний предел?

– Ну... – Пожатие плечами. – Говорите им все, что заблагорассудится. Все, на что, как

вам кажется, они согласятся. Разумеется, если губернатор решит, что она не сможет финансировать это, тогда она вас подвесит и высушит, как носовой платок. – Еще смешок. – Достаточно справедливо?

– А-а-а... Полагаю, да.

– Хорошо. Тогда у вас есть работа, которую надо сделать – не так ли, капитан третьего ранга?

– Так точно, сэр.

Прейз, разумеется, иронизировал. У него было не больше власти раздавать флотские чины, чем у Бертингаса рекрутировать граждан Пакта. И все же в этом обращении смысл заложен довольно приятный. Будет забавно недельку-другую поиграть в солдатиков... Где-нибудь там, разумеется, где не летают стеклянные шарики пульсаторов...

Бертингас шутливо отдал честь и повернулся на каблуках. Когда он уже направился строевым шагом к двери, Прейз окликнул его:

– Кстати, капитан третьего ранга...

Тэд повернулся:

– Да, сэр?

– Никаких церниан.

– Церниан?

– Да... Вы их знаете: невысокие парни с зеленой кожей, плохим зрением и дурным запахом изо рта. Их не берите.

Вот это было странно.

– Почему, сэр?

– Считайте это моим капризом. Скажем так: мои источники указывают, что их лояльность вызывает подозрения.

– Никаких церниан, – пожал плечами Бертингас. – Как вам угодно.

Он тихо вышел из офиса.

Ступив в трубу лифта, он ощутил, как беспорядочно замелькали его мысли.

Он думал о Селвине Прейзе. Ну и тип: холодный, ухмыляющийся сноб, говорит – будто играет в кошки-мышки, не прочь поддеть собеседника, к тому же вздорен, капризен и ревнив. От этого человека воняло секретами. Халан Фоллард был прав. Прейз, несомненно, являлся агентом Кона Татцу, а его озабоченность относительно сил безопасности представляла собой либо дымовую завесу, либо скрывала глубоко законспирированный план.

Что выгодней всего для Тадеуша Бертингаса? Принять игру и просто исполнять приказы? Или еле волочить ноги, саботируя их? Может, стоит рассказать Фолларду о своих предположениях? Было ли Бюро *действительно* в опасности? Как сюда вписывалась попытка его убить? Ведь ее предприняла Хайкен Мару – теперь он в этом не сомневался. Оказала бы огневая мощь целого полка инопланетных фанатиков хоть какую-то помощь при подобной аварии?

В лифтовом отсеке девяносто девятого этажа мысли Бертингаса на полном скаку остановились. Телохранитель ожидала его на том самом месте, где он ее оставил. Бертингас полагал, что Фиркин сидит где-нибудь на скамеечке, разгадывает кроссворд, вяжет или читает книгу. Но нет. Она стояла почти по стойке «смирно» целых полчаса, пока он находился наверху и разговаривал с Прейзом. Бертингас еще раз спросил себя: точно ли эта широкоплечая дама человек? Если нет, то один взвод ее собратьев будет стоять легиона заскорузлых сельхозрабочих.

Он покинул отсек лифта, и Фиркин вразвалку пошла рядом.

– Фиркин, что вы знаете о цернианах? – спросил ее Бертингас.

– О троллях, сэр? – произнесла она своим густым басом. – Так их некоторые называют. Они не совсем члены Пакта. Что ж, многие не члены. Но эти церниане имеют свое небольшое Скопление, примерно в пять миров, за пределами Пакта. Кто знает, во что бы оно могло развиваться, если бы цернианам не помешал Пакт.

– Они воинственны?

– Не особенно. Просто их трудно убить.

Такая оценка, особенно в устах мощной и здоровенной Фиркин, убеждала в непобедимости церниан.

– Они дружелюбны? Скажем, есть у них контакт с какой-нибудь политической силой внутри Пакта?

– Ходят разные слухи, сэр, – пожала плечами Фиркин.

– Какие именно?

– Что церниане довольно глубоко влезли в дела Скопления Гармония. Генерал, а ныне губернатор Мерикур, кажется, очаровал их. Или они его. Трудно сказать, Скопление Гармония далеко.

– Значит, только слухи?

– Это все, что я знаю, сэр.

Они бок о бок подошли к офису Тэда, и Фиркин вошла первой, чтобы проверить самую знакомую Бертингасу комнату.

Джины нигде не было видно – ни в комнате, ни за ширмой. Все следы их утреннего свидания – пятна на полу, серебристые отметины слез – исчезли.

Бертингас нашел ее ПИР – Джина называла его «пискун»- у нее на столе. Прибор разговаривал сам с собой на инопланетном языке. Тэд оставил ПИРу устное послание для Джины и рассказал о том, что Прейз одобрил их план насчет использования инопланетян. Он также передал приказ директора в пять раз увеличить предварительные прикидки – какими бы они ни были. Так что Джине следует при планировании мыслить масштабно. Затем он сказал, что собирается назад в свою квартиру, сменить испорченную форму, и скорее всего возьмет выходной на остаток дня.

Это было почти все, что он собирался ей сказать. Вот только...

– И еще, «пискун»... Скажи ей, что я сожалею. В самом деле сожалею.

«6. ПЭТТИ ФИРКИН: ТРЕВОГИ И ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ»

– Хорошо, Фиркин. Пойдемте.

Бертингас вышел из-за ширмы и беспечно махнул Пэтти рукой. Он напоминал мальчишку-подростка, был то беспомощным, то тираном. Это становилось утомительным.

Она пошла с ним.

– Куда мы направляемся?

– Ко мне домой.

А вот это было серьезной проблемой. Если этот юный фрукт насолил кому-то так сильно, что к нему приставили Фиркин, то идти в его известную всем и каждому резиденцию – идея не слишком умная. Люди, которые напортачили с вышедшим из строя аэрокаром, к этому времени, скорее всего, придумали что-нибудь еще.

– Могу я высказать предположение, сэр, что...

– Позже. У меня был тяжелый день, и я *все еще* одет в эту вонючую форму. Я хочу переодеться, принять горячую ванну, может быть, массаж – вы не делаете массаж, нет?

– Нет, сэр.

– Тогда я пропущу стаканчик – нет, три стаканчика и поужинаю. Вы ужинаете, Фиркин?

– Когда меня приглашают, сэр. – Она не смогла сдержать улыбки.

Подойдя к лифту, он занес было ногу, чтобы ступить в трубу. Фиркин взяла его за руку.

– Вверх, сэр?

– Конечно. Я вызвал мою машину.

«И кого-то об этом известил и дал тому время подготовить всякого рода сюрпризы».

– Не будет ли безопаснее пойти по улице?

– Всю дорогу?

– Ну... Это не так далеко, как падать.

– Понимаю. Тогда идите вперед, Фиркин.

Она вошла в трубу и встала на цыпочки. Благодаря этому скорость падения лифта чуть-чуть увеличилась.

На первом этаже ей пришлось показать Бертингасу, где находится выход на улицу. Возможно ли, что он никогда не входил в здание этим путем? Нет, в его досье говорится, что он начал работать в архиве, который расположен в подвале. Вероятно, этот этаж недавно переделали. В таком случае, находились ли татцу-привратники на месте?

На улице они смешались с потоком пешеходов, зевак и уличных торговцев и вместе с толпой подошли к остановке маглева. Когда вагон, направляющийся на запад, остановился возле них, Бертингас посмотрел налево и направо, пожал плечами и сделал Пэтти знак садиться. Вагон заскользил на магнитной подвеске по керамическому рельсу, проложенному в четырех метрах над улицей.

Бертингас со сноровкой человека, привыкшего ездить на монорельсе, продел локоть в опорную петлю. Толпа прижала Бертингаса и Фиркин друг к другу, и они оказались между двух людей в униформе Центральной службы и клотильдианином с выгравированной на затылочном ошейнике змеей. Змея выглядела как символ рода деятельности.

– Вы работаете на Халана? – спросил Бертингас.

«Так. Как много он знает о Фолларде? Генеральный инспектор Кона Ташу сказал, что они были друзьями. Сможет ли она водить этого мелкого чиновника за нос? И как долго?»

– Не совсем, – уклончиво ответила она.

– Значит, вы нештатный сотрудник?

– Нешта... Вы хотите сказать – наемник? Что-то вроде этого.

– Насколько вы хороши?

– Что вы имеете в виду?

– Можете что-нибудь рассказать о ваших успехах?

В его глазах было нечто большее, чем мальчишеский вызов. Пэтти напредила себе, что этот пизон посадил выведенный из строя аэрокар с высоты семь тысяч метров прямо на территорию Дворца и никого при этом не убил. Даже себя... За исключением водителя. Она вытянула подбородок и закатала повыше рукав просторного джемпера на той руке, которой держалась за опорный ремень. Достаточно высоко, чтобы показать Бертингасу красную линию.

– Итак, у вас регенерирована рука, – сказал он и внимательно посмотрел на Пэтти. – И что это должно означать? Помимо того, что вы где-то дали маху и достаточно удачно потеряли руку на пороге лазарета, полного врачей. Где это случилось?

– В сражении за Кармель-Чи.

– О-о... Вы были снаружи?..

– С первым десантом, второй корпус.

Она вполне ясно читала мысли, крутившиеся позади его широко раскрытых глаз. Второй корпус морской пехоты был подразделением, которое сражалось все девятью шесть часов осады базы Кармель. Под конец солдаты, чтобы растянуть иссякающие запасы кислорода, пережимали отмороженные в вакууме конечности и тем самым поддерживали давление в баллонах. Ее отделение приняло капитуляцию цитадели, стоя на четвереньках. Единственное, что утешало, так это то, что оборонявшиеся находились в еще более худшем состоянии.

– Понятно... м-м... Сержант?

– Полковник.

Вагон монорельса проплывал над Посольским районом, что в Мейербере, на Палаццо, означало пригороды. Каждая из Сателлитных вилл представляла собой отдельную структуру, хотя, по замыслу архитекторов, они должны были выглядеть как живописный неаполитанский квартал. Террасы, черепичные крыши, посадочные площадки, дома с окнами во всю стену и маленькие садики примыкали друг к другу самым прихотливым образом, и

все это напоминало хитроумный узор змеиной чешуи. Архитектурный трюк заключался в том, что здания казались небольшими, хотя на самом деле это было не так.

Пэтти знала, что холм, на котором построены виллы, внутри пустой. Возле рукотворного грота причудливо чередовались террасы и окна. Вода играла важную роль в интерьере вилл: фонтан в центре питал искусственную порожистую речушку, оживляя пространство танцующими бликами и журчанием. Солнечный свет проходил внутрь через ряд зеркальных стекол в верхней части сооружения. Да, внутреннее пространство выглядело приятнее наружного.

Когда вагон приблизился к Сателлитной вилле номер 5, Бертингас собрался было сказать ей, что это его остановка, но Пэтти уже двигалась к двери.

Она провела его через главный вход виллы, вдоль декоративного бассейна, к внутренней речке. Они вошли в трубу лифта, ведущего к коноцентру – 3, располагавшемуся на уровне квартиры Бертингаса. К этому времени он больше уже не пытался указывать ей дорогу, а просто следовал за ней. Как она и планировала.

Они находились сейчас на наружной стороне и шагали по извилистой садовой дорожке, над окнами одних апартаментов и под террасой других. Пэтти вынула свой ПИР и стала говорить с ним, не разжимая губ.

«Проблемы, полковник», – сообщил ей прибор.

– Большие?

«Пятьдесят и девять десятых килограмма».

– Температура тела?

«Тридцать шесть и два по Цельсию».

– Это оценка или точное измерение?

«Разве я буду лгать тебе? Она находится там уже около часа, поэтому ее тело реагирует на уровень температуры в комнате. Скажи своему дружку, что он настраивает кондиционер чересчур сильно. Там просто колотун. Леди надела пальто, а он вскоре захочет, чтобы она его сняла».

– Откуда ты знаешь, что это женщина?

«Мужчины не ходят на пятисантиметровых шпильках, не так ли? Выбивает на паркете настоящую барабанную дробь».

– Она вооружена?

«Чувствую кусок чего-то железного в ее кармане, весом около килограмма. Может, она коллекционирует метеориты. Но если эта штукавина швыряется стеклянными шариками, то они, похоже, здоровенные».

– Спасибо.

«Ты собираешься ее оглушить или усыпить навеки?»

– Ни то и ни другое. На данный момент. Она сильно испугается, если мы войдем?

«Ага. Частота пульса и потоотделение говорят, что она стоит на пороге чего-то весьма скверного».

– Хорошо, мы войдем на цыпочках.

– Вы разговариваете с Халаном? – спросил Бертингас через плечо Пэтти.

– Нет, – ответила она. – Просто провожу рекогносцировку.

– В моей квартире?

– Конечно. У вас там посетитель.

– Это невозможно. В этом районе очень дорогие квартиры. Одна только система безопасности стоит...

– Больше, чем заслуживает. Болонка-переросток. Когда я пришла сюда утром, пес завалился на спину и просто умолял почесать ему брюхо. Что я и сделала.

– Вы были в моей квартире сегодня утром!

Она просто любовалась его реакцией.

– После крушения во Дворце?

– Да, – солгала она.

- О, ну тогда... – Ложь принята. Мяч на стороне Кона Татцу.
- У вас есть близкие подруги? – спросила Пэтти.
- Это слишком сильно сказано. Вы полагаете...
- Внутри женщина. Вы кого-нибудь ждете?
- Женщина – человек?
- Так вот он, его глубоко скрытый и грязный секрет!..
- Да, человек или замаскированный под него.
- Тогда нет.
- Хорошо. Мы войдем как ни в чем не бывало. Как будто мы тут хозяева.
- Я и так хозяин – помните?
- Просто пропустите меня вперед. Если только вы не одеты в бронекостюм.
- Он покачал головой.
- Да, пожалуйста, проходите.
- Она почти физически ощущала, как он раздевает ее взглядом.

Чтобы связаться с женщиной внутри квартиры, Пэтти могла воспользоваться дорогостоящей аудиосистемой – тысячеваттными басовыми колонками, мощными усилителями, нейросинтезаторами и прочими звуковыми устройствами, которые она этим утром обнаружила в квартире и соединила со своим ПИРом. Однако Пэтти решила этого не делать. Если женщина была другом Бертингаса, тогда внезапно прогремевший со всех сторон приказ не двигаться и положить руки за голову только смутит и напугает ее. А если она профессионалка, это только даст ей время подготовиться. Однако определенная доза инфразвука...

- Слушай сюда, – рыкнула она ПИРу.
- «Всегда, сладкая моя».

– Включи аудиосистему – по-настоящему тихо, без перемигивания лампочек, если сможешь. Дай синусоидную волну девяносто герц на эти здоровые басовики. Начни с уровня ниже сорока децибел и подними – постепенно, примерно за тридцать секунд – до ста десяти. Затем дай пульсацию громкости, очень быструю, между этими пределами.

«Могу я сказать, что ухо человека почти не реагирует на звук указанных тобой параметров?»

- Зато реагируют сфинктеры и кишечник.
- В глазах Бертингаса что-то неясно мелькнуло.
- «Начинаю процесс», – сообщил ПИР.

Они замерли у порога. Пэтти вынула пульсатор и проверила заряд батареи и обойму. Через сорок пять секунд она сказала Бертингасу:

- Откройте дверь.
- Он положил ладонь на панель замка.

Она ударила плечом в тяжелую дубовую поверхность, полетела рикошетом через всю прихожую и упала на кафельный пол. Приземлившись на бедро, колено и локоть, частично прикрытая дверью в гостиную, Пэтти получила угол обстрела примерно шестьдесят градусов.

В гостиной находилась какая-то блондинка. Она пыталась стоять прямо, прижимая одну руку к нижней части живота. В другой руке она держала штурмовой пистолет системы «шлихтер», по конструкции похожий на пульсатор Пэтти, но в отличие от него стреляющий только одиночными выстрелами.

«Шлихтер» разгонял стограрммовую урановую пулю, упакованную в стеклянную оболочку и покрытую тефлоновой оболочкой, до скорости 3500 метров в секунду. Эта пуля была способна проделать в Пэтти дыру в полметра диаметром – невзирая на бронекостюм.

Позиция Пэтти давала ей преимущество. Она могла выстрелом выбить оружие из рук женщины, а заодно оторвать всю руку по самую шею. Решение не из лучших.

– Мы друзья, не стреляй! – крикнула Пэтти. Она положила свой пистолет на кафед, но руку с него не убрала. Это оставило открытым ее лицо, спину и руку.

Женщина почти десять секунд пыталась поднять «шлихтер» на уровень бедра, затем сдалась. Ее оружие со стуком упало на ковер. Женщина опустилась на диван, который автоматически принял самую удобную для сидящего форму, и съежилась в клубок.

– Выключите это... выключите! – простонала она.

Инфразвук начал уже действовать и на Пэтти, а она была далеко от фокусного центра аудиосистемы. Она приказала ПИРу выключить аппаратуру. Ощущение было такое, словно из комнаты внезапно исчез туман. Непрошенная гостья расслабилась, прекратила покачиваться и стонать, но не распрямилась.

Пэтти прошла вперед, ногой отшвырнула «шлихтер» подальше и махнула Бертингасу: заходи.

– Знаете ее? – спросила Пэтти.

– Никогда не имел удовольствия, – отозвался он. – Хотя ее лицо мне знакомо.

Пэтти глянула на женщину: высокие скулы, прямой нос с четко очерченными ноздрями, губы, накрашенные тщательнее, чем у актеров театра кабуки, большие серые глаза с самыми чистыми белками, какие ей доводилось видеть – агат и алебастр, брови изгибом и формой напоминали крылья античного роллс-ройса, высокий лоб без единой морщины, красиво уложенные волосы были окрашены в модный цвет – белый с зеленоватыми бликами.

Прекрасно забываемое лицо. Тысячи таких лиц смотрели на Пэтти каждый день с экранов «Фри Вида» и рекламных голографий.

– Оружие флотского образца, – заметила Пэтти. – ПИР, который она носит, выглядит так, будто сделан на базе флота Джемини. Но это явно не агент-профессионал.

– Вы всегда говорите о присутствующих в третьем лице? – спросила женщина. Голос у нее оказался прекрасно поставленным, и женщина слегка растягивала слова, а этому, как знала Пэтти, не сможет сопротивляться ни один мужчина.

– Только когда в меня стреляют.

– Но я не...

– Вы пытались.

– Ну, ну, Фиркин, – произнес Бертингас. Еще немного, и он покачал бы пальцем перед ее носом. – У нее могут быть смягчающие обстоятельства. Мы не знаем всех деталей.

– Вот именно, – сказала женщина. – Жуткие обстоятельства.

Она выпрямилась на диване, но этого было недостаточно, чтобы показать все прелестные – с точки зрения Бертингаса – изгибы ее тела. Диван снова изогнулся и частично прикрыл гостью – эта чертова сенсорная мебель всегда так делала, когда на ней сидели красивые женщины: скрывала их от его взора.

– Я пришла к советнику Бертингасу, – сказала она, – потому что я подозреваю, что Хайкен Мару ищет и его.

– Вы немного опоздали, – сухо произнесла Фиркин.

– Да, крушение аэрокара, я слышала об этом. Ужасное происшествие. Хайкен Мару предприняла в отношении меня этим утром кое-что менее зрелищное. Когда я приземлилась в городском порту, на меня пытались набросить ловчую сеть. Меня хотели похитить прямо с трапа!

– Боже мой! – воскликнул Бертингас. – И как же вам удалось этого избежать?

Блондинка оторвала взгляд от его лица и мельком посмотрела на валяющийся на полу «шлихтер».

– Мне пришлось повредить их устройство.

– А зачем, собственно, кому-то понадобилось вас похищать? – спросила Пэтти. – Кто вы, черт возьми, такая?

– Меня зовут Мора Костюшко.

Ну наконец-то! Хотя что-то определенное и довольно неприглядное.

– Я дочь адмирала Йохана Костюшко, командующего базой Джемини. Хайкен Мару пыталась похитить меня, чтобы диктовать отцу свои условия, оказать давление на него.

– Так-так, а зачем бы конгломерату... – начал было спрашивать Бертингас, но Мора

перебила его:

– Корпоративная организация Хайкен Мару хочет получить Высокое секретарство, разумеется... Они набирают военную поддержку по всем Скоплениям – посредством переговоров или силой. А мой отец верен Пакту.

– Почему вы не обратились после попытки похищения в офис Флота в Мейербере? – спросила Пэтти.

– Я не доверяю Террелу Туэйту. Точнее, не совсем доверяю.

– Ха! Поэтому вы сразу же и пришли сюда?

– Да. Я знала, что по меньшей мере один человек на этой планете оказался в том же...

– Как вам удалось пробраться внутрь дома? – спросил Бертингас.

– Ну, ваша система внутренней безопасности, она не...

– Этот ее ПИР, – заметила Пэтти, – смог убедить вашу внутреннюю систему безопасности, что она разговаривает с главной сетью Правительственного блока, всучить ей двадцать тысяч акций «Пинки Бендо» по сверхнизкой цене и *затем* вскрыть ее, словно... *Господи Иисусе!* – воскликнула она, получив в правый бок электрический заряд.

«Извини за передозировку, босс, – спокойно произнес ее собственный ПИР, – но у нас в саду гости, а тебя иногда заносит».

– Какие гости? Сколько их?

«Примерно взвод, судя по топоту. Скажи домовладельцу, что ему может не понравиться то, что они вытворяют с его клумбами».

– Хорошо. Всем на пол! – скомандовала Пэтти.

Бертингас и Мора опустили на ковер. Пэтти увидела, что женщина вытянула руку и подобрала свой «шлихтер». Пэтти ей не мешала. Бертингас сцепил руки на затылке – не очень-то много пользы от такой позы, – но голову он держал поднятой вверх.

– Приготовь место, – приказала она ПИРу.

Ковровое покрытие возле стеклянной стены лопнуло по линиям надрезов, которые Пэтти сделала сегодня утром. Из-под ковра появилась установка «маньяк» и развернула 240 – миллиметровую пульсаторную обмотку в сторону стекла. Из-под диванных подушек выскочили два высокочастотника и нацелились на окно. Еще два маленьких «демона» поднялись из-за другой мебели и направили свои разрядники на двери. По команде ПИРа стекло на окне стало непрозрачным.

– Как на Кастере, – пробормотала Пэтти, глядя на мелькавшие в саду тени. Треск дерева позади нее послужил сигналом к началу боя. Она прицелилась, приказала ПИРу открыть огонь и выстрелила в окно. Пульсаторная обмотка ее табельного пистолета дала ускорение потоку стеклянных шариков, покрытых алюминиевой пленкой. Энергетический удар испарил металл, превратив его в раскаленную плазму, а импульсы обмотки разогнали стеклянные шарики до сверхзвуковой скорости. Окно разлетелось на мелкие осколки.

Ее выстрел вызвал ответный поток огня, чпоканье сверхзвуковых шариков и треск голубоватых разрядов со стороны теней, ползущих по саду. Она прижалась к полу за кушеткой и сосчитала до трех.

Пфум! Пфум! Пфум! «Маньяк» нашел цели и уничтожил их. Скорострельность оружия была не слишком велика, но кому надо заливать окрестности тысячами выстрелов в минуту, когда один-единственный шарик, правильно нацеленный, мог сделать ту же работу? «Маньяк» мог позволить себе игнорировать летящие в него шарики, которые разбивались о его титановую треногу или рикошетили.

Мора Костюшко лежала на животе и держала «шлихтер» обеими руками, широко раскинув ноги, чтобы погасить толчки отдачи. Ее колготки порвутся ко всем чертям, особенно на коленях. Тем не менее Мора работала вполне профессионально и делала прицельные одиночные выстрелы, а не палила вслепую.

Маленькие высокочастотные «демоны» развернули полнейтрализатор. Его высокое напряжение изжарит все, что расположено на высоте полутора метров от пола. Плюшевый декор комнаты пойдет, конечно, на тряпки, но нечего жалеть: неприятель уже в фойе и в

столовой. Бертингас наконец опустил голову.

Пэтти прикинула, что они смогут удерживать комнату еще секунд тридцать или около того. Что потом?..

Потом появился «дракон». Тяжело бронированный аэрокар с воем снизился над садом террасы. Перья титановых пластин прикрывали его сопла. Кварцевое стекло толщиной десять сантиметров защищало пилота. Все остальное представляло собой углы и стальные пластины, чередующиеся со слоями керамики и пластика – за исключением орудийных башен, откуда торчали стволы излучателей плазмы.

Это оружие являлось стандартным космическим типом вооружения. Глубоко в реакторной камере лазеры разогреют микрокапсулу с дейтерием до температуры, при которой начинается реакция синтеза, а потом электромагниты направят расширяющийся шар плазмы в разрядное отверстие. Это была, в сущности, термоядерная бомба направленного действия. Нацеленная прямо в комнату.

В этот момент Пэтти уже не рассуждала. Она действовала автоматически. Выхватив акустическую гранату из нарукавного держателя и стараясь не подниматься до уровня, на котором начиналось высокочастотное поле, она на четвереньках поползла вперед. Пэтти пересекла груды осколков на том месте, где раньше было окно, и выбралась из темной пещеры гостиной Бертингаса на яркий солнечный свет. Теперь она выпрямилась.

Один шаг, второй, третий – и она поставила ногу на нижнюю часть корпуса аэрокара, покрытую металлической сеткой. Ее колени коснулись брони переднего отражателя. Рука нашла, за что ухватиться, где-то на коже сопла. Пэтти карабкалась вверх. Орудийная башня повернулась в попытке направить свой отвратительный зев прямо на нее, но Пэтти находилась слишком близко и слишком низко. Свободной рукой она затолкала гранату в блокирующее кольцо вокруг шарнирного соединения. Не было времени – да и свободного места – спрыгнуть вниз. Она распласталась на теплой стальной шкуре «дракона» и прижалась щекой к металлу.

Башня резко дернулась, как бы пытаясь вырваться из шарнира. Машина с надсадным воем задрала нос, словно пыталась отскочить назад. Затем граната взорвалась и разрушила башню. Вверх взметнулись куски металла. Пэтти знала, что замкнутое внутреннее пространство машины отразит и усилит действие взрывной волны и осколков, которые настигнут железом тела тех людей, что сидят внутри.

Установленная на выстрел с запаздыванием, плазменная пушка наконец сработала. Фонтан ионизированного газа пронесся над головой Пэтти, разрушил часть стены дома и свалил старую яблоню в сад.

Машина все еще поднималась, но теперь она двигалась назад – следствие отдачи взрыва гранаты и собственного выстрела. Затем подъем прекратился, и машина заскользила прочь из сада, все быстрее и быстрее, вниз, на общую террасу Сателлитной виллы номер четыре.

Пэтти прижалась к ее стальному боку и молилась.

«7. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: НЕЧТО СОВСЕМ ДРУГОЕ»

Бертингас разглядывал белые точки, которые плясали на фоне красного неба, и ждал, когда восстановится зрение. Последствия единственного выстрела танка все еще сказывались на сетчатке его глаз.

Сколько энергии было в этой белой вспышке плазмы? Как много радиации? Может быть, зрение вообще не вернется? Осталась ли вообще у него сетчатка – или глазные нервы рассказывают ему сказки?

– Мора! – позвал он.

– Да, советник?

– Вы что-нибудь видите?

– Конечно, я... О! Вы смотрели на этого «дракона», когда он выстрелил! Давайте, я вам

помогу.

Он почувствовал, как она взяла его за локоть, помогла подняться, повернула и осторожно подтолкнула. Он сел на то, что осталось от дивана, откинул голову на спинку и смотрел, как точки переориентируются в соответствии с его движениями. Он провел рукой по дивану и нащупал места разрезов в обивке. Весь диван был усыпан осколками и частицами синтетбетона.

– Как ваши глаза?

– Получше. – И это было так. Яркие точки исчезли. Комната была хорошо освещена солнечным светом, который лился из разнесенного вдребезги окна, и фон перед глазами Бертингаса постепенно делался из красного голубым. Или же это роговицы показывали ему какой-то фокус с рефракцией?

Еще через минуту Бертингас увидел некое очертание, зазубренный изгиб. Он повернул голову. Южная стена квартиры отсутствовала, открывая голубое небо. Было очень тихо, только слышалось поскрипывание туфель Мора, передвигавшейся по тому, что осталось от комнаты. Где-то журчала вода, которая лилась из разорванных труб.

Бертингас посмотрел на свой рукав и увидел еще больше белых точек. Темная ткань вся покрылась частицами синтетбетона стены и хлопьями пепла. Дырок в кителе оказалось прожжено столько, что и не сосчитать. Бертингас печально подумал, что форма – свежая и новая еще этим утром – подлежала полному списанию в утиль.

Он, слава всем святым, наконец-то прозрел и посмотрел на Мору. Одной рукой – в другой еще был «шлихтер»- она ощупывала «маньяка», пока тот продолжал в автоматическом режиме перемешать ствол. Через несколько секунд она нашла переключатель и выключила устройство. Ствол «маньяка» качнулся и замер.

Всего лишь четыре часа назад Мора Костюшко была одета, словно для похода по магазинам где-нибудь в торговом центре Мейербера: на ней был открытый сарафан из жатого шелка. Сейчас ее тело было едва прикрыто драными лохмотьями с прожженными в них огромными дырами. Надетое под сарафан белье спасло кожу Мора от ожогов. Бертингас не возражал против стиля «пещерный примитив», но Мора будет привлекать к себе внимание, если она выйдет в таком виде на улицу.

Осталось ли что-нибудь в его шкафу? Может быть, Джина что-нибудь забыла? Все женщины ведь одного размера, верно? Но опять же – остался ли у него вообще шкаф? Да нет, он вроде не пострадал...

Бертингас тряхнул головой и встал.

– Как скоро, по вашему мнению, они предпримут следующую попытку? – спросила Мора.

– Кто? Хайкен Мару? Они, вероятно, думают, что мы погибли. С другой стороны, служба экстренной помощи, конечно, уже получила сообщение о взрыве и крушении этого «дракона». Мы увидим первую бригаду «скорой помощи» примерно через пять минут.

– Тогда нам не следует здесь оставаться.

– Почему?

– Ну, во-первых, от вас потребуют, чтобы вы написали *длиннейший* отчет о случившемся. Во-вторых, у Хайкен Мару наверняка есть доступ к Экстренной сети, и как только по ней пойдет ваше сообщение...

– Мы на крючке, – закончил Бертингас.

– Поэтому мы исчезнем. Немедленно.

– Как насчет Фиркин? Вы видели?..

– Она перелетела через стену вместе с «драконом». Очень храбрый поступок, но я сомневаюсь, что кто-нибудь может выжить при таком взрыве, плюс то, что обычно случается, когда такая машина врежется в стену. Нет, правда, мы должны убираться из этого места, и быстро.

– Вы не можете выйти на улицу в таком виде.

Она оглядела себя – очевидно, в первый раз, – затем посмотрела на него.

– Вы не видели себя с тыла, правда, советник? – На ее губах заиграла улыбка. – Подумайте как следует. Разве ваши... м-м... нижние регионы не чувствуют легкого сквозняка?

– А-а... Н-ну да. – Именно поэтому он все время старался держаться лицом к Море.

– Мы можем кое-что взять взаймы у наших друзей – вон там.

Она указала на полдюжины тел – явно человеческих, не инопланетных, – которые были распростерты на террасе позади бывшего окна. Те трупы, что оказались под прикрытием стены, не сгорели от удара плазмы.

Бертингас и Мора нашли, во что одеться. Мундиры этих вояк явно были из той одежды, которую распределяли среди безработных: из тусклой серенькой ткани с дешевыми пластиковыми застежками. Мора сняла рубашку с человека, который получил пулю в голову. Чистое попадание – может быть, именно она в него и стреляла. Бертингасу пришлось взять куртку с дыркой возле нагрудного кармана. Дыра была размером с ноготь большого пальца. И наконец, им с Морой удалось найти двоих убитых, которые после смерти не обгадились, и таким образом их штаны остались в порядке.

Странно, что, несмотря на очевидную дешевизну одежды, каждый из нападавших был обут в отличные сапоги из черной кожи. Тэд и Мора смогли подобрать себе обувь каждый по размеру. Одежда сама по себе, хотя и поношенная, была свежeweыстиранной. Тела под ней были хорошо натренированные и чистые.

– Что вы можете сказать по поводу всего этого? – спросил Бертингас.

Мора ткнула носком сапога в обнаженную белую ягодицу, как бы проверяя плотность теперь расслабленных мышц.

– Я бы сказала, что это солдаты, переодетые безработными.

– Наемники?

– Конечно. Ни один из флотских не пошел бы в бой без брони, средств связи и соответствующего оружия.

– То, что здесь произошло, не должно было перерасти в бой, – заметил Бертингас. – Боя бы не было, если бы Фиркин не установила этого «маньяка»... Это должно было стать просто похищением.

– Всякий раз, когда берешь с собой «дракона», – возразила Мора, – ты ожидаешь сражения.

– О!..

– А теперь – не пора ли нам?

Они вышли в сад через парадную дверь, и в ту же минуту раздался первый вой сирены. Они ускорили шаг.

Куда идти? ПИР Тэда держал в памяти адреса и выписки из досье двух рекрутов, которые передал ему Селвин Прейз. Бертингас получил приказ заняться этим в первую очередь. И, судя по тому, с каким рвением Хайкен Мару старалась его убить, похоже было, что чем скорее Тэд будет иметь за своей спиной средних размеров армию, тем дольше он будет жить.

Однако он сомневался, стоит ли брать с собой Мору Костюшко. Она и в самом деле могла быть дочерью адмирала, хотя ее оснащение и оружие – штурмовой пульсатор, с которым она прекрасно умела обращаться, и ПИР, который произвел впечатление даже на Фиркин, – указывали на менее деликатное происхождение.

Что делало ее... кем?

Либо *еще одним* злодеем Хайкен Мару – несмотря на ее историю с попыткой похищения, которая вполне могла быть просто легендой. Либо Мора – еще один агент Кона Татцу, и, возможно, она работает на Халана Фолларда, а возможно, и нет.

Очень маловероятно, что деликатные дочери адмиралов ходят по магазинам с мощными ПИРа́ми и метателями стогрaммoвых снарядов под мышкой.

– Послушайте, – сказал Бертингас, когда они с Морой перешли через улицу и поднялись к остановке монорельса. – У меня тут кое-какие дела, которыми мне надо

заняться. Это может быть сопряжено с опасностью, но скорее всего, будет просто скучно. У вас, вероятно, найдется занятие поинтереснее: сходите, например, в гости, или в театр, или...

Она остановилась и повернулась к нему. Ее плечи опустились. В грубой мужской одежде она казалась юной сиротой, беззащитной и беспомощной. Возможно, из-за пятен грязи на ее хорошеньком личике.

– Не то, что я не хочу брать вас с собой, – быстро сказал Бертингас, – но это дела Бюро, и...

– Мне некуда идти.

– Никаких друзей в городе? Или...

– Я держала адреса в компьютерной сети Космического флота. Капитан первого ранга Туэйт имеет к ней доступ. Все мои друзья известны ему и находятся под его наблюдением. Я не хочу, чтобы то, что случилось с вами, произошло и с ними. Они не будут так... так хорошо подготовлены к встрече визитеров.

Мора печально улыбнулась. Бертингас знал, что она пыталась очаровать его – да он и так уже был очарован.

– Хорошо, – вздохнул он. – Будем держаться рядом. До тех пор, пока Хайкен Мару нам это позволит. Вам нужны еще патроны для «шлихтера»?

Мора порылась в сумочке и вытащила четыре тускло-черных барабана с патронами и запасную батарейку. Она показала все это Бертингасу и радостно улыбнулась.

– Куда мы отправимся? – спросила она.

– В Чайна-таун.

– О! – Она медленно опустила барабаны в сумочку.

Что бы когда-то, в стародавние времена, слово «чайна» ни означало – а Бертингас знал, что Базовый диск рассеянной информации содержит по крайней мере пятнадцать основных определений этого слова и Бог знает сколько вариаций, – «Чайна-таун» был теперь общепринятым в Пакте термином, обозначающим городские районы, где жили в основном инопланетяне. В Чайна-тауне всегда пахло экзотическими специями, там обстрепывались темные делишки, и расплачивались там только звонкой монетой. В Чайна-тауне процветала коррупция. В его трущобах даже живущие там безработные люди вели себя осторожно. Атмосфера Чайна-тауна была слишком накаленной, а на закон внимания почти не обращали.

Мора и Бертингас сели в вагон, который направлялся в юго-западную часть города, расположенную за рекой, где поезд спускался под землю и на поверхность уже не поднимался. Станция метро сохранила название «Мальборо» еще с тех стародавних времен, когда эта часть города выглядела совсем иначе.

Они окунулись в толпу, состоящую из гуманоидов и негуманоидов, которые шли, бежали, ковыляли на двух, трех, четырех ногах, члениках или ложноножках. Все вокруг двигались чуть быстрее, чем обычная человеческая толпа, синапсы и дышала открывались и закрывались чаще. Тэд и Мора шли и слышали вокруг нетерпеливое ворчание и щелчки.

Из каждой лавки и закусочной до них доносился свой запах: апельсинов, спирта, растертых полимеров, топлива Т4, взрывчатого желе, копченой рыбы, солей лития, свежей резины, смазочного масла, сырой земли, грибов бокан, жженой стали.

Яркие цвета вокруг действовали на нервы. Кожа-то у инопланетян была блестящая, словно хромированная, то зеленая, как листва джунглей, то узорчатая, как ковер. Они носили одежду, флюоресцирующую в ярком солнечном свете. В одной из лавок лежали на прилавке под ультрафиолетовыми лампами куски мяса, и на них ярко светились какие-то зеленые пятна. Четырехрукий жонглер давал по головизору световой концерт и то желтел, то зеленел.

Здания в этом квартале были старые и стояли близко друг к другу – трех – и четырехэтажные кубы с плоскими крышами. Их построили из панелей серого пенобетона, не такого белого и крепкого, как синтебетон, которые заливались на месте, а затем устанавливались вертикально. Отверстия для кабелей, труб, окон и дверей пробивались направленными взрывами, потом заделывались, а потом пробивались опять, уже в других местах.

В Мальборо еще сохранились остатки старого пограничного городка, бедного и трудноживущего, практичного и разнообразного – такого же, каким был и Мейербер, пока не сделался столицей Скопления. Здесь не было никаких садов.

Или, может быть, на взгляд инопланетян, сваленный на обочине мусор и *был* садом. Красноватый свет, пульсирующий из прожектора, укрепленного на стене, вполне мог иметь инопланетный спектр, необходимый для развития этого «сада». Бертингас остановился и с минуту рассматривал тусклые комья волокна и клочья цветастой коры, покрытой желеобразной массой. Он пытался найти смысл, порядок, наведенный заботливой рукой, но видел только путаницу и хлам.

Ступня с тремя крупными пальцами, обернутыми в голубые пластиковые чехлы, с размаху опустилась в центр этого «сада». Инопланетянин отпрянул, отряхнулся и поспешил прочь. Значит, это все-таки был мусор.

– Что вы рассматриваете? – спросила Мора.

– Так, ничего. – Он выпрямился. – Наш первый визит – некоему Гланвиллю. Адрес – Секстет 22 – 24. Это где-то неподалеку.

Адрес, казалось, был неточным. Секстет 22 – 24 было офисным зданием, которое стояло на пустой аллее. Вход и окна первого этажа были покрыты листами непрозрачного желтого пластика, вделанными заподлицо и основательно прибитыми к бетону. Ведущие к дому кабели и линии водопровода и канализации были отрыты, а канавы увешаны табличками: «Отключено». Если в этом доме и жили люди, то они пили воду из бутылок и читали при свете уличных фонарей.

– Как мы попадем внутрь? – спросила Мора. – Вы уверены, что нам надо именно сюда?

– Похоже, что да. Внутрь мы попадем, как только придумаем способ, как это сделать.

Бертингас подошел к панели, закрывающей вход, развел руки, положил ладони на панель и надавил. Панель согнулась примерно сантиметра на два, затем гулко отыграла назад. Бертингасу показалось, что ее толщина миллиметров пять. Ему понадобятся дрель, ножовка и минут пятнадцать времени, чтобы прорубить дверь.

Где-то наверху послышался протяжный скрежет. Они отступили в аллею и посмотрели вверх.

– Чего надо? – раздался голос.

Бертингас некоторое время разглядывал темные окна, пока наконец на третьем этаже не нашел одно приоткрытое. В щель выглядывало бледное лицо – может быть, человеческое, скорее всего – нет.

– Мы ищем господина по имени Гланвилль, – сообщил Бертингас.

– Здесь нет Гланвиллей.

– У меня для него деньги, – легко соврал Тэд.

Пауза. Секунда. Другая. Третья.

– Сколько?

– Больше, чем хотелось бы говорить об этом на улице.

– Подожди.

Бледная тень исчезла. Опять раздался скрежет, окно широко распахнулось. Из него выползла балка с блоком на конце. Вниз опустилась капроновая веревка.

– Цепляйтесь, – пригласил тот же голос. – Мы затащим вас наверх.

Бертингас поднял веревку и сделал на конце петлю. Он посмотрел на Мору.

– Сейчас не время пропускать леди вперед.

– Нисколько не возражаю.

– Если вы услышите... – прошептал Бертингас Море. Та быстро ответила:

– Я убегу.

– Правильно.

Тэд поставил ногу в петлю и дернул веревку:

– Вира!

Веревка быстро пошла вверх, пока его голова не достигла балки. Затем все

приспособление втянулось внутрь дома. Бертингас поставил одну ногу на подоконник, сбросил петлю со второй ноги и спрыгнул на пол.

Внутри комнаты было темно, и, судя по звуку, она была пустой. Потом зажегся свет – переносной прожектор киловаттной мощности – и ослепил Бертингаса. Но прежде чем его включили, Тэд успел разглядеть по меньшей мере пятерых двуногих, которые стояли полукругом и были готовы к драке. В слепящем свете прожектора он мог видеть только потрескавшиеся белые стены, обрезки досок в ближайшем углу и складной стул у окна – видимо, для вахтенного.

– Зови сюда компаньонку. Говори радостным голосом, чтобы она поднялась.

– Нет.

– Больно не сделаем. Мы возьмем деньги, для Гланвилля.

– Нет. Ведите меня к Гланвиллю.

– Гланвилля здесь нет. Давай деньги.

Напротив левого глаза Тэда появился объектив камнерезного лазера, который ювелиры использовали для распиливания драгоценных и полудрагоценных камней.

– То, что у меня для него – это не совсем наличные. Это нечто вроде делового соглашения... которое принесет деньги.

– Подожди. Ты Бертингас? Из Правительственного блока? – Голос изменился и стал не таким кислым.

– Да.

– Гланвилль говорил нам о тебе. Мы отведем тебя к нему. Зови свою компаньонку.

Прожектор погас, и Бертингас вообще перестал что-либо видеть. Он повернулся к окну и крикнул:

– Мора! Я думаю, все в порядке. Поднимайтесь.

Все еще полуослепший, он почувствовал, как его взяли за плечи и потянули в сторону, чтобы освободить место для подъемного устройства. Пока Бертингас протирает глаза и моргал что было силы, Мора поднялась наверх. Тэд увидел ее силуэт на фоне окна – изгибы бедер, руки, плечи, волосы. Она отпустила веревку и потеряла ладони.

– Есть проблемы? – спросила Мора.

– Ошибка идентификации. Уже исправлена. – Он повернулся к остальным. – Ну, мы идем к Гланвиллю?

Очевидный лидер группы, бледнокожий человек со сломанным носом и шрамом от ножа на верхней губе, заколебался.

– Он сейчас спит. Мы подождем шесть часов, а затем отведем вас к нему.

– Слишком долго ждать. Мы сделаем свои дела, затем вернемся.

Бертингас сделал шаг к окну и взялся было за веревку, но его руку схватили:

– Придется остаться. Слишком много видел.

– Что я видел, кроме пустой комнаты?

– Лица. Наши лица.

– У меня плохая память на лица.

– Карманные мозги делают фото. – Вожак указал на их ПИРы. – Ведут свои игры. Мы задержим вас до окончания дела.

– Ладно, как выглядят ваши апартаменты?

Еще одна пустая комната. Стол, таз с холодной водой и надувная кровать, которая засипела, когда Бертингас уселся на нее. Комнату украшала толстая дверь с замком. Ничего сложного для ПИРа, но достаточно, чтобы отбить охоту празднично шататься по зданию – или неучтиво уйти из него.

– Что ж, день был долгий, – произнес Бертингас, сидя на кровати и покачиваясь. – Сначала я получил известие об убийстве Высокого секретаря, потом посетил чрезвычайное совещание высших чинов, посвященное оному событию, встретился с новым директором, похожим на собачье дерьмо, посадил испорченный аэрокар с высоты семь тысяч метров и – для расслабления – поучаствовал в состязаниях на меткость стрельбы в собственной

гостиной. И этот день еще не закончился. Я бы назвал его одним из самых занятных дней моей жизни. А как у вас?

Мора присела на край стола.

– Давайте посчитаем. Сражение с похитителями в порту этим утром. Бег с препятствиями по всему Мейерберу. Дружеская помощь вам и вашему другу в стрелковых соревнованиях. Неожиданный визит в Чайна-таун. Подъем на третий этаж заброшенного здания с помощью веревки. Да, денек... И я голодна!

– Мы не можем здесь есть. Это же Чайна-таун.

– Наши хозяева довольно похожи на людей.

– Кажется, я заметил среди них парочку копытных. Во всяком случае, невозможно сказать, какой у них метаболизм и какая крепость желудков. Мы поедем в другом месте, после посещения Гланвилля. А тем временем предлагаю немного отдохнуть.

– Вы предлагаете мне лечь на полу?

– Не лучше ли воспользоваться кроватью? Она достаточно широкая для двоих.

Мора медленно подняла свои прекрасные брови, широко распахнула глаза, потом улыбнулась.

– Мы оба ляжем полностью одетыми, – сказал Тэд, – и я оставлю много места между нами.

– Очень хорошо. – Кажется, ее улыбка слегка поблекла. – Я в самом деле устала.

Бертингас старательно перекатился на дальний конец кровати. Мора подошла к ней и чопорно легла на бок, спиной к Бертингасу. Он смотрел на изгиб ее бедра и на то, как медленно в такт дыханию поднимается и опускается лежащая на ее боку рука, пока его не сморил сон.

– Вставай!

Голос проник в его сознание, как часть сновидения. Тэд заснул на совещании, и его мать, с трехдневной щетиной на лице и ножевым шрамом на губе, трясла его и орала ему в ухо.

– Который час? – спросила Мора, едва прикрыв зевок изящной рукой. Ее волосы спутались, но все же они были прекрасны.

– Три часа пополудни, – ответил вахтенный. – Гланвилль просыпается.

– Хорошо. – Бертингас сел и почувствовал, как заболели затекшие мышцы спины. – А-ах, – зевнул он. – Ладно. Пойдем.

Мора подошла к столу и окунула руки в таз с водой. Она осторожно коснулась мокрыми пальцами уголков глаз.

– Не беспокойтесь, – произнес вахтенный. – Мы вас помоем.

Она испуганно посмотрела на него и отошла от стола.

Вахтенный привел их в комнату, оборудованную под примитивную медицинскую лабораторию – холодный белый кафель и хромированная аппаратура.

– Раздевайтесь.

– Да что вы, перестаньте, – попыталась растянуть время Мора. – Мы не собираемся...

Теперь уже она смотрела в лицо ювелирному лазеру.

– У Гланвилля аллергия на людей. Делайте, как сказано.

Ее пальцы нащупали застёжки. Одежда упала на пол, обнажив такую красоту, какой Тэд не видал уже довольно долго.

– На что это вы уставились? – сердито спросила Мора.

– На все. – Он пожал плечами и занялся застёжками собственных брюк.

Вскоре они, полностью обнаженные и дрожащие, стояли на цементном полу. Тэд пытался прикрыться руками, но Мора просто стояла с гордо поднятой головой, не делая никаких подобных попыток. Охранник, который смотрел на них, как на два неодушевленных предмета, подтолкнул Бертингаса к ящику высотой в рост человека. Это была ультрафиолетовая камера. Темных очков ему не дали. Тэд ступил внутрь, прижав ладони к глазам, и получил дозу, рассчитанную на уничтожение микроорганизмов. Потом был

лазерный душ, который сжег верхний слой омертвевшего эпидермиса и волоски на коже, затем – поток дезинфицирующей жидкости. Когда он вышел, охранник подал ему широкий халат из жесткой белой ткани, с завязками на шее, но открытый на спине, и пару плетеных сандалий.

Тэд почувствовал себя паломником, совершающим хадж в Священные горы. Он потянулся к своей одежде и получил по рукам.

– Вернем позже. После Гланвилля.

– Дайте мне хотя бы мой ПИР.

– Ты доверяй собственному голосу. Гланвилль говорит на лингве.

– Там важные данные.

– Потом.

Охранник укутал их ПИРы в узлы с одеждой и сапогами и засунул все в мешок. «Шлихтер» Моры, с запасной батареей и барабанами, лег сверху. Оружие не произвело впечатления на охранника и совсем, казалось, не беспокоило его.

– Теперь что? – спросил Тэд.

– Теперь к Гланвиллю.

Охранник повел их обратно в коридор, к еще одной двери, и открыл ее. Внутри было совершенно темно. Охранник посторонился, пропуская Бертингаса вперед. Тэд поколебался секунду, затем подавил в себе дурные предчувствия и шагнул внутрь.

И очутился в трубе лифта, которая заканчивалась слишком далеко внизу.

Он падал со скоростью примерно пятнадцать метров в секунду. Начав с высоты третьего этажа здания, он рассчитал, что достигнет подвала примерно за полторы секунды. С ломающей кости торопливостью.

Спустя две секунды он услышал голос Моры:

– Тэд! Тэ-ээ-оииий!..

Он попытался вспомнить порядок действий при отказе лифта. Вспоминалось что-то вроде: держать голову повыше, согнуть локти и колени и постараться достичь состояния сверхчеловеческого спокойствия, пока ожидаешь удара.

Через четыре секунды падения, как ему показалось, скорость достигла двадцати метров в секунду и больше не росла. На пятой секунде силовое поле толкнуло его куда-то вбок. Он неуклюже перекувырнулся, приземлился на собственное лицо и встал на ноги. Он оказался еще в одном коридоре, который был слабо освещен синими аварийными светильниками. Здесь было холодно.

Мора пулей вылетела из входного отверстия ногами вперед, белый халат накрыл ее с головой. Ее тело ударило Тэда по коленям, они оба покатались по полу.

– Хорошо, что живы. – Мора поднялась без его помощи. – Где мы?

– Примерно на десять этажей под землей, по моим прикидкам.

– В какой стороне находится этот Гланвилль?

– Думаю, впереди.

– Тогда идем!

Он пошел вперед, вытянув одну руку к стенке коридора, но не касался ее. Это не настоящая стена, решил Бертингас, а скорее отполированный туннель, пробитый в скале под Мейербером. Сначала поработали врубовыми машинами, затем разгладили поверхность лазерными резаками. От камня веяло холодом. К светильникам под потолком вел ленточный кабель. Здесь явно грабили департамент энергоснабжения – а может быть, и не здесь, а в пустом здании наверху.

Через сто метров они миновали: запертый кабинет, темный боковой туннель, из которого отчетливо тянул сквозняк, и стол с охранником. Этот парень либо носил гротескной формы шлем и бронежилет, либо отрастил себе клюв и панцирь. Вместо глаз у него либо росли линзы, либо он надел какое-то приспособление для ночного видения. Охранник посмотрел на них и махнул рукой.

Коридор изогнулся и начал расширяться, потолок поднимался выше и выше, и наконец

Мора и Бертингас очутились в освещенной голубым светом пещере примерно метров в тридцать диаметром. Пещера была достаточно велика, чтобы по ней гулял холодный ветерок. Люди стояли маленькими группками, повернувшись к естественному скальному выступу в глубине пещеры. Когда глаза Тэда привыкли к голубому свету, он увидел, что в основном в пещере были не люди, а инопланетяне.

Некоторые из них представляли расу сатиров, с копытами вместо ступней. Здесь они, однако, не носили своего обычного камуфляжа: никаких туфель с пластиковыми пальцами-протезами, никаких просторных шаровар, чтобы прикрыть выступающие окорока и лошадиные бабки. Никаких искусных зачесов волос, чтобы прикрыть остроконечные уши. Никакой косметики, чтобы замаскировать раскосые глаза. Ничего, чтобы скрыть изогнутые в вечной улыбке губы.

Были в толпе и представители той же расы «клюв-и-панцирь», что и охранник за столом. Бертингас никогда не видел подобных существ. Их панцири покрывали желтые пятна – иногда с голубоватым оттенком, иногда ближе к зеленому. Существа имели тонкие многосуставчатые руки, как универсальные роботы. На каждой ноге было по шесть коленных суставов. На лицах – не поддающиеся расшифровке выражения.

Один или два инопланетянина в пещере были зеленокожими цернианами. Невысокие, с короткими головами. Во всем остальном они соответствовали определению Процедуры пяти пунктов: двуногие, двусторонне-симметричные, с компактно расположенными органами чувств, суставными конечностями, способные использовать орудия. У церниан была обычная гуманоидная форма тела, которая так удивила людей, когда они впервые наткнулись на инопланетян в самом начале вылазок за пределы Домашнего Скопления.

В глубине пещеры, однако, находилось нечто совершенно другое.

В скальном выступе было проделано плоское углубление, диаметром около метра, покрытое стеклянным колпаком. Тэд с Морой приблизились к нему и наклонились, чтобы получше рассмотреть. В чаше медленно пузырилась густая жидкость. Стоящий рядом сатир периодически протирал колпак, удаляя иней, который постоянно закрывал поверхность стекла. Из небольших отверстий поднимались струйки испарений.

Там стоял кактус, наполовину погруженный в жидкость, со стальными спицами, воткнутыми в кору. Или что-то, что выглядело, как кактус: бочкообразное тело, покрытое желобками; руки-кочерыжки, торчащие под прямым углом; жесткие белые полосы. Самое большое замешательство вызывал цвет, – тот же самый, что у человеческой кожи. На верхней части кактуса находился единственный хрупкий цветок, бордовый с белым, напомнивший Тэду японский бумажный фонарик.

«Я Гланвилль», – раздался голос. Он пришел не снаружи, а прозвучал прямо внутри головы Тэда.

Тэд быстро осмотрелся и увидел, что от спиц отходили провода, которые соединялись с расположенным за чашей ПИРом. К нему, в свою очередь, был подсоединен стандартный телекодер. Кто-то шутки ради подсоединил овощ к электронике!

– Ну конечно же это ты, – старательно сформулировал мысленный ответ Бертингас и постарался себе представить огромную улыбающуюся клоунскую рожу.

«Тебе легче будет говорить вслух. И без театральных жестов».

Ага, довольно сообразительный ПИР. И чувствительный. Тэд все еще не верил в говорящие овощи.

«Почему бы и нет? – спросил голос у него в голове. – При сверхнизких температурах многие субстанции становятся сверхпроводимыми, а значит, и могут чувствовать. Почему ты считаешь, что это невозможно в тех областях живой природы, которую вы, люди, называете растительным царством?»

В пещере послышались смешки. Видимо, телекодер транслировал их разговор для всех присутствующих.

Тэд наконец обрел дар речи.

– Ты можешь говорить за этих?..

«За этих представителей животного царства? Да, думаю, они воспримут мой совет. А теперь... У тебя есть предложение ко мне – не так ли, советник?»

– Большинство деталей находится в моем ПИРе...

– Я знаю, мы как раз сейчас расспрашиваем твоего маленького механического друга. Тем не менее ты можешь дать мне общую идею – правильно?

– Мы... То есть Бюро коммуникаций... э-э... организуем силы самообороны. Их целью будет защита гиперволновой спутниковой сети и другого коммуникационного оборудования и установок связи нашего Скопления на случай гражданских волнений или военного кризиса. Нам нужно три тысячи новобранцев, обученных – или пригодных к обучению – владеть оружием, дисциплинированных, способных понимать приказания и докладывать на лингве.

Секунда текла за секундой, а Гланвилль молчал, не слышно было даже жужжания телекодера.

«Когда ты достигнешь моего возраста, – медленно произнесло растение, – ты узнаешь, что любая жизнь, даже короткие жизни животных, драгоценна. Некоторые из этих новобранцев будут иметь возможность умереть – правильно?»

– Да.

«Ты пытаешься проектировать в мой разум картинки легкой жизни, Бертингас. Пребывание в казармах, часы безделья, работа с бумагами, развлечения, рутина службы, обильное питание. Несколько тревог, в основном учебных. Но никаких настоящих сражений. Это нечестные картинки, так?»

Тэд закрыл глаза и постарался вообще ни о чем не думать.

– В сущности, так, – ответил он.

«Твой департамент не поставит в бюджет расходы на такую силу, если не ожидает, что она понадобится. Ты бы сам не пришел сюда, пройдя через эти неприятные барьеры и испытывая личные неудобства, которые встретил на пути, если бы не предвидел в будущем кровавого конфликта. Ты более взволнован смертью Высокого секретаря, чем думал – так?»

Тэд почувствовал, что Мора смотрит на него. Он скосил глаза и перехватил ее озабоченный взгляд.

– Он был и вашим Высоким секретарем, – сказал Тэд, – если ваша раса подписалась под Пактом. Если случится династическая война, она затронет не только людей.

«Но в основном людей – правильно? Итак, что вы предложите этим рекрутам в качестве компенсации за возможную потерю жизни?»

– Для начала – люди будут им платить. Затем – право выбрать собственных офицеров на уровне роты. Однако все будут подчиняться директору Бюро коммуникаций и мне, его заместителю.

«Полное гражданство Пакта, – добавил Гланвилль, – переходящее на семью в случае гибели. Право на равное с людьми пенсионное обеспечение, без ограничений в пространстве или времени. Для добровольцев будут отменены все ограничения. Ветераны получают право первого выбора при наличии вакансий в Бюро коммуникаций, которые будут соответствовать их квалификации».

– Я не могу обещать всего этого.

«Но ты постарайся, да?»

– Да. Думаю, я смогу попытаться.

В его голове послышался стеклянный смехок.

«Может быть, этого будет достаточно, советник. Ты получишь мою поддержку. Солдаты, которых ты ищешь – половина из них, – уже сейчас вербуются и передвигаются к местам расквартирования, которые определены твоим помощником Ринальди...»

– Это слишком быстро – мы еще только планируем...

«Наш истинный хозяин, – перебил его телекодер, точнее, Гланвилль, – передал сюда приказ. Он будет выполнен... Другую половину своего отряда ты добудешь у моего брата, Чоры Мааса. Иди к нему».

Послышался легкий звон, речь телекодера оборвалась, и пещера, как показалось Бертингасу, потеряла некое четвертое измерение. Бертингас стоял и смотрел на самый обыкновенный кактус, погруженный в ванну жидкого газа.

Он повернулся к Море, увидел остальную часть пещеры – всех этих инопланетян, которые прятали улыбки.

– Полагаю, это все, – сказал он Море.

– Вы получили, что хотели?

– Большую часть.

– Тогда и в самом деле пойдемте.

Он взял ее за руку и повел обратно к выходу из пещеры. Зрители расступались перед ними и смотрели на него почти дружелюбно. Когда Тэд и Мора уже входили в туннель, телекодер включился снова.

«Еще одно, советник. – С дистанции в тридцать метров голос Гланвилля казался плоским и невыразительным. – И» никаких церниан»- правильно?»

Инопланетяне в пещере засмеялись. Особенно весело хохотали сами церниане.

Прежде чем Тэд сообразил, что ему ответить, голос опять оборвался.

В коридоре сидевший за столом охранник – или его собрат, не важно – направил их в освещенный боковой туннель, в дальней стене которого виднелся вход в трубу лифта. Охранник опустил им на плечи костлявые гребни своих рук... и толкнул.

Тэд, Мора и порядочное облако пыли с пола коридора влетели в поле лифта, настроенное на гораздо более значительную высоту, чем допускалось любой лицензией. Свободный белый халат Тэда взлетел выше пояса, он пожертвовал равновесием ради скромности и вцепился в него руками. Мора же просто позволила своему халату задираться как заблагорассудится и встретила его взгляд весело и непринужденно.

Через десять секунд поле ослабело и остановило их напротив отверстия выхода. Тэд проплыл вперед и поставил ногу на площадку, открывавшуюся в холодильную камеру большого ресторана. Он протянул руку и втянул Мору на твердый пол.

Все еще держась за руки, они прошли в помещение кухни, плававшей в тучах пара. Всюду сутились сатиры. В пару, среди груд горшков и кастрюль, они рубили, смешивали, месили, пекли и варили. Что они готовили, Бертингас разобрать не мог. Похоже, зеленые побеги бамбука или, может, стебли папируса. Пахло, как на фабрике по производству клея. И чуть-чуть – медом.

Сатиры пользовались в Пакте репутацией гурманов. Возможно, это было еще одним прикрытием.

Один из сатиров заметил их, замер, высоко подняв нож, потом засунул его под мышку – с ножа еще капал зеленый сок – и выудил из-под своего стола мешок. Он подошел к ним и сунул мешок в руки Тэда.

Мора и Тэд вытащили свою одежду. ПИР Тэда, когда он поставил его на стол, что-то там заверещал про грубое обращение и про то, что» эти буйволы» подвергли его «третьей степени». Что бы это значило? Тэд предположил, что его ПИР уронили и при этом как-то повредили. ПИР Моры вел себя тихо, как и положено устройству военного образца.

– Что теперь? – спросила Мора, нагнулась и затащила пряжки сапог.

– Теперь мы отправляемся на поиски Чоры Мааса. И прочь от этого запаха !

«8. ХИЛДРЕД САМУЭЛЬС: КСЕНОФОБЫ»

Кастор и Поллукс были самой странной штукой, какую только капитан первого ранга Хилдред Самуэльс видел за пятнадцать лет службы на флоте. Они все еще притягивали его взгляд всякий раз, когда он смотрел на них сквозь стеклянную стену, из-за плеча адмирала.

Это было невозможно; такая нестабильность просто не имела права на существование... Как долго она еще продлится? Упражняясь в программировании, Самуэльс как-то ввел все известные об этой планетной паре данные в свой ПИР и попросил дать

оценку. «Тысяча пятьсот лет, плюс-минус две сотни», – был ответ. Едва ли даже один миг истории для этой системы, вращающейся вокруг звезды со зловещим именем Кали. И ведь случилось же, что Пакт основал здесь свою базу именно в момент ее расцвета.

Кастор представлял собой массивный газовый гигант, гравитационный центр, вокруг которого на приличном расстоянии обращалась база флота Джемини, далеко за пределами орбит астероидных облаков и мелких лун, которые циркулировали вокруг огромной планеты. Меньшим, более плотным компаньоном Кастора был Поллукс, который с большой скоростью вращался очень близко от поверхности Кастора. По своему статусу маленький Поллукс занимал среднее положение – больше, чем луна, но меньше, чем планета-близнец, – и Самуэльс достаточно разбирался в древнейшей мифологии, чтобы увидеть тут связь.

Между двумя планетами шел непрерывный поток газа, по форме похожий на колокол. Атмосфера Кастора истекала своей кровью на Поллукс, едва поспевая за ним по орбите. При нормальных условиях ламинарный поток водорода был бы невидим на фоне черноты космоса. Однако газовая труба представляла собой нечто большее, чем просто поток газа, да и газ был не просто водородом. Между двумя небесными телами бушевал яростный поток энергии. Атмосфера Кастора содержала высокий процент инертных газов: неон, аргон, криптон, ксенон. Они поглощали эту энергию и испускали фотоны случайных, но очень красочных частот видимого спектра.

Прожилки красного и оранжевого боролись с облаками зеленого и голубого. По мнению Самуэльса, это было лучше, чем просто зажмурить глаза и разглядывать плывущие перед ними круги. Ярче краски.

Что произойдет, когда через семьсот с лишним лет гравитационный баланс Поллукса нарушится под воздействием массы украденной атмосферы? Пойдет ли поток в обратную сторону? Изменится ли порядок вращения основной планеты и луны, и Поллукс станет планетой, а Кастор – спутником? Это создаст гравитационную нестабильность, которую базе Джемини лучше не испытывать даже на таком расстоянии.

Что такое этот Поллукс? Выгоревшая дотла карликовая звезда? Глыба чистого урана? Фрагмент нейтрония размером с кулак? Электромагнитные сканеры базы Джемини давали не слишком вразумительные ответы на этот вопрос, а зонды, которые Самуэльс посылал на поверхность Поллукса, исчезали без малейшего писка. Не имея фактов, ПИР Самуэльса выдавал богатый набор предположений. Для машины это было почти хобби, которое Самуэльс поощрял.

Мост между Кастором и Поллуксом кое-что ему напомнил. Эта система, в которой не было обитаемых планет – вообще не было планет, кроме этой античной пары, – в пустом углу гиперпузыря пространства, который назывался Скоплением Аврора, была местом, где находился изумительный «водопад» света. Самуэльс вспомнил, что Вселенная – это огромное пространство и у нее свои собственные замыслы и цели. Вселенная замкнута в себе, постоянно изменяется, иногда она бывает холодно-безразличной, иногда – щедрой на сюрпризы...

– Вы слушаете меня, капитан первого ранга? – недовольно спросил адмирал.

– Разумеется, сэр. Э-э... престолонаследие и его влияние на политику Космического флота. Так точно, сэр.

– Хи! Влияние... Высокий секретарь и есть наша политика. Конечно, вы чувствуете себя на штабной работе как рыба, вытасченная из воды. Совсем не так, как на привычном посту в Инженерной службе. Там нужно действовать четко: оценить, выработать план, исполнить его. Сгорел конденсатор магнитотрона? Значит, вы рассчитываете необходимое количество человеко-часов, определяете координаты в пространстве и устраняете неисправность. Да, я тоже предпочитаю ясность, капитан.

– Это ...

– Но здесь мы занимаемся *по-ли-ти-кой*. Невозможно оценить и предсказать действия этих гражданских так же, как вы предсказываете действие группы техников. Политиканы делают, что им взбредет в голову, и считают, что наш долг – бегать за ними и подтирать все

магнитной ветошью. Черт бы их всех побрал.

– Что хочет посланник Скопления Арахна, сэр?

– Чтобы его гладили по шерстке каждые пятнадцать секунд. Губернатор Спайл – человек ограниченный, судя по тому, что я заметил. Он из тех, кто собирает вокруг себя разных лизоблюдов и рассылает гонцов к соседям, чтобы осуществлять социальные контакты. Я управлюсь с ним за полчаса. Затем, Самуэльс, мы должны обсудить ситуацию в Главном центре. Решить, что нам делать, если этому слепому кутенку Родерику позволят сесть в кресло его дяди.

– Слушаюсь, сэр... А-а... Есть известия о Море – то есть о мисс Костюшко, сэр?

– Чертова девчонка! Отправилась по магазинам в столицу Скопления и исчезла. Я попросил Туэйти поискать ее, не поднимая шума. Он не тот человек, которому бы я позволил быть с ней наедине, как вы понимаете. И не тот, кому я могу полностью доверять – он слишком много якшается с береговым народом, с торговцами, с политиками.

Адмирал сделал паузу.

– Это строго между нами, капитан первого ранга. Туэйти еще никто не увольнял, и у него под командой рота морских пехотинцев на Палаццо. Он найдет Мору. Если только она не спряталась сама и не закрутила шашни с каким-нибудь жеребцом из пивной. Чтоб ее перевернуло! Дочери разбивают отцам сердце. Когда женитесь, Самуэльс, рожайте только сыновей – и это приказ.

Адмирал улыбнулся собственной шутке.

– Слушаюсь, сэр.

– Ну ладно, пойдите приведите этого мальчика на побегушках, Спайла. Посмотрим, какую дохлую рыбу он продает.

Посланец Скопления Арахна был героем войны – войны, о которой Самуэльс никогда не слышал. Он ходил по приемной и жестикулировал многочисленными протезами, его позвоночник был упакован в стекло и пронизан электродами. Небольшой компрессор на поясице подавал давление на гидравлические цилиндры скелетоподобных конечностей. Ходячую машину увенчивало лицо, бледное и полупрозрачное, как у Снегурочки.

Самуэльс пригласил посланника пройти в кабинет адмирала, и тот промаршировал мимо, не удостоив его даже мимолетного взгляда. Запах машинного масла и жужжание сервомоторов сопровождали каждое движение посланника. Капитан первого ранга отошел и закрыл люк.

В приемной адмирала сидела свита посланника: женщина в гражданском и двое мужчин в военной форме Скопления. Все они были немолодыми, с пробивающейся сединой и морщинами. При взгляде на них создавалось впечатление, что вместе собрали незнакомых людей, с разными интересами – только ради этого официального визита. Свита нервно оглядывала убранство приемной. И еще: когда эти люди время от времени перебрасывались словом, в глаза друг другу они не смотрели.

Самуэльс шел к своему собственному адъютантскому кабинету, расположенному наискосок от адмиральского, когда один из мужчин обратился к нему:

– Скажите, капитан первого ранга, какие силы расквартированы здесь, на Джемини?

– Достаточные. Здесь у нас крейсерский док второго класса и база снабжения. Наши возможности в электронике, энергетическом эквиваленте и живой силе достаточны для патрулирования и защиты пятидесятипланетного Скопления и прямого административного управления Скоплением из десяти планет.

– Держу пари, у вас достаточно сил и чтобы завоевать эти планеты. Очень полезные силы.

– Э-э-э... Данный вопрос вряд ли возникнет – правда, сэр?

– Даже раньше, чем вы думаете, молодой человек.

– Конечно, мы уже миновали то время, сэр. В этом весь смысл Пакта.

– Пакт уже просто еще одна страница в книге истории. Просто среда обитания для тех, у кого есть воля верить в... ай! Прочь, жукоглаз!

Пока человек говорил, к нему подошел Паскаль и дотронулся до плеча. Дорпин был существом с планеты с высокой гравитацией, крепко скроенным приземистым созданием, похожим на земную черепаху, но без тяжелого панциря. Номинально он был уборщиком, приписанным к службе ремонта и обслуживания, его механическая швабра была припаркована в коридоре. Самуэльс знал, что Паскаль обладал тонкой, чувствительной душой и был прирожденным людским психологом, к которому несли свои горести и переживания рядовые вольноопределяющиеся. Когда Паскаль дотрагивался передней лапой до человека, он лучше его слышал. (Самуэльс сам видел, Как эта лапа с четырьмя острыми, как стилеты, когтями, обычно втянутыми под сморщенные от постоянной влаги подушечки, разодрала стальную обшивку во время аварии шлюза.) Паскаль, должно быть, почувствовал волнение гостя по выражению его лица и по жестам и пришел на помощь.

– Он просто желает вам добра, сэр, – сказал Самуэльс.

– Да? Он отвратителен. Я не позволю какому-то животному лапать меня.

После короткого размышления человек сжал кулак и ударил дорпина в лицо.

– Я научу, как вести себя, жукоглаз!

– Прекратите! – приказал Самуэльс. – Он не животное.

Не слыша ни слова из перепалки, но ощущая эмоциональный заряд, Паскаль посмотрел на Самуэльса. Капитан первого ранга махнул ему рукой: уходи. Используя язык жестов, которому база Джемини научилась у дорпинов, он сделал знак, обозначающий кучу мусора. Паскаль ответил движением носа, как бы отодвигая эту кучу в сторону, и улыбнулся.

– Они все – животные, – величественно произнес представитель Арахны. – И те, кто подпал под влияние инопланетян – даже такие, как Мерикур, который, кажется, стал слишком важничать, – получают, что заслуживают, от остального человечества.

– В самом деле? – холодно осведомился Самуэльс и повернулся, собираясь уйти.

– Однако скажите мне, капитан первого ранга, – вступил в разговор второй человек. – Какой поддержкой пользуется идея Пакта среди остальных? Все так же единодушно верны ему, как вы?

– Вы можете и сами предположить ответ, сэр.

– Да будет вам! Позиции Космического флота не настолько сильны, чтобы вы поворачивались спиной ко всем нам. При новом порядке найдутся места для всех людей с широкими взглядами. Даже за пределами Скопления Арахна. Даже для бывших капитанов первого ранга. Нам понадобятся молодые люди, которые правильно понимают свою лояльность.

– Сомневаюсь, что вы найдете здесь много таких.

– Только не раздумывайте слишком...

– Да замолчите вы, болваны, – прошипела на них женщина. – Этот юный фанатик наденет на всех нас кандалы еще до того, как Квинтэйн сумеет убедить старого фанатика внутри.

Все трое закудахтали и заговорили между собой, по-прежнему не встречаясь глазами.

Самуэльс вошел в свой кабинет и уже почти закрыл за собой люк. Внезапно дверь в кабинет адмирала распахнулась настежь, и оттуда выскочил посланник Квинтэйн. Он двигался быстрыми рывками – очевидно, гнев его превосходил скорость реакции сервомоторов, управляющих стальными конечностями. Трое сопровождающих быстро поднялись и последовали за ним в коридор.

– Мы вернемся, капитан. – Человек, ударивший Паскаля, просунул голову в приемную и злобно посмотрел на него. – Не думайте...

– За мной! – рявкнул Квинтэйн, и все поспешили вслед за человеком-машиной.

Самуэльс подождал немного, затем подошел к открытой двери в кабинет адмирала Костюшко. Это, конечно, бесстыдство – так вот навязываться без вызова, но...

– Капитан Самуэльс! – позвал адмирал.

– Да, сэр?

Пожилой адмирал сидел за столом и курил сигару так яростно и быстро, что ее

раскаленный кончик просто-таки полз ко рту. А ведь адмирал пытался бросить курить.

– Знаете ли, что этот вонючий кусок машинного лома пытался сделать со мной? Он хотел подчинить меня себе, вот что!

– Как?!

– Сказал мне, что я могу подтвердить свою верность Пакту, немедленно передав Джемини под командование губернатора Спайла. У этих ублюдков, наверно, черви в башке, если они путают мелкое проконсульство с Высоким секретарством.

– Так точно, сэр. Я нашел, что его свита...

– Я сказал ему, что ни моя верность, ни система подчинения не подлежат обсуждению и что никто не заставит меня даже рассматривать такого рода предложения.

– Правильно, сэр.

– Так он говорит мне в ответ, что Скопление Арахна и *есть* Пакт, что Аарон Спайл руководит им. Или что-то в этом духе. Джемини будет «сокращена», если не подчинится... Так, какие силы командование их Скопления может применить, чтобы захватить – а сначала разбить, естественно – восемь тяжелых крейсеров и двадцать эсминцев?

– Ну, сэр, у нас проблемы с некоторыми из старых батарей «Марк – 1», в основном из-за нехватки запчастей. Двигатель «Города Сочи» не в порядке. Но...

– Так почините его. Отремонтируйте все, что не в порядке на этой базе, и приведите в боевую готовность.

– Слушаюсь, сэр... Но этот посланник, Квинтэйн, он же просто блефовал, так ведь?

– В конце беседы, когда он как следует разозлился и стал угрожать по-настоящему, я тоже слегка распалился. Предложил ему встретиться в аду, прежде чем я нарушу клятву верности Пакту. Тогда он внезапно переменялся, стал слащавым, а улыбался, как кот при виде мыши. Сказал, что когда он туда доберется – в ад то есть, – то поздоровается там вместо меня с моей дочерью.

– Мора? Что он может знать о...

– Вот именно. Если только это не его головорезы захватили ее.

– Может быть, нам следует сообщить об ее исчезновении гражданским властям Авроры или Кона Татцу?

– Не знаю, капитан. После этой твари Спайла я не склонен верить никому из местных властей. Думаю, они все смотрят на себя через увеличительное стекло. Сейчас, когда престолонаследие под вопросом, у них у всех перед взором стоит образ империи. Даже Дейдра Салли может заколебаться, вот увидите. А что до Кона Татцу – нет, только не к ним. Пока нет.

– Тогда мы должны сообщить Туэйту, сэр. Приказать ему собрать своих морпехов и разнести Палаццо на части, но найти ее. Если вы не можете ему полностью доверять, сэр, тогда пошлите меня. Я вытащу оттуда вашу дочь. С морской пехотой или без нее.

– Нет, капитан первого ранга... Хилдред. Я ценю ваш энтузиазм, но ваше место здесь. Вы мой лучший инженер. Вы нужны мне, чтобы привести эскадру в боевую готовность. Думаю, впереди у нас тяжелые времена.

Спрятав свое разочарование, Самуэльс позволил своим глазам перенестись с лица адмирала на пылающий мост благородных газов, связывающих Кастор и Поллукс. Призрак. Семьсот лет. Так мало осталось времени, чтобы наслаждаться этим великолепием.

– На что вы все время смотрите, капитан первого ранга? – Адмирал повернулся и уставился в иллюминатор. – Эти планеты никуда не денутся, так ведь?

Самуэльс коротко улыбнулся:

– Никак нет, сэр.

«9. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ПОЛЯ ИНОПЛАНЕТНОГО МАИСА»

Тэд и Мора покинули ресторан сатиров через черный ход, миновав кадки с зеленым костным мозгом и бочки, из которых сочился коричневый соус с пряным запахом.

Выйдя наружу, они свернули с короткой аллеи на широкую улицу. Они все еще находились где-то в Чайна-тауне, но Тэд немедленно почувствовал разницу. Там, где раньше со всех сторон раздавались обычные уличные шумы и повсюду сустились прохожие, теперь стояла напряженная тишина, как в горах или в лесу за несколько минут до начала бури или до прорыва лесного пожара.

Сатир, один из поваров, вышел в аллею вслед за ними. Он прислонился к стене, вытащил рулончик табака из кармана передника и откусил кусок своими плоскими зубами. Улыбка удовольствия медленно расплзлась по его большеносому лицу и увяла. Сатир тоже почувствовал неладное. Тэд увидел, как он выплюнул еще свежую жвачку за бочку и поспешил обратно на кухню.

Тэд посмотрел налево и направо, вдоль обеих сторон улицы: лавочники тихо закрывали ставни своих магазинчиков, вниз опускалась проволочная сетка, тележки разносчиков скрывались в переулках, жонглеры прятали свои мячи и торопливо уходили. Эта часть города словно вымирала – а ведь стояла середина утра. Только небольшие группки прохожих, людей и инопланетян, *непосвященные*, все еще спокойно шли себе или рассматривали витрины крупных магазинов.

– Ну, так куда же мы идем? – спросила Мора. Она еще ничего не почувствовала.

Тэд напрягал слух, пытаясь разобраться, в чем дело. Справа, за перекрестком, донесся внезапный шум, крики, грохот, звон бьющегося стекла. Из-за угла показались двое людей, они двигались спиной вперед и шли размеренным шагом. Они больше всего походили на дирижеров какого-то оркестра. И «оркестр» не заставил себя долго ждать. Целая толпа – да какая там толпа, самая настоящая банда – выскочила из-за угла, вслед за «дирижерами». Люди размахивали палками, что-то кричали.

– Что *это*? – спросила Мора.

Тэд опомнился, схватил ее за руку и потащил назад, в аллею. Но там был тупик – сатиры закрыли и крепко заперли дверь на кухню. Но толпа уже успела заметить Тэда и Мору.

«Дирижеры», казалось, управляли толпой. Они указали на Тэда и Мору и отступили в сторону. Несколько погромщиков двинулось к ним. Поворачивая, Тэд успел, однако, заметить, что, когда кто-то из толпы подобрал тележку, которую бросил впопыхах уличный разносчик, и попытался въехать на ней в витрину дорогого магазина, «дирижеры» дунули в свистки и выстрелили в них из тайзеров. Провинившиеся погромщики, корчась, рухнули на асфальт.

Тэд и Мора понеслись со всех ног вдоль по аллее. В конце ее стояла стальная бочка. Тэд попытался отодвинуть ее и спрятаться за ней, когда первые погромщики ворвались в аллею. Грубые руки снова вытащили их обоих на улицу и толкнули к покрытой выбоинами бетонной стене. Тэда и Мору окружило кольцо сердитых человеческих лиц. Большинство из них имело потрепанный вид, как у безработных. У многих глаза были туманны от алкоголя или блестели от стимуляторов – за исключением двоих, которые двигались, как командиры: на них была новехонькая одежда, подбитая бронепластинами из противоударной ткани, на рукавах – нашивки с эмблемой Хайкен Мару.

«А Хайкен Мару, – пронеслось в голове у Тэда, – владеет многими здешними магазинами. Ага!»

Первый удар Тэду достался от одного из погромщиков, высокого рыжего мужика с накачанными мышцами, дряблым брюхом и отвисшей губой. Он невнятно проорал что-то угрожающее и попытался врезать Тэду по голове тяжелой деревянной дубинкой. Тэд толкнул Мору в сторону и нырнул под удар. Дубинка ударила о стену и отскочила, зазвенев, как железная.

Кто-то уже начал готовиться нанести Тэду второй удар, но Тэд протянул руку, ухватил за ремень ближайшего «дирижера» с эмблемой Хайкен Мару на рукаве и подтянул его поближе, загородившись им от удара. Дубинка замерла на полпути.

– Эй, убери руки – ты, трахатель инопланетян! – запротестовал командир.

– Ты узнаешь это лицо? – медленно и отчетливо произнес Бертингас. Его пальцы бегали по клавиатуре ПИРа, к которому все еще был присоединен объектив голографа. В воздухе перед лицом командира появилась голова Валенса Элидора. Поджав губы, тот говорил: «Губернатор сделает ошеломляющее открытие, кто в Отделе коммуникаций на самом деле тянет всю работу...»

Хотя края изображения были немного смазанными, а фон темным, голографический образ обладал поразительным сходством. Всегда можно ожидать дефектов, когда снимаешь не голографической камерой, а эти видеокадры были сняты через имплантант, установленный в радужной оболочке левого глаза Тэда, а звук записан прямо с его слухового нерва. Этот автотрекинг избавил Бертингаса от сотен утомительных часов записывания важной информации на совещаниях. Но он никогда не ожидал, что автотрекинг может когда-нибудь спасти его жизнь.

Командир, открыв рот, уставился на снимок Валенса Элидора. Тэд дал ему время как следует все уразуметь. Когда процесс уразумения завершился, «дирижер» повернулся к погромщикам и принялся орать на них, размахивая тайзером. Погромщики развернулись и потрусили дальше; подручные Хайкен Мару погоняли это стадо. Тэд и Мора внезапно остались на улице одни.

Бертингас оперся на стену, пытаясь коснуться прохладного бетона одновременно всеми точками спины – позвоночником, нижними ребрами, лопатками – и шеей. Он слышал, что это хорошо помогает для снятия напряжения. И похоже, ему стало лучше.

Мора говорила взахлеб:

– Я *знала*, что это Хайкен Мару раздувает беспорядки. Последний раз, когда мы с отцом были в офисе Туэйта, представители Хайкен Мару пытались дать отцу взятку. Они хотели использовать Джемини в качестве дополнительных доков для своих транспортов. Но это, наверно, просто для отвода глаз, на уме у них было что-то другое. А потом, когда я в тот день вышла прогуляться, я почувствовала, что за мной следят. У одного из этих людей был шрам на ухе, как после пересадки кожи. Я это очень хорошо запомнила. И вот сейчас – тот же самый человек... Ну, разве не так?

– Кто?

– Тот, которого ты схватил. Ты был великолепен, Тэд. Ты не возражаешь, что я называю тебя так? Тэд... Тот же самый человек. И он работает на Хайкен Мару. И они громят квартал инопланетян. Что ты об этом думаешь? Хотелось бы знать – это те же самые люди, что пытались меня вчера похитить? И Туэйт к этому причастен, спорю на что угодно. Этот погром – он не принес большого ущерба, так? – вероятно, тоже только прикрытие. А настоящая цель – выкрасть меня снова. Убить тебя и выкрасть меня. А затем...

– Мора!

– Да, Тэд?

– Ты не могла бы помолчать? Пожалуйста! Только две минуты. Мне нужно подумать.

– О, да, конечно.

Она, лязгнув зубами, закрыла рот и нахмурилась, полоснув Бертингаса угрюмым взглядом.

Пытался ли Хайкен Мару опять убить его? Нет. Если бы «дирижерам» этого погрома были даны конкретные инструкции насчет Тадеуша Бертингаса, то никакие его предполагаемые отношения с Элидором не отпугнули бы их. Все эти беспорядки должны были выглядеть как случайная вспышка насилия. Для нагнетания напряженности. Расшатать социальную стабильность Палаццо и устойчивую политическую позицию губернатора. Если Хайкен Мару собирается прибегнуть к бунтам, как к дубинке, тем важнее для Бюро коммуникаций создать отряды для защиты своих установок. Тэду может понадобиться открытый канал связи со всем Скоплением и с Главным центром тоже.

– Нам во что бы то ни стало нужно найти этого Чору Мааса, – произнес он наконец. – Это где-то на плантациях.

– Я могу говорить? – язвительно спросила Мора.

– Да, конечно же.

– Если вы собираетесь путешествовать со мной, советник, тогда вам следует принимать меня всерьез.

– Что?

– Вы не обращаете внимания на мои замечания, вам плевать на мое мнение. Вы не считаетесь с моей способностью – тут она подняла свой «шлихтер», – защитить нас обоих. С другой стороны, вы всю пользуетесь своими глазами, как только предоставляется возможность. Вы обращаетесь со мной, как с багажом. Это должно прекратиться. Немедленно.

– Ну, хорошо. Я сожалею...

– «Сожалею» недостаточно, советник. Я родственница и доверенное лицо адмирала, командующего местным подразделением Космического флота. Либо этого достаточно, чтобы сотрудничать с чиновниками 9 – го класса, либо я отправляюсь к черту в пекло одна, а вы можете искать своего драгоценного Тору Мосса с помощью компаса и ивовой лозы. Вам все понятно?

– Понятно. – Бертингас сделал усилие, чтобы говорить спокойно. – Мы должны добраться до плантаций. Замечу, это в ваших интересах тоже. Потому что пребывание в окрестностях Мейербера до сих пор оказывалось вредным для вашего здоровья – как и для моего. Невзирая ни на какие уши со шрамами.

– У тебя есть машина в Правительственном блоке, так? Я знаю, заместителю директора положено по должности ее иметь.

– Едва ли я могу там показаться в таком костюме. С чужого плеча и, – он просунул палец в дырку на груди, – с повреждениями.

– Мы можем воспользоваться общественным транспортом.

– Маглев не дотягивается так далеко, куда мы собираемся.

– Тогда найми аэрокар.

– На всех арендуемых машинах стоят радиомаяки. Двухминутное размышление и небольшая возня с пеленгатором – и мы окажемся прямо в руках твоих друзей или моих.

– Тогда купи машину.

– На какие деньги? У меня в карманах около четырех рандов, на них можно купить только позавчерашнюю сосиску и стакан спитого чая.

– Бетти знает кое-какие тайные счета. – Мора похлопала по своему ПИРу, который болтался у нее на поясе.

– Тогда пошли, найдем торговца поддержанными машинами.

Они шли к выходу из Чайна-тауна по мощеным или покрытым плиткой улицам, все еще полупустым, туда, где открытое пространство позволяло дельцам, торгующим транспортными средствами, показывать свой товар на открытом воздухе.

Тэд ошеломленно глядел на запыленные, покореженные машины. Он видел синеватые пятна на соплах двигателей, что говорило о поврежденных подшипниках и скверном зажигании. Он видел пластик с заплатами и несовпадение цвета краски на стыках, что предполагало аварийное маневрирование и ремонтно-кузовные работы. Он видел потеки топлива и капающее с двигателей масло.

– Они еще и летают? – спросил он быстроногого коуру, владельца площадки и старшего продавца. Покрытый шерстью инопланетянин проворно шнырял между латаных-перелатаных и мятых корпусов машин.

– О да, эффенди. Ффсе машшины летают. Ошшень хоррошшо летают.

Бертингас наклонился, чтобы осмотреть днище старой красной «форзы». Это была двухместная спортивная модель – до того, как кто-то попытался вытащить из нее турбину. А может быть, и нет. У машины был длинный корпус, обтекаемая форма и ни одного острого угла. Все говорило о том, что эту машину готовили специально для гонок.

– Взгляни на этот автобус! – с восторгом воскликнула Мора, указывая на зеленый «бундель». Тэд поднял голову и увидел, что в пропеллерах автобуса не доставало с

полдюжины лопаток, и это походило на выбитые зубы. Неравномерное вращение вызовет вибрацию, от которой при первом же запуске двигателя вылетит еще десяток лопаток. Тэд опять склонился к «форзе».

– Ну же, посмотри, что за миленькая крошка! – через минуту сказала Мора. Она подмигнула Тэду и слегка качнула головой в сторону «бунделя».

Бертингас подозревал, что Мора пытается обмануть коуру своим поддельным восторгом. Пусть почувствует себя корифеем, снисходительным к этим двум болванам, совершенно не разбирающимся в технике. Пусть думает, что сможет их надуть.

– Я не знаю...

– Ссамый шшудесный фыбор, эффенди. Большая подъемная сила. Ошшень бысстрый. Унесет фас тип-топ.

– Но здесь не так много *места для ног*, как у «бунделя», Тэд!

Мора широко распахнула глаза. Она явно пыталась дать ему какой-то сигнал – но какой? Тэд не понимал.

– У него повылетали лопатки с турбин, – равнодушно сказал Бертингас. Он провел рукой по красному пластиковому корпусу «форзы». – Мы можем ее опробовать?

– Аахх. Это ошшень непроссто, эффенди. Летная проверка требовать залог, заполнить бланки, сстрахофка, код летного контроль, проферка летной годность, номера. Много-много бумаг. Фы понимаете? Когда фы хозяин, мы можем делать формальности бысстро-бысстро. Однако нет на нерегистрирофанный машшына. Фы понимаете?

– Вполне. Ну, Мора, я думаю, это та машина, которая нам нужна.

– Давай посмотрим цену – верно, милый? – Она опять подмигнула и качнула головой. Он так и не понял, чего же она хочет.

В наскоро сколоченной из листов пластика будке, которую коуру торжественно именовал офисом, Мора положила свой ПИР на стол и направила его инфракрасный луч на компьютер стоянки. Пока они все трое стояли и смотрели, компьютеры торговались между собой. В конце концов компьютер стоянки издал длинный свисток и назвал цифру.

Кустистые брови коуру опустились.

– Фашша машшына ошшень умный, эффенди, ошшень умный. – Он постучал по футляру длинным зазубренным когтем. Было видно, что старается запомнить флотский серийный номер, выгравированный на крышке. – Ошшень умный.

Коуру принялся за оформление сделки и застучал по клавишам своего компьютера подушечками всех восьми пальцев руки. Автоматизированная система управления стоянки включила двигатель «форзы», перевела ее в режим парения и повела машину в клубах дымного выхлопа к входным воротам. «Форза» опустилась на бетон и слегка накренилась влево.

Мора и Тэд взобрались в машину и закрыли дверцы. Внутри пахло потрескавшейся кожей, раскаленной на солнце резиной и застарелым машинным маслом. Тэд пощелкал кнопками управления, и небольшая машина взмыла вертикально вверх на высоту, на которой позволялось воздушное движение над Мейербером. Бортовой компьютер, казалось, поддерживал неплохие отношения со службой воздушного контроля, поэтому Тэд позволил своему ПИРу задать курс на сельскую местность. Машина задрала нос, словно вздыбилась лошадь, и помчалась на юг.

– Я все еще удивляюсь, как тебе удалось это, – произнесла Мора после нескольких минут молчания.

– Что удалось?

– Соблазнить меня такой маленькой машиной. «Бундель» был бы гораздо практичнее для этой цели.

«Тьфу ты, черт!..»- подумал Бертингас.

– Соблазнить тебя? Разве я пытаюсь это сделать? – невинно спросил он.

– Ну, а разве нет? Ты исподволь разглядываешь меня и действуешь, как будто пытаешься соблазнить, все время с тех пор, как мы покинули твою квартиру.

Так, и что теперь? Если он станет отрицать это намерение, балованная девчонка воспримет его слова как личное оскорбление. От нее всякого можно ожидать. Она может замкнуться в язвительном молчании – что было бы самым худшим из всех возможных вариантов. Она может вздумать внезапно покинуть машину – при помощи катапультирования и спасательной системы. Она могла, наконец, выстрелить в него! А если он поведет себя слишком развязно и решит воспользоваться случаем, который сам плывет ему в руки... Ну, тогда их вынужденное партнерство станет еще более тесным. И не нужно забывать, что где-то далеко есть адмирал Космического флота. Отношения с девушкой-человеком оказались сложнее, чем с его притворицей-деоорти.

Он с тоской подумал, как плохо, что машина идет на автопилоте и не требует его вмешательства. Тогда бы он смог хоть чем-нибудь занять руки.

Пока Бертингас обдумывал свой ответ, Мора переменяла тему. Как будто ничего не было сказано.

– Я надеюсь, у папули нет больше проблем с губернатором Пауком.

– С кем?

– Со Спайлом из Скопления Арахна. Я его называю «губернатор Паук». Соответствует его характеру. Сидит там, плетет паутину заговоров и планов, рассылает агентов, всем угрожает. Знаешь, он, наверное, сумасшедший.

– Почему ты так думаешь?

– Он хочет распространить свою власть на весь Пакт. Говорит об этом прямо в своих публичных речах. Только внутренние проблемы его Скопления, два или три восстания каждый год, удерживают флот от прямого вмешательства.

– Допустим. Но чем же он опасен для твоего отца?

– Потому что у Спайла есть поддержка. Например, Хайкен Мару. У меня есть доказательства, здесь, в памяти у Бетти. Хайкен Мару предоставляет ему свои корабли и людей.

– Военные корабли? Но Хайкен Мару коммерческая корпорация. Откуда у нее военные корабли?

– Я не знаю, но, должно быть, они есть. Держу пари, именно поэтому меня пытались похитить.

– Потому что теперь Хайкен Мару продает военное снаряжение? – растерялся Тэд.

– Да нет, какой же ты тугодум! Потому что мы с Бетти проникли на их базу по разделке старых судов на лом и знаем теперь, как они жульничают.

– Ты конечно же сказала отцу об этом?

– Не было времени. Бетти только упомянула о своей находке при полете на Палаццо.

– Может быть, ради собственной безопасности тебе лучше приказать ПИРу стереть это из памяти?

– О нет! Я собираюсь предъявить это Высокому секретарю, когда он наконец будет избран, и раз и навсегда докажу всем, что Хайкен Мару – предатели.

– А если случится так, что Высоким секретарем станет кандидат Хайкен Мару – что тогда?

Она искоса посмотрела на него, затем уставилась на свои ноги.

– Тогда, думаю, я лучше сотру память Бетти.

– Дельная мысль.

Машина начала снижение в соответствии с переданными ПИРом Тэда координатами и двигалась по направлению к рошце секвой-мутантов. Они летели над холмистой местностью где-то на границе между двумя латифундиями. Бертингас сделал несколько маневров, чтобы не столкнуться с крупными деревьями, и посадил машину на, как ему показалось, чистое место. Мора открыла дверцу и попробовала выйти, но вдруг вскрикнула:

– Ой! Это не трава, а деревья!

– Что ж, не наступай на них, если не хочешь заполучить дыру в сапоге. Шагай между стволами.

Крошечные деревца были генетически измененным видом растений, которые в других местах на Палаццо, как и на прочих планетах, где в основном жили люди, вырастали в могучие колонны. Здесь же, при помощи хитроумных методов генной инженерии, рост их стволов замедлялся, а количество клеток оставалось таким же, что и у огромных деревьев. В результате вырастали стебли длиной от пяти до семи сантиметров, которые были прочнее любого пластика или керамики, прочнее многих металлов, но не обладали магнитным полем и электропроводностью. Они использовались в самых широких областях техники, от неискровых динамических подшипников до высокопрочных космических зондов.

Тэд и Мора оставили машину и пошли вниз по склону холма к болотистой низине, усыпанной плодоносящей мальвой. Мальвы тут росло столько, что сразу и не подумаешь, что перед тобой ухоженная плантация, а не дикие заросли. Метрах в тридцати от Мора и Тэда из травы вынырнула чья-то голова и уставилась на них. Темные выпуклые очки скрывали пол-лица и прятали любое выражение – удивление, предостережение, радость или враждебность. По короткой коренастой фигуре и по зеленой коже Бертингас догадался, что это цернианин.

– Простите, пожалуйста! – окликнул его Тэд.

Голова медленно опустилась, как если бы цернианин присел на корточки.

– Я хочу сказать, – продолжал Тэд, – мы кое-кого ищем. Может быть, это ваш друг. Зовут его Чора Маас. Вы поможете нам его найти?

– Что вы хотите от сера Мааса? – Голос у цернианина был высоким и звучал озабоченно. Где-то через минуту Бертингас сообразил, что инопланетянин явно был подростком.

– Мы принесли деньги для него. – В случае с Гланвиллем это сработало...

– Вы лжете! Никто из города не приносит сюда деньги серу Маасу. Уходите!

– Это не совсем деньги, это предложение, на котором можно заработать деньги. Если мы заключим сделку.

– Уходите! – повторил цернианин.

– Мы не собираемся делать ничего плохого...

– Но сделаете все равно. Уходите!

– Ну в самом деле, это...

– Хоорн! Хоорн! – Это был уже другой голос, тоном ниже и взрослей. Он прозвучал откуда-то из глубины зарослей мальвы. – Кто там?

– Незнакомцы, отче.

– Какие знакомцы?

– Мужчина и женщина. Люди. Один с коричневой головой. Один с желтой. Грубая одежда. Гладкая речь.

– Что им надо?

– Тебя, отче.

Парнишка-то – паршивый часовой, решил Тэд. Сразу обнаружил себя, рассказал все, что знает, выдал командира и отца на едином дыхании. Хорошо хоть, что не нажимает на курок и не смеется при этом – если только он вооружен.

– Что ж, спроси, как их зовут, – спокойно сказал цернианин постарше.

– Я Тадеуш Бертингас, заместитель директора Бюро коммуникаций этого Скопления, а это Мора Костюшко, дочь адмирала, командующего силами Космического флота в этом Скоплении. У нас дело к Чоре Маасу.

– Высокие гости, – произнес голос. – И не неожиданные.

Юный часовой тихо стоял среди мальв, разглядывая их через свои темные очки.

– Вы можете пройти вперед, – сказал голос. – Сто шагов на юг вдоль линии, по которой вы шли. Затем двести на восток. Вы увидите, когда остановиться.

Пока он говорил, голова парнишки скрылась в зарослях. Через секунду-другую Тэд уже не мог точно определить его местонахождение.

Они пошли вперед, стараясь идти по прямой линии, отодвигали толстые листья и

обходили особенно густые заросли. Когда они задевали растения, те сочились густой жидкостью со сладким ароматом, похожей на горячий сидр. Тэд попробовал языком пятно липкого пурпурного сока на рукаве. Клубничный джем.

Он опустил в сок кончик своего пальца и протянул руку Море. Она деликатно коснулась пальца языком, причмокнула губами и улыбнулась.

Они свернули на восток и примерно через двести метров подошли к плотным зарослям мальвы, скрывавшим приземистый холм посреди болотистой низины – как им сначала показалось. Подойдя ближе, Тэд увидел, что это не холм, а множество хижин, соединенных между собой переходами. Стены хижин были сложены из необработанного дерева, пластин изоляции, неровных кусков металла, битого кирпича и черепицы. Тот, кто строил эти жилища, наверно, пытался соорудить огромное птичье гнездо – так все строительные материалы были беспорядочно спутаны. Единственными предметами, не вписывающимися в общий фон, были ставни – новенькие, квадратные, вырезанные из какого-то легкого светлого металла, они закрывали окна. Внутри хижин было темно, как в пещере.

Сколоченный из досок продолговатый щит поднялся на пневматических петлях вверх, и на пороге хижины появился цернианин. Он тоже носил темные очки-маску. Тэд знал, что чувствительные глаза церниан не выносили прямого солнечного света.

– Я тот самый Чора Маас, которого вы ищете.

Почему-то Бертингас ожидал, что Маас окажется еще одним опутанным проводами «ледяным овощем». В конце концов Гланвилль назвал его «мой брат». Так, и что теперь ему делать в подобной ситуации? Приказы Селвина Прейза недвусмысленно исключали церниан, и вот теперь один из двух названных Прейзом контактеров был цернианином. Что вообще происходит?

– Прошу, пройдемте внутрь. – Маас поприветствовал их, сомкнув ладони перед грудью, повернулся и провел Тэда и Мору в дом.

Они миновали занавес из темной материи, висевший в дверном проеме. Внутри было темно и тепло, откуда-то доносился мускусный запах инопланетной пищи. Слабый зеленый свет исходил из комков неправильной формы, укрепленных на верхней части стен. Свет мог быть электрической природы, но, скорее всего, имел биологическую природу, и это светились светлячки или какие-нибудь глубоководные рыбы.

Глаза Тэда скоро привыкли к этому освещению, и он увидел, что в хижине посетителей довольно много. Все сидели и молчали. Некоторые из них были цернианами, но присутствовали и представители других рас. Потом Тэд различил в углу хижины несколько сатиров, которые держали за руки двух коуру, потом – элегантного деоорти, который выглядел почти как человек и явно гордился этим, покрытого чешуей биду и одного дервиша, который сидел совершенно неподвижно несколько минут, потом вскакивал, делал три оборота вокруг своей оси и снова садился.

– Итак, чем мы заслужили честь приветствовать вас?

Тэд повернулся к Маасу. Инопланетянин снял очки, и Тэд увидел его глаза. Диаметр зрачков превышал три сантиметра, они слегка светились. А может, это в них отражались светильники. Словно смотришь ночью в глаза кошки. Выводит из равновесия.

– Мы... а-а... то есть я прибыл к вам с предложением. От Бюро коммуникаций.

– Вы набираете силы охраны. И прибыли сюда набрать рекрутов.

– Да, верно. А как вы узнали?

– Вы, несомненно, знаете, советник, что электромагнитный сигнал движется быстрее аэрокара. Мои друзья слушают. Мои друзья разговаривают со мной.

– Мы готовы предложить вам жалованье, которое получают за подобную работу люди, и даем вам право назначать своих офицеров. И – мы уже говорили с Гланвиллем – ветеранам будет предоставлено полное гражданство Пакта, вместе со свободой передвижения, без ограничения места или времени. Если этого можно будет добиться... Но я постараюсь.

Огромные глаза Чоры Мааса внимательно изучали его. На губах цернианина играла легкая улыбка. Тэд почувствовал, как шевельнулась Мора.

– Но для нас это не означает ничего особенного, так?
Бертингас несколько мгновений обдумывал слова Мааса.

– Но я думал... Гражданство, равные с людьми права, отмена запретов – разве это не то, о чем мечтают все инопланетяне?

– Мечты – штука не слишком практичная, сер Бертингас. – Глаза Мааса медленно открылись и закрылись – эквивалент земного пожатия плечами.

– Ну, иногда это так. Но в данном случае, однако...

– Позвольте показать вам пример, иллюстрирующий данный случай. – Маас подвел их к низкому дивану, где сидела старуха-цернианка, лицо которой избороздили глубокие морщины. Руки старухи были сложены на коленях. Если в глазах Мааса играл свет, то ее глаза были невыразительными и тусклыми и походили на черные камешки. – Это Саара. Она тоже с Церны, как и я сам. Когда она была молодой и красивой, она однажды не выполнила какое-то указание надсмотрщика плантации. В качестве наказания он прибег к умеренной форме зерглидерна. Он на три дня отменил ее право носить дымки.

– Дымки? Что это?

– Защита глаз, которую мы, церниане, вынуждены применять на Палаццо или на любой другой планете с нормальным для людей уровнем ультрафиолетового излучения. Через два дня Саара навсегда ослепла.

– Это ужасно. Но она ведь могла...

– Что? Покинуть территорию, к которой привязана запретами? Носить дымки тайно – может быть, *ночью*? Наложить на себя руки? Выбор был довольно ограниченным.

– Я не могу отрицать существования несправедливости. Однако полное гражданство...

– Я не это хочу сказать, советник. Эта латифундия принадлежит Хайкен Мару, как и многие другие на Палаццо. И по всему Скоплению тоже. Вы можете обещать льготы тем, кто работает на ваш департамент. Пожалуйста. Мы с удовольствием их примем. Но это поможет только незначительной доле процента из числа тех, кто работает на полях. На полях Хайкен Мару. Под управлением надсмотрщиков Хайкен Мару, кому нравится делать такое! – Маас указал на слепую женщину.

– Но существует система правосудия. Можно было подать иск и добиваться справедливости.

– Городское правосудие. Очень далеко. Очень дорого. С отборными юристами Хайкен Мару для защиты надсмотрщика. И если бы Саара проиграла процесс, ночью пришли бы бандиты Хайкен Мару... Не слишком хорошее правосудие.

– Что вы хотите от меня? – спросил Тэд.

Маас отвернулся от старухи и посмотрел Бертингасу в лицо.

– Мы готовы поверить. Мы всегда готовы верить. Молодой человек, как вы полный идей, приходит к нам и говорит о свободе и справедливости. И мы верим. Ненависть не угнездилась в наших сердцах. Мы не закоснели, поэтому мы верим. Но не в этот раз, советник.

– Ну, я бы мог...

– Вы ничего не можете. Это ваше правительство, ваше общество, ваша раса смотрят сквозь пальцы на Хайкен Мару. Вы относитесь к ним снисходительно, потому что не вам приходится с ними сражаться.

– Это не так легко, как вы думаете.

– Нелегко, и никогда не было легко.

– Один я ничего не значу. Хайкен Мару несколько раз пыталась убить меня, потому что я не согласился участвовать в заговоре. Возможно, это делает нас – вас и меня – э-э... братьями.

– Скорее попутчиками.

– Ладно, пусть так. Поэтому я понимаю, что вы чувствуете в отношении Хайкен Мару. Я тоже знаю, как силен этот конгломерат. Один человек или двое никогда не смогут...

– Ваш новый губернатор, Дейдра Салли, – Тэд отметил, что цернианин не сказал «*наш*

губернатор», – по слухам, придерживается старой линии Пакта, когда равенство всех рожденных под звездами было чем-то большим, нежели просто словами. Говорят, что она человек чести...

– Думаю, это так.

– Тогда Хайкен Мару не позволит ей жить слишком долго, правда?

– Ну, это...

– Прочность ее положения вызывает сильные сомнения, советник... Как вы можете убедить поддержать вас? Когда вы сами в бегах и спасаете свою жизнь... И когда само ваше правительство – через несколько недель, в крайнем случае – через несколько месяцев – окажется в руках торгового картеля, который уже держит в своих руках нашу жизнь и смерть. Мы должны быть полными идиотами, чтобы сражаться с этой силой, не так ли?

Тэд внезапно почувствовал себя совершенно разбитым. За эти тридцать шесть часов он устал безмерно. Тяжестью налились руки и ноги. Спертый воздух хижины обжигал ему легкие. Смущение и разочарование затуманивали мозг.

– Итак, моя миссия провалилась. Могу я теперь уйти?

– Я этого не говорил, – возразил Маас. – Мы ждем от вас знака. Чего-то большего, чем красивые слова о справедливости и равенстве.

– Какого знака?

Маас улыбнулся, причем уголки его губ опустились. Он широко распахнул глаза – казалось, они светятся.

– Хайкен Мару ведет активные работы на своем острове-крепости Батавии, это в другом полушарии. Вы когда-нибудь там бывали, советник?

– Однажды, восемь или девять лет назад, когда я помогал им разобраться с проблемами функционирования базы данных...

Бертингас припомнил изумрудную воду мелкого моря, низкие острова, мангровые заросли.

Над островом вздымалась конструкция из синтебетона и стали – целые квадратные мили гладких белых стен и выложенных белой плиткой внутренних дворики. Батавия. Поверх стен выступали купола и башни, испарители и грузовые краны, антенны и генераторы нуль-поля. Причалы и доки обрамляли стены на уровне моря. Все ходы закрывались массивными стальными дверями, висевшими на петлях размером с человека. Соленый воздух неустанно вгрызался в синтебетон и разъедал сталь, поэтому служащие Хайкен Мару – среди них и церниане, с которыми обращались как с рабами, – трудились постоянно, латая, зачищая и окрашивая. Как с платным консультантом с Тэдом обращались неплохо – всю ту неделю, что он там провел: прекрасный гостиничный номер, хорошее питание, развлечения. Однако его этот остров и крепость на нем просто угнетали.

– Хайкен Мару превратила Батавию, про которую говорят, что это единственная настоящая военная крепость во всем Скоплении Аврора, в завод по производству оружия, – сказал Маас. Все, кто был в хижине, закивали. – Корпорация приводит туда свои сухогрузы, исследовательские суда и рудовозы со всех планет и оснащает их ракетами, покрывает броней и устанавливает плазменные орудия. Скоро она будет иметь флот, способный противостоять любым кораблям Скопления и многим за его пределами.

– Это ценная информация, – произнес Тэд. – Я должен сообщить об этом моему правительству.

– Как будет реагировать ваше правительство? Что сделает ваша Дейдра Салли с этой информацией?

– Я не знаю. Полагаю, выступит против Хайкен Мару в Совете, потребует от них...

Маас покачал головой:

– Когда достигаешь определенного возраста, то начинаешь понимать, в каких случаях законы действуют, а в каких – нет. Пока я достиг этого возраста, увидел много крови, пролитой самым глупым образом. Поэтому я могу вам сказать, что в этом случае закона будет недостаточно. Если вы и ваше правительство хотите выжить, вам нужно атаковать

Батавию, разрушить эту новую силу.

– Не знаю, смогу ли я убедить губернатора посмотреть на дело с этой точки зрения. Даже если атака окажется успешной, Хайкен Мару стала такой мощной, что практически командует всей экономикой Скопления Аврора. Может возникнуть хаос.

– А у вас, чиновников, аллергия к хаосу, так ведь? Кто знает, что может в результате произойти? Многие уютные норки могут быть потревожены, – улыбнулся Маас.

При слове «норки» перед мысленным взором Бертингаса промелькнула картина: стены туннеля, плохо обработанные, и арки склепов. Входы заложены кирпичом. Отблески факелов мерцали на латунной табличке, а надпись на ней походила на список правительства. Та норка, которую Бертингас усердно рыл для себя в Бюро коммуникаций все эти годы – это что, могила?

Использовал ли Чора Маас телекодер, чтобы Тэд увидел все эти образы мысленным взором? На первый взгляд телекодера, как у Гланвилля, здесь не было. И все же...

– Я сказал, что мы ждем знака, советник, – продолжал Маас. – Знака силы тех, кто утверждает, что правит Скоплением Аврора. Когда нарушаются наши законы, какую силу вы можете применить?

– Я сделаю все, что смогу, – медленно произнес Тэд.

– Никто не может потребовать большего от разумного существа. Если вы выиграете, тогда мы сможем поговорить о рекрутах для ваших сил самообороны.

«10. РЕГИС САЛЛИ: ПЕДОФИЛ»

Звонкие, счастливые голоса еще стояли в ушах Региса Салли, когда он покинул заведение; он все еще чувствовал на своей коже прикосновение гибких, умелых рук. Большие и терпеливые глаза, маленькие податливые губки стояли перед его внутренним взором, когда он неторопливо шел по затемненному переулку в сторону Мартингэйл-авеню.

– Могу я пройтись немного рядом с вами, гражданин?

Регис было насторожился, но узнал голос своего контролера. Он хотел оглянуться и поприветствовать его, но услышал:

– Будет лучше, если вы просто будете идти вперед. Вот так. Отлично. Итак, какие новости вы принесли мне из Дворца?

– Дейдра ведет очень тонкую игру.

– Верю. С кем?

– Против Хайкен Мару. Она планирует назначить Амелию Сейл из Владения Грингэллоу...

– Я знаю, чем владеет Амелия!

– ...председателем Комиссии водоснабжения. Вы знаете, до какой степени Амелия ненавидит Хайкен Мару. Поэтому она будет нейтрализовать действия корпорации.

– Дейдра так считает? А вы как считаете?

– Дейдра *говорит* так.

– Но верит ли она в это?

– Почему бы и нет?

– Хм... Препятствовать Хайкен Мару – пусть и в чем-то несущественном – без открытой конфронтации... Для Дейдры это *действительно* тонко. Теперь как насчет моего плана согласованности действий?

– Боюсь, она не пойдет на это.

– Не пойдет? Я так понимаю, вы объяснили ей те преимущества, которые получит Скопление Аврора, если примет ту сторону, которую надо, когда губернатор Спайл начнет действовать?

– Насколько смог – стараясь не вызвать у нее подозрений.

– Видимо, не слишком старались.

– Послушайте, я вам уже говорил. Я могу намекнуть. Я могу предположить. Я могу

лоббировать – но только не со своей женой.

– Очевидно, это не единственная вещь, которую вы не можете делать со своей женой.

– Послушайте, вы!

– Говорите потише, гражданин... Сколько стоят вам эти юные чаровницы, хотел бы я знать, и их благосклонность?

– Вас это не касается. А кроме того, было постановление, что связь с инопланетянкой не является безнравственной или незаконной.

– И все же... Вентурийки такие чуткие, такие доверчивые. Так похожи на детей... Вы когда-нибудь дотрагивались до человеческого ребенка, Регис?

– Нет. Разумеется, нет!

– Но поверит ли в это тот, кто знает о вашем пристрастии к вентурийкам? Поверит ли в это Дейдра?

– Вы не должны... не должны...

– Я не буду. Поверьте, Регис, не буду. Но я хочу, чтобы вы показали Дейдре в самом лучшем свете всю выгоду поддержки Скопления Арахна. Может быть, официальный визит?

– Единственный путь, на самом деле единственный, – Салли облизал губы и нервно глотнул прохладный вечерний воздух, – это создание двойного альянса. Скажем, с какой-нибудь третьей стороной. Как союзники. По разные стороны, но часть более крупного союза. Скажем, контролируемого Хайкен Мару. Тогда личные чувства Дейдры к Аарону Спайлу, может быть...

– Объединиться под началом Хайкен Мару? Вы бредите, Регис. Похоже, мне самому придется поговорить с ней об этом.

– При всем моем уважении – сомневаюсь, что она выслушает вас.

– Почему бы и нет? Она же предоставила мне должность, которой мы *оба* добивались для меня, не так ли?

– Это было не так легко, как вы думаете. Пришлось приложить много стараний, чтобы убедить ее. Почти открыто лоббировать. Дейдра вас не любит.

– Я не знаю людей, которых она любит.

– Я смог убедить ее только потому, что ваш заместитель...

– Этот щенок!

– ...как следует разбирается в деятельности вашего департамента. Он лоялен – насколько это возможно в наши дни. «Если бы не Бертингас» – вот ее точные слова в тот момент. Поэтому я бы не давил на нее слишком сильно. Она доверяет вам только потому, что вы не слишком подняли голову, чтобы вызвать ее подозрения. Пока.

– Тогда, коль уж я такой неспособный, я предлагаю вам проделать эту работу и привести Дейдру на сторону Спайла. Или же всем нам в один прекрасный день станет очень плохо.

Регис Салли достиг угла Мартингэйл-авеню и повернул направо. Контролер позади него, не произнеся ни слова, исчез – должно быть, свернул налево. Его шаги затихли в ночи.

«11. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ПОГОНЯ»

– Я *должна* передать эту информацию на базу Джемини, – сказала Мора сразу же, как только ее спина коснулась сиденья маленького красного аэрокара. Мора с трудом сохраняла спокойствие, пока они с Тэдом были в хижине и Тэд разговаривал с Чорой Маасом.

– Когда папуля узнает, что Хайкен Мару не только пыталась похитить меня, но и создает собственный частный военный флот, он прикажет нанести удар прямо с высокой орбиты. Вобьет этот остров – как там его, Батавия? – в самое дно моря. Чтобы они раз и навсегда *зарекались* вооружать торговые суда и воевать с Космическим флотом. Это явное нарушение Пакта. А если даже и не явное, в инструкциях флота должно быть что-нибудь вроде подавления «гражданских беспорядков». Так или иначе, но папуля им *всыплет* !

– Сбавь обороты, – недовольно произнес Тэд. Ее слова, да и все ее поведение злили его.

Он чувствовал себя неудобно.

Он пробежал пальцами по кнопкам пульта, привел машину в стартовую готовность, завел турбину и задал машине максимальную скорость. Когда они загерметизировали кабину и пристегнулись, он приказал ПИРу лететь кратчайшим путем в Мейербер, а сам откинулся на спинку сиденья. Машина резко задрала нос и помчалась на запад.

– Что ты хочешь сказать? Это же чрезвычайные обстоятельства!

– Нет. Пока это только слухи. История, поведенная нам инопланетянином – к тому же представителем расы, не имеющей в данный момент политической поддержки. Я признаю, что у Мааса прекрасный характер. Возможно, он суший праведник. Однако он хочет посорить нас с Хайкен Мару, и это довольно очевидно. Ты и в самом деле хочешь, чтобы мы ринулись вперед не разбирая дороги и покусились на частную собственность только потому, что он в чем-то нас уверял?

– Его утверждения совпадают с полученной Бетти информацией.

– Ты *хочешь* так думать.

– Говорю тебе – они продают боевые корабли губернатору Пауку. Ты спросил его, где обычный торговец возьмет такие корабли. Маас ответил, что они их строят – или, по крайней мере, переоснащают – на своем заводе... А *теперь* ты говоришь, что все это – плод моего богатого воображения? Какие тебе *еще* нужны аргументы?

– Просто... – начал было Бертингас, но перебил себя: – Если поступать по справедливости – *по закону*, – мы должны представить Пакту хоть какие-то доказательства, прежде чем Пакт начнет боевые действия. Кто-нибудь видел эти военные корабли? Кто-нибудь считал, сколько судов пропало? Был ли кто-нибудь атакован?

– Хочешь дожидаться, пока они *не начнут* использовать свои корабли?

– Я дождусь расследования, которое подтвердит состав преступления и сформулирует конкретные обвинения, прежде чем обрушиваться на них «с высокой орбиты». Вы, флотские, смотрите на все с точки зрения Главного центра: вы полагаете, что все происходящее в провинции, здесь, в Скоплениях, является бунтом варваров. Сначала выжечь каленым железом, потом задавать вопросы. Однако Хайкен Мару, несмотря на все ее недостатки, поддерживает и развивает экономику нашего Скопления. Стоит нарушить равновесие *здесь*, и что-нибудь развалится *там*.

– Звучит так, словно ты защищаешь Хайкен Мару после двух покушений. Или трех, считая погром в Чайна-тауне.

– Нет, не защищаю. Просто рассуждаю. Смотрю, кто участвует в этом. Кто агент Хайкен Мару. Кто нейтрален. Кто случайный прохожий. Дейдра Салли вроде бы в этом не замешана, игнорирует все местные склоки, но можно ли в этом быть уверенным? Ее могли окрутить спустя пять минут после приземления на Палаццо – или пятью годами раньше. В такой ситуации начинать расследование против крупнейшего конгломерата четырех Скоплений – дело очень деликатное. Мы должны быть уверены, в какую сторону дует политический ветер.

– Да-а, братец. В таком случае Хайкен Мару запустит в тебя зубы прежде, чем ты пошевелишь хоть одним пальцем.

– Такое может произойти. А любая альтернатива может быть еще хуже. Особенно если мы появимся в Мейербере с обвинительными речами и начнем произносить их не тем людям. К примеру, ты расскажешь все капитану первого ранга Туэйту.

– Ой, – сказала Мора, – я и забыла про него. Мне нужно добраться до базы Джемини без его ведома, так?

– Ты сумеешь это сделать?

– На частной яхте, наверное. У Бетти имеются коды доступа к базе. Есть ли в вашем департаменте курьерские катера, суда обслуживания, почтовые капсулы – что-нибудь в этом роде?

– К сожалению, мы имеем дело только с лазерными лучами и гиперволнами. За всем остальным мы обращаемся к командованию Скопления и просим его доставить людей или

оборудование.

– Знаешь кого-нибудь, у кого есть яхта?

– Конечно. Одна есть у Валенса Элидора. «Аврора»- у губернатора. Не думаю, что они одолжат мне свои яхты на уик-энд, не задавая вопросов.

– Я что-нибудь придумаю.

– Ну, только не начинай делать открытых обвинений. Слушайся меня во всем, что касается Хайкен Мару – о'кей?

– О'кей... Я за пять минут предупрежу тебя, когда соберусь предъявить обвинения. Хорошо?

– За десять минут – минимум.

– Ладно, за семь.

– Договорились.

Они пересекли городскую черту. Воздушный контроль зарегистрировал их аэрокар и указал ему свободный воздушный коридор.

– Что мы будем делать в Мейербере? – спросила Мора. – По-прежнему станем убегать от кого-то и прятаться?

– Нет, это бессмысленно. Сейчас мы отправимся туда, где Хайкен Мару нас вовек не найдет. Но сначала туда надо попасть.

– И где же это?

Вместо ответа Бертингас наклонил нос аэрокара, и машина спикировала к пирамиде Правительственного блока. Аэрокар оказался на уровне посадочной площадки сто двадцать третьего этажа.

– Итак, «улыбка и салют», – приказал Тэд своему ПИРу.

«Правильно, босс!»- и ПИР начал переговоры с системой доступа на площадку.

– Мы собираемся пойти туда? В этой одежде? – запротестовала Мора, отряхивая пыль со штанов. Она запустила руки в волосы, которые последние двадцать четыре часа не видели расчески, и вместо зеркала посмотрелась в какую-то хромированную деталь.

– Ты выглядишь прекрасно, – произнес Тэд, нахально улыбаясь.

Она метнула на него свирепый взгляд, но прихорашиваться кончила.

Они приземлились на узкий выступ и выбрались из машины. Посмотрев вниз, Мора содрогнулась и вцепилась в руку Тэда. Бертингас повел ее к трубе лифта.

На девяносто девятом этаже их встретили Джина Ринальди и Пэтти Фиркин. Джина, как обычно, выглядела спокойной и грациозной, элегантной и выдержанной. «Как новенький скальпель», – пронеслось в голове Бертингаса. По сравнению с ней, Фиркин выглядела ужасно: белая повязка на лбу, левая рука висит на перевязи. Не так уж плохо, учитывая скачку на броне подбитого «дракона», которого она к тому же подбила собственными руками.

– Мора, познакомься, это Джина Ринальди, мой секретарь. С Фиркин ты уже встречалась – и даже отстреливалась вместе с Морой. Джина, это Мора Костюшко, дочь нашего адмирала. Ей нужно привести себя в порядок и найти свежую одежду. У вас у обеих, похоже, один размер одежды... У тебя есть платье и белье, которое ты могла бы ей одолжить?

Джина слегка покраснела – насколько вообще могла изменить свой цвет кожа деоорти.

– Я придумаю что-нибудь, Тэд, – сказала она.

Джина взяла Мору за руку и повела ее прочь, затем обернулась:

– Кстати, к нам начал поступать постоянный поток рекрутов на те две базы, что ты попросил меня организовать. Кому-то надо туда поехать, все проверить и разместить их. Поскольку это твой проект, я назначила тебя добровольцем. И директор сказал, что хочет видеть тебя в ту же минуту, как ты появишься. Он тоже знает, что ты здесь. Тебе надо немедленно идти наверх. Это его приказ.

– Боже мой! Тогда мне нужна свежая форма, бритва и все последние данные. Ты поможешь мне?

– Сначала я помогу леди, сэр, – сладко улыбнулась Джина и повела Мору по коридору.
– А сами вы одеться не можете? – язвительно спросила Фиркин.
– Самому не так интересно, – буркнул он в ответ и направился в свой кабинет. Пэтти последовала за ним. Он обратил внимание, что она еще и хромает.

Через шесть минут он был готов встретиться с Селвином Прейзом. Он поднялся на лифте один, прошел мимо юного цербера из службы охраны и, преодолев Лабиринт, вошел в офис директора. Секретарь Прейза, все еще предположительно человек, объявил о приходе Бертингаса и провел его в кабинет.

Директор Бюро коммуникаций изучал голографическую проекцию на своем столе. Ось диффузора совпадала с углом зрения Тэда, поэтому он различал только бесформенные цветочные пятна, которые могли быть чем угодно, от строительных схем до голых красоток. Прейз с трудом переключил свое внимание, словно на голограмме действительно были красотики. Его глаза, два маленьких черных агата, впились в Бертингаса.

– У меня *все еще* нет. На моем столе. Доклада о мерах безопасности. Подписанного неким Тадеушем Бертингасом. Который числится пропавшим без вести. Здесь. Единственный из всего действующего персонала. Я задаю себе вопрос: на что он тратит свое время? Трахается с помощницами? Вы сами-то знаете это, Бертингас?

– Я был на операции, сэр. Устанавливал связь с теми контактерами, которых вы мне дали, сэр, – насчет рекрутов.

– Вы занимались этим целых два дня? Не сообщив мне ни слова? Чем собираетесь заниматься? – Прейз откашлялся. – Это должно было отнять у вас два часа. Или двадцать минут по световоду.

– Я отправился туда лично.

– Собственной персоной? Очаровательно. Уверен, ваши друзья-инопланетяне оценили... м-м... учтивость подобного шага.

– Они, похоже, не из тех, кто часто пользуется оборудованием для телеконференций.

– Да, это захолустное Скопление... Ну-с, и насколько успешными оказались ваши переговоры?

– К нам начали прибывать первые из полутора тысяч инопланетян разных рас. Большой недобор. Запланированных трех тысяч не будет. Этих рекрутов направил к нам ваш контактер Гланвилль, который и в самом деле очень странная...

– Полторы ты... И это *все*? А как же Маас?

– Он выслушал идею без энтузиазма. Он, кажется, не уверен в нашей искренности по отношению к инопланетянам. Он просит подать ему «знак».

– Какой такой «знак»?

– Он... э-э... не сказал. Сказал не очень определенно.

Ну а теперь, спросил себя Бертингас, почему он не смог сказать Селвину Прейзу о военном флоте Хайкен Мару, о Батавии, о требовании Мааса атаковать их завод? И еще, кстати: почему он, Тэд, молчит о том факте, что Маас, лично к которому его направил Прейз, является цернианином – представителем той самой расы, которой Прейз лично и категорически запретил участвовать в этом проекте?

Ответом на оба эти вопроса было то, что из всего населения Мейербера меньше всего Тэд доверял новому директору Бюро коммуникаций. Его внутренний радар не мог просветить этого человека. Да к тому же от Селвина Прейза просто воняло тайными альянсами и полуночными обещаниями.

– ...ладно, тогда что-нибудь придумайте, – говорил тем временем Прейз. – Хотя должен сказать, я разочарован. Я послал вас набрать тысячи, вы вернулись только с сотнями.

– Это так, сэр, но эти сотни уже прибывают в тренировочные лагеря, пока мы с вами здесь разговариваем. Количество личного состава растет. В любом случае мы бы не смогли справиться с тысячами новобранцев прямо сейчас. Готовность баз не позволяет.

– Хм... Так говорите... – Прейз изучал поверхность стола. – Ладно. Пускай. Я пересмотрел предыдущую оценку требуемого нам персонала. Нам необходимо иметь

тридцать тысяч вооруженных бойцов через две недели.

Он поднял глаза на Бертингаса, в них стоял вызов, они почти сверкали.

«Тридцать тыс...? Да это невозможно! Это в два раза больше, чем количество всех войск в Скоплении, – подумал Тэд. – Настоящая частная армия».

– Вы раздаете заманчивые обещания? – спросил Прейз.

– Даже более чем заманчивые. Не думаю, что смогу выполнить некоторые из них.

– Так и продолжайте. Добывайте бойцов. Тренируйте их.

– Можно спросить, в чем причина такой спешки?

– Нельзя. Но между нами: мы находимся на краю кризисной ситуации. Смерть Высокого секретаря привела в действие силы, которые не остановить, кроме как при помощи вооруженного отпора... Если вас кто-нибудь спросит – так и отвечайте.

– Понимаю.

– Вы *не* понимаете. Я ничего *не* говорил. Тем не менее вы *покинете* этот кабинет, Бертингас, с пониманием настоятельной необходимости иметь для департамента обученные войска. Не так ли?

– Так точно, сэр.

– И вы немедленно отправитесь инспектировать эти ваши базы в... – Прейз остановился и посмотрел на голографическую проекцию, – в Карнской впадине, в предгорьях. Вы начнете обучать ваших новобранцев. Так?

– Разумеется, сэр.

Прейз выждал три секунды – сердце его трижды ударило, потом поднял глаза на Бертингаса.

– Так, а что вы еще здесь делаете? Шевелитесь!

– Слушаюсь, сэр. – Тэд кивнул, щелкнул каблуками, повернулся и бодро промаршировал к двери.

Бертингас не успел еще шагнуть в пустоту лифта, как начал задавать себе вопросы. Что означает это шоу, которое представил ему Прейз? Директор сначала подверг сомнению количество рекрутов, но при этом он знал наименование их первой базы в Карнской впадине. Что вообще происходит?..

Мора ждала его в фойе. На ней было узкое платье, доходящее до лодыжек. Крошечные серебряные чешуйки были нашиты на красновато-коричневый сатин. Мора сделала пируэт и спросила:

– Ну и как?

Платье вряд ли шло к ее светлым волосам и бледной коже, не говоря уже о времени дня. Тэд узнал это платье. Он знал, *кому шили* эти цвета и переливы. Действительно ли это была единственная одежда, которую Джина смогла найти для их гостей? Или Джина таким образом делала ему тонкий намек?

– Выглядит чудесно. Но мы собираемся отправиться...

– Куда?

– В предгорья. Встречать первые отряды Гланвилля.

– Тогда оно подойдет превосходно! Джина обо всем подумала.

– Что?.. Да это же вечернее платье! Возможно, для званого ужина оно и сгодится, но...

– Платье сделано из пластинчатой брони, твердость 58 по колонке Ц шкалы Рокуэлла, со сверхпроводящим чехлом и прессованной подкладкой. Ты можешь в упор выстрелить в меня из «шлихтера», останется лишь синяк. А сверхпроводящий чехол поглощает заряд поля высокого напряжения. Это платье выдержит почти все – кроме прямого удара плазмы.

– Плохо, что нет капюшона на голову.

– Закатан в воротник, – сказала Мора и продемонстрировала ему капюшон. – Пэтти хотела бы, чтобы нашлось такое и для тебя.

– Не мой цвет. Кстати, а где Пэтти?

– Что-то там проверяет. А, вот и она. – Мора заговорила громче, обращаясь к Фиркин, которая приближалась к ним. – Тэд говорит, мы поедем в предгорья.

– На тренировочную базу, наверно? – проворчала полковник.
– Туда, – кивнул Тэд. – Как вы узнали?
– Это известно всему этажу. Встали на тропу войны, как заметил кто-то. К тому же это сказал совершенно незнакомый человек. В отхожем месте. Если этой вашей армии следует быть секретом для всех, то ваши меры безопасности ни к черту не годятся.
– Секретом? Ну, полагаю, это так...
– Вы не знаете?
– Директор этого не упоминал.
– О, великая Тримурти! – вздохнула Фиркин.
– Когда мы отправляемся? – спросила Мора.
– Немедленно, – ответил он. – Пойду скажу Джине.
– Она ушла, – произнесла Фиркин.
– Куда?
– Просто ушла. Не сказала. Счастливой тоже не выглядела.
– Почему мы так спешим? – поинтересовалась Мора. – Мы только что сюда попали, и у тебя – у нас обоих – есть дело, которое надо обсудить, если ты помнишь. – Она подмигнула.
– А может, и с твоим директором, если сейчас время...

– Нет, – резко оборвал ее Тэд. – Сейчас *не* время беспокоить Селвина Прейза.
– Прейз приказал провести эту инспекцию? – быстро спросила Фиркин.
– Да.
– Он в самом деле не дает вам передышки. Держит вне офиса – сколько? Уже два дня – под тем или иным предлогом. Интересно, что он пытается скрыть от вас?

Бертингас посмотрел на нее, слегка качнул головой, но ничего не сказал. Чтобы его намек сделался более понятным, он провел глазами по всем четырем стенам, вверх и вниз по трубе лифта.

Фиркин прикрыла глаза.
– Правильно. Безопасность. Хорошо, а как мы доберемся до предгорий?
– Машина ждет. – Он постучал по ПИРу у себя на поясе.
– Не эта красная малышка, что мы купили? – спросила Мора. Неосознанным движением она разгладила платье на бедрах, явно вспомнив высокие пороги машины. А может, просто подумала о несочетании цвета с ее обновкой.

– Нет. Я распорядился подать минивэн. Он достаточно вместителен для всех нас. Пойдем? – Он посторонился, пропуская их в трубу лифта.

Мора Костюшко вытянула носки, как гимнастка, и поднималась, напоминая серебряную стрелу. Фиркин следовала за ней, носки сапог она держала свободно. Тэд поднимался последним.

В просторном черном аэрокаре Бюро, который парил чуть позади взлетного коридора посадочной площадки, Бертингас соединил ПИР с компьютером минивэна и задал координаты Карнской впадины. Машина развернулась и немедленно стартовала на север.

«Тебе известно, как далеко мы летим, босс?» – спросил его ПИР.

– За город, в...

«До места две тысячи двести девяносто восемь километров».

– Вот и прекрасно! Примерно девять часов лета – достаточно времени, чтобы пообедать и немного вздремнуть. Я последние дни что-то не высыпаюсь. Значит, до базы мы доберемся примерно в два часа пополуночи, и...

«В два часа? Вот еще, – сказал ПИР. – Дальность полета этой колымаги около полутора тысяч километров, с полными внутренними баками и с дополнительными баками на внешней подвеске. Которых у нас нет. Нам придется провести ночь в лесу».

– Ночь в лесу? – воскликнул Бертингас.

Фиркин выставила челюсть вперед.

«Ринальди приказала установить на пути заправочный пункт».

– Так дай этой чертовой штуковине его координаты, – устало произнес Тэд. – А мы

пока отдохнем.

Жужжание пропеллеров убаюкало его задолго до того, как был подан заготовленный загодя обед. Тэд проспал дозаправку и не открывал глаз, пока машина не начала заходить на посадку над базой в Карнской впадине. Вокруг было совершенно темно, ночь освещали только звезды.

Судя по огням и бакенам, тренировочный лагерь по форме представлял собой пятиугольник: пять клиньев разделяли широкие проходы, освещенные зеленым светом натриевых светильников. Взлетная полоса находилась в центре, вокруг нее была земляная насыпь – чтобы укрыть машины в наиболее опасные моменты взлета и посадки от огня снайперов и гранатометчиков. Это была хорошая конфигурация для мер безопасности военного времени – если не считать того, что войны в данный момент не было и это означало только, что тяжелые автобусы, прибывающие с разных направлений, громыхали у всех над головой день и ночь.

На земле Бертингаса и женщин встретил высокий сатир с седыми бакенбардами. На его камуфляжном жилете блестели сержантские нашивки. Сержант сообщил, что для вновь прибывших выделен офицерский модуль, и повел их по улице, которую называли просто – А2. Даже при странном искусственном свете Тэд увидел, что поверхность дороги не была покрыта типичной для военных лагерей смесью асфальта и гравия или каким-нибудь другим известным ему составом. Она походила на расплавленный шлак. Может быть, инженеры использовали какой-то пластик перед заливкой.

Он спросил об этом у сержанта.

– Нет, сэр. Не было времени заливать здесь грунт. Мисс Ринальди выпросила у каких-то знакомых эсминцев, и он просто завис над площадкой, выставил главный калибр и дал шесть залпов плазмой по взлетной полосе. Потом он вырубил радиальные проходы – по три залпа на каждый под нужным углом. На стыках поверхность слегка неровная. Да, весной будут проблемы с сорняками в трещинах – если мы еще будем тут весной. Но в целом эсминец с задачей справился.

Бертингас заметил, что здания за светильниками были не просто временными – они были надувными. К надутым резиновым трубам и лентам крепились листы пенокерамики. Даже полы были настелены на пневматические подушки и пружинили при ходьбе.

Тэду и глаз не удалось сомкнуть: мешал занудный рев транспортных самолетов и шум компрессоров в здании. От момента, когда они прилетели на базу, до утренней побудки прошло три тоскливых часа.

Тот же самый сержант-сатир встретил их, когда они все трое вышли, спотыкаясь, из дверей модуля. Мора нашла какой-то комбинезон военного образца и спрятала подальше свое кричащее платье. Только Фиркин выглядела спокойной и уверенной.

– Мисс Ринальди звонила, – сказал ему сатир. – Она сказала, что вы захотите проверить отряды рано утром, сэр.

– Как насчет завтрака?

– Новобранцы построены, сэр.

– Ну а кофе? Хотя бы?

– После, сэр. Мы вас покормим. – Остролицый инопланетянин улыбнулся.

Взлетная полоса служила также и парадным плацем. Почти две тысячи солдат стояли не совсем ровными шеренгами. Тэд ожидал, что они будут сгруппированы по расам, но по какому-то древнему и невразумительному военному обычаю новобранцев выстроили по росту.

В самом хвосте строя, с той стороны, откуда Бертингас со своими спутниками приблизился к войскам, стояли гиблисы и коуру. Первые уверенно держались на своих трехпалых ногах, по выставленным наружу полуметровым клыкам гиблисов сочилась слюна. Рядом с ними робкие коуру словно исполняли какой-то танец – даже когда им приказано стоять по стойке «смирно». Коуру не сводили своих крошечных глаз с клыков гиблисов.

На другом конце строя, в задних шеренгах, толкалась группа длинношеих фулонгов,

пытавшихся сбиться в стадо. Существа этой расы лучше всего действовали в группе, потому что обладали телепатическими способностями. Как отряд, они могли легко дать сто очков вперед любому подразделению людей или инопланетян, но как отдельные солдаты, без связи со своими товарищами, они впадали в состояние почти что ступора.

– На что мне полагается обратить внимание? – шепотом спросил Бертингас у Фиркин.

– Проверьте оружие, – также шепотом ответила она. – Любая небрежность – грязь, пятна масла, низкий заряд батарей, остатки консерванта, – и вы хлопаете ладонью по плечу солдата. Если у него есть плечо. Тогда рядом с шеей. И... э-э... помягче с гиблисами. У них довольно быстрая реакция. Сержант займется дисциплиной позже. Во всяком случае, проблем быть не должно. Оружие только что со склада и слишком новое, чтобы его успели раскурочить.

Тэд пошел вдоль рядов. Он смотрел стволы пульсаторов на просвет и щелкал механизмами перезарядки. Он отворачивал подворотнички, проверяя чистоту, и рассматривал рисунки свеженаколотых татуировок. Он всматривался в надраенные сапоги и копытные чехлы. Иногда, больше ради порядка, он указывал на подлинные или мнимые упущения – просто чтобы его новоиспеченному войску служба не казалась раем. Никто, однако, не пытался протестовать или спорить с ним.

Под конец он даже стал наслаждаться этим смотром.

– Что дальше? – спросил он у сержанта.

– Здания и склады, сэр.

– Отлично. Ведите.

Так они проинспектировали здания и склады. Тэд нажимал кнопки компьютеров, давая ПИРу возможность расспросить системы об их состоянии, проводил пальцем по кухонной утвари, разглядывал опечатанную технику, совал нос в бадьи и мешки, подписывал квитанции. Он даже ухитрился заполучить свою чашку кофе, снимая пробу на кухне.

Потом они прошли на импровизированное стрельбище и смотрели, как новобранцы всаживают стеклянные шарики, стальные пули и электрические заряды в голографические мишени. Несмотря на всю их внешнюю свирепость, гиблисы оказались паршивыми стрелками – сказывалось плохое зрение и рассеянное внимание. А коуру постоянно ерзали, им никак не удавалось держать оружие неподвижно. Но вот фулонги, если дать им две минуты посоветоваться и похлопать друг друга по плечу, доказали, что могут нанести самое настоящее опустошение во вражеских рядах. Они целились и стреляли, как единое существо. Они напоминали Тэду солдат из прочитанных им исторических романов: британские красные мундиры, выстроившиеся в шеренги – первая стреляла с колена, вторая стреляла стоя, третья и четвертая заряжали.

Он почувствовал, что воспрял духом. Очень может быть, что превосходно вооруженный отборный отряд инопланетян станет большой поддержкой в надвигающемся кризисе.

К десяти утра Бертингас проверил все, что только было возможно. Мора, которая, вероятно, сопровождала своего отца в сотнях подобных инспекций, переступала с ноги на ногу. Сержант явно устал, и даже Фиркин, казалось, заскучала.

– Это все?

– Так точно, сэр, все, – подтвердил сатир.

– Тогда почему бы нам не вызвать машину и не отправиться обратно в Мейербер?

Они поднялись в воздух. Бертингас подсоединил свой ПИР к пульту управления и с протяжным вздохом рухнул в кресло.

– Это инспектирование – работка не из легких, – сказал он Пэтти.

– Точно, – усмехнулась та.

Сейчас, при дневном свете, Бертингас наконец-то мог видеть, что это за местность, над которой они пролетали. Он любил горы. С высоты Бертингас видел гранитные кряжи, лесистые ущелья – похоже, эти леса еловые. Он знал, что почва тут – темный суглинок с толстым ковром иголок. Время от времени внизу, на альпийских лугах, ярко вспыхивали

оранжевые цветы, которые в это время года росли сплошным ковром. В долинах Бертингас мог разглядеть даже рожицы деревьев с белой корой, напоминающих березы. Это была хорошая местность. Чистый воздух. Вкусная вода. Холодные ночи.

«К нам гости, босс, – внезапно произнес ПИР. – Три машины, большие, на векторе сближения позади нас».

– Вы что-нибудь затевали? – повернулся Бертингас к Фиркин.

– Насколько мне известно, никто ничего не затевал.

– Как насчет Халана?

– Он сказал, что я работаю в одиночку.

– Думаете, это неприятель?

– Что ж, вполне вероятно, – вступила в разговор Мора, – в свете недавней истории.

– Какое у нас есть оружие? – спросил Бертингас у ПИРа.

«Ты что, шутишь? Это офисная машина, оборудованная для посещения посольств. У меня шампанское в холодильнике и креветки во льду, и под твоим сиденьем ящик с поздравительными открытками на все случаи жизни. Может, ты захочешь написать кому-нибудь приглашение».

– Сарказм отставить. Какой у нас выбор?

«Немедленная капитуляция», – ответил прибор.

– Ты сказал, тяжелые машины, – наклонилась вперед Фиркин. – Бронетранспортеры?

«Судя по всему, да», – сказал ПИР.

– Что ж, прибавим скорость. Мы сумеем от них оторваться?

– Стоит попробовать, – вставила Мора.

«Возможно, и сумеем, если выбросим шатер и посуду для пикника», – отозвалась машина.

Тэду пришла в голову неплохая идея.

– Сколько до них? – спросил он.

«Сто десять километров».

– Это выходит за пределы радиуса действия твоего радара.

«Мне дал знать дружественный компьютер из Спутникового контроля этого полушария. Кто-то же должен присматривать за мной. Это необходимо в подобном деле, босс».

– И эти бронетранспортеры нашли нас с помощью того же Спутникового контроля? Может, им помог тот же самый компьютер?

«Ум-м... – Да где его ПИР подцеплял все *эти* слова-паразиты?! – Может быть, босс».

– Значит, судя по всему, пока их радары нас не засекали.

«Во всяком случае, я этого не чувствую», – согласился ПИР.

– Хорошо. Мора, Пэтти, под вашими сиденьями находятся спасательные устройства. Я переверну машину и выпущу вас обеих. Вы упадете на двести метров, а *потом* выпустите хвосты и дадите полный разряд. Наши друзья еще не смогут запеленговать вас. Опуститесь в гущу деревьев. Подождите часок, пока весь этот собачий цирк не улетит подальше. Затем включите спасательные маяки. Отряд из Карнской впадины подберет вас, и через два часа вы будете на базе.

– Ты хочешь, чтобы мы *прыгнули*? – изумленно спросила Мора. – На деревья?

– А вы? – поинтересовалась Фиркин.

– У меня есть еще два-три туза в рукаве.

– Но Фоллард ясно сказал, что...

– Халана сейчас здесь нет. Вы должны прыгнуть вместе с Морой. У нее важная информация, касающаяся судьбы Пакта. Я хочу, чтобы вы помогли ей, защитили ее и проследили, чтобы она передала эту информацию в нужные руки. Ясно?

– Ну...

– Выполняйте, полковник.

Тэд перешел на ручное управление и перевернул машину, что, как он знал, не отразится

на экранах радаров их преследователей – если за ними вообще следили. Обе женщины надели электростатические спасательные устройства. Мора похлопала по своему ПИРу флотского образца, Бетти, и проверила надежность крепления. Тэд нажал на кнопку, и крыша машины отошла в сторону. Открылся люк. Пэтти и Мора отстегнули ремни и выпали из машины в свистящий поток воздуха.

Когда аэрокар вернулся в нормальное положение, Тэд настроил хвостовые камеры и смотрел на Пэтти и Мору, пока не заработали предательские голубые разряды высокого напряжения, отчетливо видимые на большом расстоянии. Один, затем второй – в точное время, на правильной высоте. Чисто исполненный прыжок.

Так, что теперь? Продолжать двигаться с той же скоростью и в том же направлении, как если бы он ни о чем не подозревал. Пусть преследователи появятся на экране его радара. Тут он включит максимальную скорость, как будто он испуган и запаниковал.

Что потом?

«Потом будем импровизировать», – подумал Тэд.

Он вел машину, просто чтобы занять себя чем-нибудь, и поступил, как и планировал. Когда три бронетранспортера появились на экране и компьютер подал звуковой сигнал, он подождал три или четыре секунды, как если бы пытался разобраться в ситуации. Затем он нажал до отказа на педали и стал менять высоту, словно пикировал и искал укрытия среди гранитных кряжей. Скорость машины возросла до 350 километров в час.

Транспортеры двигались гораздо быстрее. Внезапно они приблизились так близко, что появились на экране визуального обзора. Минивэн Тэда никогда бы не смог убежать от них.

Наконец он увидел справа одного из преследователей. Черное пятнышко плавно опустилось сверху на ту же высоту, на которой летел он. Оно двигалось параллельно его курсу. Пятнышко стало приближаться, вырастать в размерах, сначала стало похожим на муху, затем на жука. Это был большой аппарат, длиной метров пятьдесят, и очень широкий. Судя по всему, бронетранспортер имел просторную кабину и высокий центр тяжести. Грубая, словно кора дерева, обшивка машины была покрыта теплозащитной керамикой. В носовой части бронетранспортера находилась орудийная башенка с 90 – миллиметровой пушкой. Ствол ее был повернут в сторону машины Тэда.

Он держал радио включенным, но пока его никто не окликал.

Два других бронетранспортера, похоже, держались далеко позади. Но где и как далеко? Оружия у Тэда не было.

Ну, кое-что все-таки у него имелось.

Первая машина приблизилась уже на несколько сотен метров, и дистанция медленно сокращалась.

Пускай приближается.

Что они думают по поводу отсутствующей крыши? Может, подозревают, что кто-то выпрыгнул? Пускай. Через несколько секунд не будет иметь значения, что им известно.

Пятьдесят метров. Тэд покрепче ухватился внезапно вспотевшими руками за ручку управления.

«Ты что-то задумал», – укоризненно сказал ПИР.

– Конечно.

Двадцать метров. Они что, собираются взять его на *абордаж*? Они что, и в самом деле думают, что он будет поддерживать постоянный курс, пока два или три вооруженных бандита прыгнут к нему в машину? И значит ли это, что они хотят захватить его живым?

Десять метров. Пора действовать.

Тэд резко повернул штурвал, потом еще раз повернул, еще... Его машина подскочила в потоке воздуха, словно прыгающий по поверхности воды камень: левая сторона вверх, правая сторона вниз, затем наоборот – правая сторона вверх, левая сторона вниз. Этот маневр поднял вверх его правый бампер, который с силой ударился в брюхо бронетранспортера.

При той скорости и высоте, на которой они летели, времени выправить машину совсем

не оставалось. Аэрокар противника опрокинулся вверх дном и стал похож на перевернутую черепашу. Пилот не успел отреагировать, и пропеллеры бронетранспортера придали ему дополнительное ускорение вниз. Пилот отчаянно пытался выправить машину, когда на его пути вырос гигантский утес. Пламени было на удивление мало, всего одна оранжевая вспышка, затем вниз посыпались обломки.

Тэд летел, повторяя контур местности, и оглядывался через плечо в поисках двух оставшихся машин. Второй раз этот трюк не сработает. Когда остальные бронетранспортеры нагонят его-машину, они, вероятнее всего, просто собьют ее.

– Что ж, старина...

Бертингас начал вспоминать, что же он записывал в память ПИРа. Там были адреса его знакомых и коды доступа к «Сундуку привидений», в основном относящиеся к служебным делам; заметки, сделанные на совещаниях последних двух месяцев – очень скучные были совещания; некоторые планы нового строительства; наброски по созданию сил самообороны – хотя ПИР Джины имеет уже более детальную картину; прикидки бюджета на будущий год. Он решил, что в общем ПИР не содержал ничего такого, что не было бы записано на запасных копиях или чего он не мог себе позволить потерять.

«Да, босс?» – спросил ПИР.

Бертингас одной рукой начал надевать на себя спасательный комплект.

– Я хочу, чтобы ты взял управление на себя.

Устройство сделало, как ему было приказано. Без дополнительных указаний оно продолжало тот же тип полета – перепрыгивать через низкие холмы и идти зигзагом между горными кряжами. Сообразительная машина.

Бертингас быстро защелкнул последние пряжки и проверил уровень заряда. Он активировал пиропатроны лобовой части крыши и положил руку на рычаг катапульты.

– Продолжай лететь так и дальше. Снижайся за холмами. Когда мы окажемся вне видимости хотя бы на минуту, я прыгну.

«Кто будет вести машину? То есть когда ты меня отсоединишь и возьмешь с собой».

– Я не собираюсь тебя отсоединять. Ты должен лететь тем же самым манером, чтобы наши друзья позади думали, что я все еще на борту.

«О... – ПИР сделал паузу в несколько секунд – примерно пять лет размышлений в реальном времени для человека. – Что они сделают, когда нагонят аэрокар?»

– Тебе? Ничего. Они тебя, скорее всего, даже и не заметят. А когда машину найдут и доставят в Правительственный блок, я тебя заберу.

«Это хорошо. Минуту назад я было подумал, что ты собираешься меня бросить».

– Я этого не сделаю. – Что стоит солгать машине? – Вон та невысокая гора впереди. Обойди ее на низкой высоте вдоль западного склона, и я прыгаю.

«Будет сделано, босс».

В последнюю минуту Тэд передумал сдвигать оставшуюся часть крыши. Вместо этого он перебрался в хвостовую часть салона и встал под дырой, через которую выпрыгнули Мора и Пэтти. Аэрокар летел в нормальном положении, и ему пришлось подтянуться, чтобы выбраться наверх. Его толкал поток воздуха, он наклонился, сделал три шага к краю машины и бросился вниз головой. Он еще не успел полностью отделиться от машины, как дернул за кольцо. «Хвост» рванулся вверх, раздался треск электрического разряда.

До крутого, покрытого гравием склона было не более сотни метров. Тэд расслабил мускулы, сгруппировался, ударился о землю плечом и покатился вниз. «Хвост» продолжал стрелять голубыми разрядами, замедляя скорость, пока Тэд катился между деревьями.

Что именно увидят его преследователи с расстояния в полкилометра?

Они заметят последние проблески разрядов «хвоста». Они заметят – а скорее всего, пропустят – пятнышко на склоне, которое может быть человеком, или оленем, или просто валуном. Аэрокар все еще будет лететь впереди них, петляя среди скал. Пилотам и наблюдателям потребуется сверхчеловеческая реакция и сообразительность, чтобы понять, что же они видели, вычислить, что именно он проделал, прекратить преследование и

повернуть назад, чтобы на бреющем полете отыскать Тэда между деревьев.

Нет, психология погони работала на Тэда. Теория вероятности подсказывала ему, что преследователи будут гнаться за основной целью и не повернут назад.

А после того, как они собьют аэрокар? Полетят ли они домой, чтобы доложить о выполнении задания? Или вспомнят вспышку, пятнышко и свои подозрения?

Конечно, они вернутся. Вероятно, минут через пять. Может быть, через десять. Бронетранспортеры зависнут над склоном и высадят поисковую партию. Сами машины не сядут на склон, он слишком крут для этого, поэтому отряд не понесет тяжелой оснастки. Полномасштабной охоты не получится. Если только они не пролетят до долины и не найдут подходящей полянки. На это, однако, тоже потребуется время.

Размышляя так, Тэд снял спасательный комплект и отбросил его как можно дальше вниз по склону, в гущу кустарника. Он вытащил из карманов все металлические предметы – мелкие монеты, самописки, часы, перочинный нож – и разбросал их по разным направлениям. У охотников будут металлоискатели и резонансные детекторы.

Но – стоп! В его одежде полным-полно металла – кнопки и молнии, серебряная фольга аксельбантов, набойки на каблуках. Он разделся и разбросал одежду таким же образом, не оставив на себе ничего, кроме белья. Оно представляло собой обтягивающее трико из термоизолирующей монокристаллической ткани, абсолютно безо всякого металла, а его резонансный спектр приближался к частотам его собственного тела.

Однако в этом и заключалась проблема. Без внешнего слоя одежды его белье не будет удерживать тепло. Ночная температура на этой широте опускалась до нуля градусов по Цельсию – да еще в горах, да еще в это время года...

Преследователи к тому же будут иметь инфракрасные детекторы, почти наверняка выслеживая его по температуре тела. Однако из опыта туриста Тэд знал, что эти места изобиловали крупной фауной, сплошь теплокровной, которая излучала тепло сильнее, чем нагретые солнцем валуны. Детекторы дадут больше ложных целей, чем истинных. Пускай половина охотников преследует голодного вампита, рыскающего в поисках добычи. Тэд надеялся, что они найдут этого вампита раньше, чем вампит найдет его самого.

Он быстро двинулся вниз по склону, стараясь как можно скорее забраться в чашу леса. Его ноги сами пошли полусагом-полутрусцой, который он выработал за годы походов по лесам и который, как он знал, быстро увеличит расстояние, одновременно экономя силы. Тэд начал обдумывать ситуацию.

Он находился на расстоянии шестисот – семисот километров от чего угодно в любом направлении. Он был безоружным и практически голым. И через каких-то сотню ударов сердца здесь появится десяток-другой злых мужиков и будет пытаться убить его.

Единственная радость – если в данном случае это можно назвать радостью, – что он шел по холмам, которые любил. Он уже три месяца мечтал провести отпуск в этих горах. Пора отдохнуть от нудной работы в офисе. Время подышать чистым горным воздухом. Просто в этом году отпуск подвернулся пораньше.

Перейдя с трусцы на прогулочный шаг, Бертингас начал негромко посвистывать.

«12. ХИЛДРЕД САМУЭЛЬС: ПОД ОГНЕМ»

Самуэльс все время напрягал слух, пытаясь услышать эхо. Замкнутое пространство, в котором парковались и ремонтировались корабли эскадры базы Джемини, было достаточно велико – три тысячи метров диаметром, – но атмосфера в нем отсутствовала. Конечно, если заполнить это пространство воздухом, то работать с кораблями было бы легче. Все корабли, небольшие, чтобы они могли втиснуться в доки, проектировались и строились для посадок на планеты с атмосферой. Небольшое давление воздуха упростило бы процедуру открытия люков доступа и обслуживание механизмов, проверку трубопроводов, окраску и прочие работы, которые сподручнее выполнять без неуклюжих скафандровых перчаток.

Но разумеется, даже Космический флот Пакта не мог позволить себе роскошь

заполнить нормальной атмосферой емкость объемом в четырнадцать миллиардов кубических метров.

Было бы лучше – это, конечно, не оптимальный вариант, но тоже вполне приемлемый, – если бы можно было создать в ремонтных цехах настоящий глубокий вакуум. Чистое «ничто», прямая противоположность давлению. Но даже это стоило слишком дорого.

Поэтому искры и дым электросварки, утечка воздуха из-под силовых полей и из шлюзов, испарение красок и растворителей, протечка систем поддержки жизнедеятельности и санитарных систем кораблей – все это было самой обычной вещью и создавало внутри огромного ангара легкий туман. Каждый час или два Самуэльсу приходилось протирать стекло гермошлема, размазывая грязь и пачкая перчатки. Все это напоминало работу в туалете.

Конечно, капитану первого ранга и адмиральскому адъютанту не пристало тянуть лямку в доке. Но Самуэльсу хотелось лично побеседовать с капитаном первого ранга Беннингтоном, который командовал транспортом третьего цикла и занимался снабжением. Следующим портом Беннингтона будет Палаццо, и Самуэльс хотел дать ему неофициальное поручение – чтобы тот частным образом искал на планете Мору Костюшко. Прошло уже пять дней, как она не давала о себе знать.

Самуэльс очень хотел, чтобы Беннингтон проверил связь между исчезновением Моря и арахнитами – на что намекал посланник Спайла. Хилдред Самуэльс начал подозревать, что на Палаццо происходит нечто скверное.

– Не передайте мне измеритель величины поля, капитан первого ранга?

Облаченная в перчатку скафандра лапа с шестью прямыми пальцами и двумя отставленными в сторону и согнутыми вынырнула откуда-то изнутри разобранного инвертора массы. Когда Самуэльс замешкался на две секунды в поисках инструмента, все восемь пальцев нетерпеливо зашевелились.

– Благодарю вас, сэр, – произнес механик, когда Самуэльс наконец нашел и передал ему прибор. Почти на границе неуважения к старшему по званию.

Липкий смог доковой камеры, казалось, не особо влиял на настроение маленьких капуцинцев ремонтной бригады. Они и так были постоянно раздражены.

Капуцинцы не переставали удивлять Самуэльса. Кроме восьмипалых рук, во всем остальном они являлись точной копией земного вида обезьян-капуцинов. Длинные красноватые волосы, почти шерсть, покрывали маленькие гибкие тела. Капуцинцы имели цепкий хвост и плоские лица, покрытые бородой и пучками черной или серой шерсти. Проворные руки и подвижность обитателей древесных крон превосходно подходили для работы в узком пространстве с переменной гравитацией.

Они вполне могли быть предками обезьян, живших в давно исчезнувших лесах Амазонии, только их родная планета располагалась на расстоянии четырех тысяч световых лет от Земли. Сходство с земными обезьянами было настолько велико, что ученые бегали кругами, изобретая новые теории конвергенции эволюции и называя протеиновые белки космического происхождения единым источником жизни на всех планетах.

Разумеется, существовали и отличия – в основном в области психологии. Поведение капуцинцев не было социально ориентированным, безо всякого намека на поведение обезьяньего стада. Каждый капуцинец был закоренелым индивидуалистом: подозрительным, ершистым, с чувством собственного превосходства над окружающими.

И капуцинцы были гораздо смысленей, чем люди. Специально придуманные тесты показывали, что даже самый тугодумный из капуцинцев, работавших на Пакт, обладал коэффициентом умственного развития, превышающим двести. Такой показатель среди людей имели только гении. Самые умные выбивались за пределы шкалы, и невозможно было подсчитать их коэффициенты. Но все их способности находились в интеллектуальной сфере: хорошая память, понятливость, способность к операциям с числами, организованность. А вот что касается творчества, социального поведения и взаимодействия или области эмпирических озарений – тут они выглядели полудиотами. Капуцинцы становились

прекрасными математиками, клерками или механиками – но и это все.

Если бы их социальная жизнь и творческие импульсы развивались в согласии с их врожденным интеллектом, то капуцинцы давно бы покорили гиперпространство, основали собственные звездные Скопления, воевали бы и рано или поздно создали бы собственный Пакт. Вместо людей.

Или же, уступая требованиям социального порядка – точнее, обуздывая непредсказуемых гениев, их общество низвело бы выдающихся интеллектуалов-капуцинцев до среднего уровня, и они бы стали не более яркими в психологическом отношении, чем обычные люди.

И все же несмотря на почти неприкрытое презрение, которое ему выказывали капуцинцы, Самуэльс был рад, что именно они ремонтировали крейсер «Донлайт». Сдохший инвертор массы требовал для своего ремонта специалистов, способных решать в уме трансцендентальные уравнения и имеющих восемь пальцев на каждой руке.

Принцип работы инвертора массы по своей сути был прост. Инвертор ликвидировал огромные объемы пустого пространства внутри и между атомами. Что бы ни находилось в пределах сферы действия инвертора, оно мгновенно сжималось и сохраняло все свои пропорции. Эта искусственно сконцентрированная масса проталкивалась сквозь тонкую структуру вакуума в другую часть гиперпространства. Звезды и планеты, образующие Скопления Пакта, находились рядом не в реальном пространстве, а в смежных складках гиперпространства.

Это все было понятно. Главная трудность заключалась в искажении поля сжатия таким образом, чтобы пилот мог предсказать, в какую область гиперпространства направляется корабль. Когда нарушалась синхронность работы искривителей, инвертор попадал в область непредсказуемости и переставал работать. Вышедший таким образом из строя «Донлайт» мог включать собственные планетарные двигатели и даже мог прогуляться по системе Кали – вокруг обеих планет. Но отправиться куда-нибудь дальше он не мог.

Капуцинец высунул голову, абсурдно маленькую по человеческим стандартам, из главной камеры инвертора. Гермошлем, как и у остальных представителей его вида, был полностью прозрачным со всех сторон, так что ему не надо было разворачиваться всем телом, чтобы посмотреть вбок. Очень удобно, если работаешь в какой-нибудь щели.

– Я не могу исправить эту штуку, – сердито бросил капуцинец.

– Что с ним такое?

– Вы не поймете, капитан.

– А вы скажите – может, и пойму.

– Ладно. Перекрытие функции тета должно быть трехфазным на шестидесяти градусах, за исключением того, что лямбда удерживает нерегулярность на двух каналах. Пока понимаете?

– Конечно.

– Нерегулярная полоса частот, нерегулярная фазировка, поэтому мы не можем держать шестьдесят, как положено.

– Вы знаете, что вмешивается в лямбду?

– Разумеется, знаю.

– И что же это?

– Время.

– О!..

Капуцинец нарочно говорил загадками. Вероятно, это означало, что он и сам не знает, в чем причина поломки. Самуэльсу было известно о непомерном тщеславии капуцинцев, и он не настаивал на том, чтобы они признавались в своей ошибке или в незнании. Они были вспыльчивы и могли укусить, когда их выводили из себя. И были достаточно злопамятны, чтобы дожидаться, когда можно будет снять шлем и затем укусить.

– Вон ваш транспорт снабжения, капитан. – Капуцинец махнул рукой в сторону темных очертаний «Салмо Иридиума», который как раз входил в ангар. – Почему бы вам не пойти

покалякать с Беннингтоном и не перестать торчать за моей спиной?

– И то правильно, – улыбнулся Самуэльс, старательно обнажив при этом зубы. – И почему бы вам при этом не спуститься вниз и не починить эту штуковину? «Время!» С каких это пор числительные ставят капucinца в тупик?

Инопланетянин нахмурился еще сильнее и тоже обнажил зубы:

– Не лезьте ко мне с вашими психологическими штучками, капитан.

– Я даже и не думал об этом.

Самуэльс отступил в сторону, определил, к какому именно причалу швартуется транспорт, и включил реактивный ранец. Через двадцать метров он вспомнил о радарном маячке и включил его, чтобы на него не наехали самокатные тележки и движущиеся по рельсам вагонетки. Однако любой корабль, который шел на реактивной или магнитной тяге, оставался его собственной проблемой. Эти корабли не могли свернуть в сторону достаточно быстро, если он внезапно появится у них на пути, несмотря на преимущественное право «пешеходов» в замкнутом пространстве.

В причальном секторе этим утром кипела бурная деятельность. Джемини отправлял шесть эсминцев и два крейсера в стандартное патрулирование Скопления. Остальные четырнадцать эсминцев и шесть крейсеров эскадры Костюшко оставались внутри, меняя экипажи, пополняя запасы или ремонтируясь.

Адмирал скрежетал зубами по поводу сроков ремонта, которые удлинялись с каждым кварталом. А виноват в этом, конечно, был Самуэльс. Судя по тенденции, с которой поступали ассигнования из центра – и вероятно, перебои усилятся с суматохой насчет престолонаследия, – положение с ремонтом станет еще хуже.

Окраска транспорта – теперь, когда он весь оказался под ярким светом прожекторов – оказалась не совсем такой, какую Самуэльс ожидал увидеть. Прежде боковая линия корабля Беннингтона была окрашена в темно-красный цвет, а плавники стабилизаторов украшали золотые горошины на голубом фоне. Так обычно окрашивались корабли, курсирующие по транзитным линиям. Самуэльс никогда и не обратил бы на это внимания, если бы Пауль Беннингтон не упомянул однажды, что это – копия окраски радужной форели, его любимой рыбы. И в спортивном, и в гастрономическом отношении.

Сейчас боковая полоса транспорта была не красной, а тускло-коричневой. Да и горошины смотрелись скорее желтыми, а не золотыми.

Интересно, что за межзвездная радиация, или атмосферное трение, или газовая туманность могла так воздействовать на керамическую краску, которую наносят под сильным давлением – так, что она впитывается в металл корпуса? Самуэльс все еще думал над этим, когда подошел к главному носовому шлюзу корабля.

Может, это не «Салмо», а какой-нибудь другой транспорт? Однако в таком случае получилось бы расхождение в кодах и корабль близко не подпустили бы к базе. Возможно, это был другой корабль той же серии, более раннего выпуска, который капитан первого ранга Туэйт зафрахтовал на Палаццо. Это могло сделать визит Самуэльса на корабль слегка бестактным, и проведенное в доках время окажется потраченным бесполезно.

Пока он раздумывал, причальные вахты закрепили корабль, и кормовой грузовой люк начал открываться. Немного быстро для обычной радиопроверки. Кто-то в кабине связи, должно быть, наступал на пятки и дал кораблю добро, когда он только еще проходил сквозь поле доступа.

Самуэльс ухватился за поручень шлюза, подтянулся и стал набирать код. Индикатор остался темным. Автоматика шлюза не реагировала.

Первый из десятиметровых грузовых контейнеров начал подниматься из открытого кормового трюма. Бормоча сквозь зубы проклятья, Самуэльс на руках стал передвигаться в его сторону. Он репетировал выражения, которые собирался проорать в лицо судовой команде за несоблюдение порядка действий при разгрузочных работах.

Пока он скользил над обшивкой транспорта, контейнер плыл наискось, прямо к грузчикам базы, которые побежали прочь от надвигающейся на них массы. Ни страховочных

концов, ни амортизирующих кранов, ни присосков против рикошета в сторону работающих механизмов доков. Хилдред Самуэльс громко матерился внутри своего шлема и решил, что отберет кое у кого лицензию.

Пластиковый контейнер раскололся раньше, чем ударился о внутреннюю стену базы. Вместо туманного облака улетающей атмосферы и штабелей упакованных грузов из контейнера посыпались люди в скафандрах. Люди, вооруженные пульсаторами.

Налетчики быстро рассредоточились. Они стреляли в разбегающихся грузчиков. Один из стрелков повернулся к приближающемуся скутеру и сбил мичмана, который управлял им, одним выстрелом. Другой увидел подбирающегося к ним Самуэльса и вскинул винтовку.

Самуэльс исполнил виртуозный пируэт и перекинул тело за комингс люка. Стрелок опоздал на одну секунду. Очередь стеклянных шариков из его пульсатора простучала по корпусу в полуметре от гермошлема Самуэльса и разлетелась сверкающими осколками в сторону от него.

– Охрана! Охрана! – Самуэльс нажал кнопку командирской частоты своего радиопередатчика. Эта частота перебивала все остальные сигналы. – Всем секциям. Вооруженное вторжение на причале четырнадцать. Идет бой.

Тут же завывали сирены боевой тревоги.

Чтобы не дать нападавшему возможности изменить позицию и выстрелить по нему еще раз, Самуэльс с силой оттолкнулся от комингса и кинулся к скутеру, где был убит мичман. Он не думал о бегстве – ему требовалось оружие для тарана.

Четыре очереди стеклянных шариков понеслись к нему с разных сторон. Три прошли мимо, но последняя пробила скафандр где-то возле икры. Он ощутил в этом месте внезапный холод – от воздействия вакуума, шока от удара и испаряющейся крови. Не мешкая, Самуэльс ухватился за ручки скутера и включил двигатель. Облачко красного тумана и липких волокон расплзлось вокруг его колена.

Пятая очередь простучала по баку с горючим и взорвала его, сделав машину совершенно непригодной к дальнейшей службе. Самуэльс представлял собой отличную высоко поднятую мишень, прямо как на стрельбище. Он приготовился к следующему выстрелу, который – это совершенно ясно – поразит его прямо в грудь.

– Будь ты проклят! – провизжал кто-то по каналу ближней радиосвязи. Маленький серебристый скафандр промелькнул мимо него, он несся по направлению кучки налетчиков. Мелькнул прозрачный со всех сторон акриловый шлем с пучками серой и черной шерсти внутри. Рука, которую капучинец завел себе за спину, совершала там какие-то непонятные неистовые движения. Прежде чем капитан первого ранга смог разобраться, что же делал капучинец, налетчики, сам капучинец и створки контейнера исчезли в желтой вспышке.

Позже Самуэльс понял, что механик воспользовался электростатическим сварочным аппаратом, чтобы попеременно прожигать крохотные отверстия в небольшом зеленом баллоне с аварийным запасом кислорода и в топливном баке своего реактивного ранца. Только капучинец смог бы произвести мгновенные вычисления, чтобы знать, не глядя назад, сколько прожигающих прикосновений надо сделать для того, чтобы пробить оба бака точно в момент окончания своего длинного прыжка. И только капучинец мог дать ответ, почему антисоциальный гений решил пожертвовать собой ради спасения жизни офицера-человека, который ему совсем не нравился.

Но эта мысль пришла позже. Прежде чем успело рассеяться облако пламени и газов, Самуэльс сорвал винтовку с одного из мертвых налетчиков и рванул скутер к открытому грузовому трюму.

Другие контейнеры в трюме тоже раскрылись, и еще большее количество одетых в скафандры людей устанавливало переносную плазменную пушку. Это была двадцатимегаваттная модель, с тепловым выбросом, достаточным, чтобы повредить не защищенные силовым полем корпуса кораблей, стоявших в доках. Самуэльс вскинул пульсатор, выстрелил, пробил гермошлемы двух артиллеристов, а когда подъехал ближе, начал стрелять короткими очередями, не позволяя остальным поднять головы.

Время от времени он всаживал струйку шариков во все еще закрытые контейнеры в глубине трюма. Иногда его старания вознаграждались облачками воздуха, иногда свежими кристалликами крови.

Как раз в тот момент, когда он по инерции въезжал в люк и выпускал последние заряды, первые морские пехотинцы ворвались на территорию четырнадцатого причала.

Эсминец, стоящий в доке напротив, развернул свою плазменную батарею и всадил заряд плазмы в дюзы планетарного двигателя транспорта. Отдача от взрыва потрясла обшивку корабля. Самуэльс громко молился, чтобы командир орудия эсминца не пытался сделать второй залп, чтобы полностью уничтожить бандитский корабль. И чтобы команда пирата не попыталась скрыться, предприняв гиперпространственный прыжок. И то, и другое, предпринятое внутри ангара, прорвет силовые поля, защищающие жилые и рабочие помещения базы, и как следует выпотрошит хрупкие внутренности Джемини.

Вибрацию плазменного удара заглушил низкий зловещий гул, от которого у Самуэльса заболели барабанные перепонки. Он слышал подобный звук всего дважды, и только на испытаниях. База Джемини намеревалась произвести аварийный запуск всех крейсеров и эсминцев прямо через свою внешнюю обшивку.

Боковым зрением Самуэльс видел прозрачные гибкие переходы, примыкающие к носу и корме судов, закрепленных на кильблоках, которые дрожали от топота сотен ног. Матросы, артиллеристы, инженеры, штурманы, офицеры, программисты, боцманы, магнитчики, капитаны, коки и прочие неслись сломя голову на свои боевые посты.

Адмирал Костюшко чересчур серьезно отреагировал на десант налетчиков в доках?
Возможно.

Но почему именно сейчас? Самуэльс держал ситуацию на борту фальшивого транспорта почти под контролем.

Или базе где-то нанесли еще худшие повреждения? Святая Тримурти! Джемини собирается эвакуироваться!

– Мы захватили эту палубу, капитан первого ранга, – доложил сержант морской пехоты.

– Так. Отведите людей в укрытие. Джемини собирается запускать эскадры.

– Слушаюсь, сэр!

«Самуэльсу прибыть в рубку, – произнес имплантант в его ухе. – На двойной тяге, сэр».

– Иду, – отозвался он на командирской частоте. – Какова ситуация?

Самуэльс повернулся и включил реактивный ранец. После сигнала тревоги воздухонепроницаемые двери всех входов в доково-ремонтный сектор автоматически опустились – обычно они были перекрыты только силовым полем. Поэтому он собирался проделать двухсотметровый прыжок к ближайшему воздушному шлюзу службы охраны. Это займет тридцать две секунды. И все же это был самый быстрый путь – если только корабли не стартуют раньше и не заполняют внутреннее пространство ангара вихрем реактивных струй почти плазменной температуры.

– Сферическая атака, – только и сказал ему дежурный.

Этого было достаточно. В военном колледже учили, что сферическую атаку – когда большая группа кораблей одновременно выходит из гиперпространства вокруг объекта со всех сторон – практически невозможно отбить. Единственной возможной оборонительной тактикой при этом был аварийный запуск прямо с причалов, чтобы встретить направленную внутрь атаку противника направленной наружу контратакой. Главной проблемой являлось то, что противник мог подсчитать максимально возможное число кораблей на объекте и применить всего на один корабль больше.

Через двадцать пять секунд, во время прыжка, Самуэльс увидел, что шлюз службы безопасности стал закрываться. Дверь из сверхпрочного корпусного металла медленно скользила слева направо. На последних метрах пути Самуэльс развернул туловище налево и не стал тормозить. Он пронесся в узкую щель на скорости 9,75 метра в секунду и продолжал ускорение. Удар о противоположную стену шлюза пришелся ему по ребрам, вдребезги

разнес радиопередатчик и систему обеспечения жизнедеятельности скафандра. На гермошлеме образовалась звездообразная трещина. Свист уходящего через нее воздуха напоминал комариный писк.

Трещина могла оказаться серьезной, даже смертельной – при любых других обстоятельствах. Сейчас же Самуэльс планировал выбраться из скафандра и бежать в рубку через две секунды после завершения цикла шлюзования. Больше внимания стоило уделить густой красной массе на правой ноге. Когда автоматические жгуты скафандра ослабнут, кровь начнет хлестать, как из свиньи на бойне. Болеть тоже будет.

Давление в шлюзе наполовину поднялось, и в этот момент Самуэльс услышал грохот. Сквозь подошвы сапог скафандра он почувствовал вибрацию. Аварийный запуск. Четырнадцать эсминцев, пять крейсеров и «Донлайт» с неработающим инвертором массы ударили в обшивку корпуса нижнего причального сектора Джемини.

Выскочив из шлюза, Самуэльс потратил целых полсекунды, чтобы приклепнуть медицинский пакет к ноге, и прыгнул в трубу ближайшего лифта, который вел в помещение, совмещающее в себе штурманскую рубку с командным центром базы. Все называли его просто «рубкой».

Адмирал Костюшко склонился над дисплеем компьютера тактического анализа. Адмирал хмурил брови. Он выпрямился, когда увидел входящего Самуэльса.

– А вот и вы, капитан первого ранга. У нас тут происходит что-то странное. Чертовски странное.

Самуэльс поспешил к нему, изо всех сил стараясь не хромать.

– Компьютер показывает, что атаку ведут сто крупных кораблей, – проворчал адмирал. – Они вышли из гиперпространства в классической сферической формации. И чертовски плотной к тому же. Они насели на нас через двадцать три секунды. – Он повернулся к стоящему рядом оператору. – Двадцать три – верно, лейтенант?

– Так точно, сэр. Сто четыре корабля, двадцать две и восемьдесят девять сотых секунды – если точно, сэр.

– Хорошо. Итак, мы все трупы. Абсолютное уничтожение. Против *такого* штурма защиты не существует. Даже аварийный запуск, при соотношении атака-защита пять к одному, является совершенно безнадежным занятием. И после того как они сжуют и выплюнут наш флот, их объединенная огневая мощь преспокойно спалит все наши системы отражающего поля. После этого база испарится. Все мертвы... Итак, капитан первого ранга, почему мы не мертвы?

– Они не атакуют?

– Конечно, они атакуют. Устроили хорошую баню нашим эсминцам и крейсерам. Но не чересчур жаркую. Пока вы сюда добирались, мы уже спалили довольно много нападавших. Не должны были, но тем не менее спалили.

– Наши потери, сэр?

– «Фортинбрас» полуослеп, да и старина «Донлайт» получил пробоину. Все остальные на ходу и дерутся.

Самуэльс наклонился, чтобы получше рассмотреть картинку на дисплее тактического компьютера. Он щелкнул переключателем. На экране появились цифры. Анализ показывал: судя по кодам, атакующие суда – большие бронированные корабли. Эсминцы, крейсера и даже три противопланетных бомбардировщика. Адмирал прав. Джемини уже не должна существовать.

– Возможно, в их планы не входит тотальное уничтожение. Может, они пытаются нас запугать.

– Гм-м, – произнес адмирал. – Космический флот труса не празднует.

– Так точно, сэр. Но знают ли об этом они?

– Следовало бы. Если только это не бандиты из-за границы Пакта.

– Как они себя называли?

– Они не сделали формального вызова.

– И идентификация отсутствует. Кого мы подозреваем? Что говорит разведка?

– Она читает мои мысли. Говорит, мы атакованы вооруженными силами Скопления Арахна. Девяносто процентов вероятности, если учесть их былые намерения. Но...

– Но у Спайла никогда не было сотни тяжелых боевых кораблей, даже если бы ему удалось заручиться поддержкой базы Скорпио.

– Никогда. Адмирал Престон так же лоялен, как и я.

– Разумеется, сэр. Я только хочу исключить все самые невероятные предположения.

– Смотри! – Костюшко ткнул пальцем в голографическое изображение. – Двойной взрыв. Еще два гробанулись... Третий!

– Кажется, они сражаются не слишком хорошо, – заметил Самуэльс. – Они плохо маневрируют. Неповоротливые...

– Попадание в «Глориуса», сэр, – доложил оператор. – Правый борт. Второе попадание! Орудия повреждены. Мостик поврежден. Двигатели повреждены. Давление падает... Сэр, «Глориус» прекратил передачи.

Словно в ответ на это на голограмме появилась маленькая, быстро гаснущая звездочка. Война отняла первого из детей Джемини.

– Проклятье! – вырвалось у адмирала.

Словно приободрившись после первой победы, атакующие перегруппировались. В первый раз с начала битвы на каждый корабль защитников базы набросились по четыре-пять кораблей противника одновременно. Арахниды – если только это были они, – казалось, учились скоординированной тактике в процессе боя. Поток сообщений от операторов, сидящих за пультами позади адмирала и Самуэльса, внезапно удвоился и утроился. В течение пяти минут Джемини потеряла еще три корабля.

– Сэр! – проявил инициативу Самуэльс. – Может быть, нам следует подытожить сложившуюся на данный момент ситуацию и послать гиперволновой сигнал в штаб сектора?

– Не верите в собственные силы, капитан первого ранга?

– Никак нет, сэр, верю. Мы, однако, должны принять во внимание всякие случайности. Даже возможность деморализации команд.

Лицо адмирала окаменело.

– Посылайте сигнал.

Самуэльс позвал одного из операторов и продиктовал ему сообщение. Офицер кивнул и вышел из рубки, направляясь в центр связи.

Когда Самуэльс вновь повернулся к экрану компьютера, тот замерцал и погас.

– Черт!

– Межчастотный резонанс, сэр! – крикнул один из техников. – Они нас глушат!

Это означало, что боевые компьютеры базы ослепли. Командиры дерущихся кораблей теперь не получают общей картины боя. Или еще хуже – получают неполную картину.

– Устранить! – рявкнул адмирал.

– Не могу, сэр.

– Используйте фильтры.

– Неэффективны.

– Переведите управление на «Розлайт», – приказал адмирал. – Мы будем получать информацию с него. По крайней мере, хоть что-то будем видеть.

– А если крейсер будет уничтожен, сэр? – спросил Самуэльс.

– Тогда мы переведем управление на следующего по старшинству командира крейсера, затем на эсминцы – если их электроника выдержит нагрузку. Но тогда, наверное, сражение почти закончится, и следить будет особо не за кем.

Это была первая пораженческая мысль, высказанная Костюшко.

Еще семь кораблей выбыли из боя, пройдя через все стадии повреждений: ослабление защитных полей, раскоординирование огня батарей, падение маневренности, падение давления воздуха и наконец гибель.

Наблюдая за ними, Самуэльс начал различать определенный почерк атаки.

– Смотрите, сэр! Один из атакующих кораблей постоянно держится позади. Тем не менее он наносит по нашим кораблям наибольшее количество попаданий. Остальные корабли являются просто шестерками, дымовой завесой – в сущности, любителями. Но в каждой группе нападающих этот корабль держит дистанцию – это профессионал.

– Передайте это на «Розлайт».

– Слушаюсь, сэр.

– И посмотрите, могут ли батареи базы получить наводку с искаженной перспективой картинки.

– Я скажу лейтенанту Карно, что такого раньше никто не делал. Тогда он превзойдет сам себя и справится. Он любит неразрешимые задачи.

Адмирал широко улыбнулся.

В течение десяти минут, под контролем с «Розлайта» и при помощи вычислений Самуэльса, защитники базы взыскали тяжелую дань с «профессионалов». Фактически они уничтожили почти половину сил нападавших. Кораблям противника из «любителей» все еще удавалось нанести удар по тому или другому эсминцу, но больше благодаря везению, а не тактическому мастерству. Командиры кораблей Джемини начали уставать, боевые компьютеры крейсеров готовы были сгореть от перегрузки.

Через двадцать минут первые патрульные корабли, включая крейсер «Аврора», выскочили из гиперпространства, получив сигнал тревоги, и склонили чашу весов в пользу защитников базы.

– Наши силы сейчас сократились до трех крейсеров и пяти эсминцев, адмирал, – доложил один из операторов. – Прикажете...

– Да-да. Передайте приказ о поэтапном отходе к внутреннему кольцу обороны базы. Надо увлечь врага за собой, к северному и южному полюсам базы, в пределы радиуса действия полярных батарей. Дайте Карно подготовиться к автоматической стрельбе через...

– Сорок секунд, сэр? – подсказал Самуэльс.

– Пусть будет сорок секунд.

– Приказ понят, сэр.

Начался обманный маневр, который выглядел так, как будто подбитые корабли доблестно отступали. Через тридцать секунд маневрирования три эсминца вышли из гиперпространства, в тылу у врага, и образовали вместе с «Авророй» и ее эскадрой классические «клещи».

– Пошел! – просипел Костюшко. В горле у него пересохло.

И внутреннее кольцо обороняющихся, и внешнее – при поддержке собственных орудий базы – все они переключились на координированный автоматический, с кибернетической наводкой, огонь. Голографический экран засверкал ослепительно белым пламенем. Самуэльсу и адмиралу пришлось прикрыть глаза руками. Операторы на другой стороне рубки отвернулись.

Когда свечение погасло, голографический экран был чист. По обе стороны мертвой зоны высвечивались только корабли Джемини. Сама зона была пуста.

Это изображение, разумеется, являлось компьютерной ложью. Перед мысленным взором Самуэльса встали кубические километры космоса, заполненные крутящимися рваными обломками. Керамика, пластик, металл, тела убитых парили в невесомости, обугленные и растерзанные, среди рассеивающихся клубов остывающей плазмы.

– Прикажите «Авроре» приступить к спасательным операциям, – скомандовал адмирал. – Передайте капитану первого ранга Уорли вести их в течение двух часов. Если он за это время не найдет тех, кто выжил, значит, искать больше некого. Остальным кораблям и экипажу базы – готовность номер два... И передайте ребятам – они хорошо поработали.

Самуэльс кивнул и направился к выходу.

– И еще, Хилдред. Спасибо вам...

– Я исполнял свой долг, сэр.

– Чепуха, капитан первого ранга. Вы думаете, мы тут не отслеживаем на наших экранах

чрезвычайные ситуации на базе? Я видел, что вы сделали там, в доках. Я считаю, что вы отвели от нас «угрозу троянского коня», которая могла бы изменить баланс сил, когда мы производили аварийный запуск.

– Это был капуцинец, сэр.

Адмирал покачал головой.

– Глупое самопожертвование. Инопланетный псих. Он погубил себя ради максимум четырех нападавших. Вы подняли тревогу, вызвали подкрепление, а затем ринулись прямо на них и послали к черту весь трюм этого транспорта, включая его плазменное оружие. Четкое мышление, слаженная работа в команде и смелость перед лицом опасности. Вот что спасло нас, и мой рапорт о происшедшем будет содержать определенные рекомендации штабу сектора. Отличная работа, капитан первого ранга.

– Благодарю, сэр.

После сражения Самуэльс принял участие в созданной адмиралом комиссии и опрашивал командиров кораблей Джемини. Рапорт капитана первого ранга Уорли, командира крейсера «Аврора», оказался очень интересным. Хотя он не нашел выживших членов экипажей, Уорли подобрал достаточно обломков, образовавшихся в результате последних залпов, провел их компьютерное сканирование и сделал статистический анализ.

– Торговые суда. Держу пари на мою пенсию.

– Но их опознавательные коды... – запротестовал Самуэльс.

– Да плевать на то, какие были у них коды. Я собрал несколько тонн корпусного металла, большей частью это куски размером в метр. Металл не такой толстый, как у боевых кораблей. Плюс к тому – я собрал четыреста или пятьсот кубометров фрагментов оборудования. Кое-что – явно военного образца, разумеется. Но в соотношении десять к одному, это снаряжение гражданского типа – киберы, кабели, движители, сервомоторы, гидравлика, скафандры... У нас есть даже их серийные номера, клянусь всеми святыми!

– Вы их проверили, так ведь? – процедил адмирал.

– Разумеется, сэр. Часть оборудования принадлежит вооруженным силам Скопления Арахна. Кое-что числится за торговой группой Бовари. Многое, однако – 69, 8 процента – принадлежит Хайкен Мару. Ставлю тонну платины, что судовладельцы они.

– Но эти корабли *сражались* с нами! – крикнул Карно с другого конца стола.

– Конечно. Быстренько поставь на них плазменные пушки и генераторы силового поля, – отозвался Уорли, – набери по кабакам экипажи – и ты сможешь даже начистить хвост эскадре Космического флота.

– Или попытаться начистить, – гордо возразил Карно. – В конце концов мы смели их к чертовой бабушке.

– Не думаю, что они ожидали взбучки, какую получили, – сказал Самуэльс.

– О да, – откликнулся Уорли. – Мы все слышали о твоих подвигах в доках, Хилс.

– И что это доказывает? – настаивал Карно.

Самуэльс поднял брови и посмотрел на лейтенанта.

– На шесть ноль-ноль сегодня у нас имеется только четыре корабля, способных прыгнуть в гиперпространство. Все остальные не держат воздух или требуют другого ремонта. Кто бы там ни переоборудовал эти транспорты...

– Хайкен Мару! – громко произнес кто-то.

– Бовари!

– Губернатор Спайл!

Самуэльс поднял руку и попросил тишины.

– Кто бы это ни сделал, они черпают из вшивого источника боевой силы.

– Который ни черта не стоит! – опять вспылал Карно.

– Да, стоит он совсем немного, – согласился Самуэльс. – С другой стороны, с каждой стычкой ценность наших собственных кораблей возрастает. На пятьсот или шестьсот процентов за последние двадцать четыре часа, по моим оценкам.

– Скажите уж – на тысячу, – буркнул адмирал.

– Так точно, сэр. В определенный момент, – продолжал Самуэльс, – наши корабли станут слишком ценными, чтобы посылать их в бой. Мы будем удирать, не сделав ни единого выстрела. Мы будем их прятать. Они станут королевами ангаров, все до единого.

– Кто бы ни снарядил эти вооруженные транспорты, – сказал адмирал, – он переписал правила ведения боевых действий в этом секторе. С сегодняшнего дня.

– Мы нейтрализованы, сэр, – согласился Самуэльс.

«13. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ПРОГУЛКА ПО ЛЕСУ»

Ноги болели, когда Тэд случайно наступал на сучок. После девятичасового бега босиком ступни распухли и покрылись ссадинами и порезами.

Бертингас начал бежать значительно быстрее, когда перестал прятаться. В первые часы путешествия он то и дело прятался в густом кустарнике, или в зарослях рододендронов, или среди густой травы и лежал, пытаясь затаить рвущееся из груди дыхание, и дожидался, пока патруль пройдет мимо. И патруль проходил мимо – колотя по кустам прикладами своих винтовок-пульсаторов и создавая достаточно шума, чтобы вся лесная живность загодя убиралась с его дороги. (Два дня спустя Бертингас все еще не видел достаточно крупных животных, которых можно было бы поймать и съесть.)

Однако как только он получил достаточный простор для движения и определился с общим направлением своего путешествия, Бертингас стал быстро передвигаться вдоль звериных троп. Он все еще покидал их в самых неожиданных местах – когда инстинкт подсказывал ему поступить именно так – и бежал по целине, через кустарник. Голос инстинкта обычно осложнял дело: по звериным тропам было легко бежать, они были хорошо утоптаны, и на них росла молодая трава. Кустарник же состоял сплошь из колючек, во все стороны торчали сучья и ветки, на земле валялись камни с острыми краями.

Ноги у Тэда были тренированные, так как он часто ходил в пешие походы, но изнеженные, привыкшие к защите сапог или ботинок. Подошвы сплошь покрылись волдырями уже к концу первого дня. Тэд оставлял за собой кровавые следы на траве и камнях, в порезы глубоко въелась пыль.

Он вскарабкался на дерево, чтобы расположиться среди изогнутых ветвей и провести ночь в сравнительной безопасности, и это добавило крошки черной коры и разводы смолы к уже покрытым толстым слоем грязи ступням.

Надежно устроившись среди ветвей, без ужина и без воды – не считая той горсти, что ему удалось зачерпнуть на бегу из ручья или лужи, – Бертингас устало оперся о ствол дерева.

Голодно, холодно, и все еще хочется пить. И еще. Либо ноги подживут и укрепятся за ночь и утром он сможет все начать сначала, или они отекут так, что он едва сможет ковылять. Тогда преследователи обязательно его найдут.

А такая ли уж это ужасная перспектива?

Да. Эти сволочи играли без правил. Штурм его квартиры – сколько времени прошло? Только два дня? Или три? Тот штурм не был арестом или попыткой похищения. Они намеревались убить его, стереть в порошок и закопать остатки.

Возможно, завтра или послезавтра некоторые пешие следопыты в этих лесах могут оказаться друзьями. Поисковики с базы, которые ищут его по всей линии полета, которую Фиркин, несомненно, сможет правильно проложить по карте. Если только Пэтти и Море удалось спастись.

Однако не имея ПИРа, чтобы анализировать поступающие сигналы и давать на них ответ, Бертингас должен положиться на инстинкт и раствориться среди растений. Менять направление под прямым углом, скользить между кустов, подобно призраку. Не показывать свою светлую кожу или бледное лицо, хорошо заметные среди зелени.

Если ноги его подведут и он будет не способен передвигаться день или два, то сможет ли он отсидеться на дереве?

Нет. Преследующие его солдаты – боевики, или кто там они – рано или поздно заметят,

что распугали тут всех крупных животных. Тогда они опять включают свое инфракрасное оборудование и начнут верить его показаниям. И обнаружат его на дереве, куда не может забраться ни один вампит.

Итак, первым делом надо позаботиться о ногах, а также о пропитании.

Прочно охватив дерево правой ногой, он согнул левое колено – скрипевшее, словно ржавый шпингалет – и притянул к себе ступню. Он начал работать над ней – сгибать, массировать, выколупывать пальцами грязь из порезов. Воды, чтобы их промыть, у него не было, поэтому он плевал на кончики пальцев и протирал порезы слюной. Раны слегка покалывало, влага охлаждала воспаленную кожу.

Теперь боль надолго станет его спутником.

Его одеяние – помимо мокасин, которые Бертингас соорудил из жесткой коры сразу, как только спустился утром с дерева, – представляло собой цельновязаное трико из сплошной монокнити. Его будет невозможно разрезать ни одним из каменных или деревянных орудий, которые ему удастся сделать, но его можно распустить.

Сидя на дереве, на холодном ветру, который дул с северо-востока, с гор, он поклялся, что добудет огонь. Он пообещал себе, что огонь будет маленьким и бездымным – не более, чем тлеющие угли от сухого хвороста. Но все же он даст какое-то тепло и поможет ему пережить ночь.

Чтобы добыть огонь, Бертингасу требовалось толстое полено с углублением, подкладка на ладонь, тонкая прямая палочка и лук, при помощи которого он будет эту палочку вращать. Через некоторое время он раздобыл подходящий кусок дерева, заготовил кучку сухих листьев и тонких стружек, которые выполнят роль трута. Под рукой он сложил сухие веточки, чтобы подкладывать их в пламя. Все было готово – за исключением тетивы для лука.

Он попытался сплести веревку из травы, но ей не хватало прочности.

Если бы он убил какое-нибудь животное, даже маленькое, он получил бы шкуру и сухожилия для тетивы. Пока же, располагая для охоты лишь голыми руками, он мог только выкапывать личинок.

Сухие и мягкие, они продолжали извиваться во рту, пока он не прожевывал их несколько раз. Вкус был неплох – похоже на смесь сладкого изюма с мукой, но тетивы для вращения палочки из личинок не сделать.

Поэтому он принялся трудиться над кромкой белья, заканчивающегося чуть выше лодыжки. Острый кремешок истер ткань, Бертингас поймал конец нити и начал распускать вязание.

Тем временем становилось все темнее. Несколько минут он раскручивал нить вокруг ноги, пока не укоротил трико до колена. Затем он перекусил нить зубами.

Бертингас сложил нить несколько раз, потом перекрутил пряди. Получившийся шнурок он привязал к сделанной на конце лука зарубке. Согнув древко через колено, он привязал тетиву к противоположному концу. Даже не сделав паузы, чтобы полюбоваться своим произведением, он согнулся над поленом и зажал его ступнями. Прямая палочка-сверло встала одним концом в углубление, а другой конец упирался в прокладку, которую Тэд держал в ладони. Петля тетивы охватила древко сверла и завращала его с большой скоростью, когда он стал водить лук взад и вперед.

Полено раскачивалось, и он плотнее уперся в него ногами. Верхняя прокладка ерзала, пока он не нашел точный угол и правильное давление. Рука определила надлежащую силу и ритм, с которыми следует водить лук: не слишком быстро, чтобы сверло не выскочило из углубления, но и не слишком медленно, чтобы оно не застряло в углубляющемся отверстии.

Взад-вперед, взад-вперед. По спине катился пот, пропитывая трико. Ветер обдувал его, и холодное промокшее трико делалось еще холоднее.

Взад-вперед. Он уже собрался бросить это бесполезное занятие. Старые книги ввали. Ни одному человеку не удавалось подобным образом заставить дерево дымить и гореть. Ему попалось плохое дерево. Слишком сырое. Или недостаточно сырое.

Из углубления внезапно выпрыгнула искорка и упала на камень. Бертингас выронил свое орудие и накрыл искру сухим листком. Искра потухла.

Он быстро установил на место сверло, прокладку и лук, нашел правильный угол и начал пилить опять.

Через минуту-другую почерневшая ямка в полене задымилась и породила еще одну искру. Бертингас ее проигнорировал. Еще несколько искр. Он стал пилить быстрее. Кончик сверла вспыхнул.

Он опять все бросил и склонился над поленом. Он потихоньку подул на огонек, и пламя поднялось на высоту мизинца. Не глядя, он протянул руку, схватил сухой лист и положил его в углубление. Лист быстро загорелся. Еще один, и еще. Он подкладывал сначала листья и стружку, затем тоненькие веточки.

В свете пламени он мог разглядеть свои ладони, чувствовал, как оно заиграло на запавших щеках. Он только-только ощутил, как зарождающееся тепло начало согревать его лицо, когда услышал какой-то звук. Треск кустов, топот ног. Поначалу далекий, шум приближался.

Прошипев себе под нос проклятье, Бертингас развалил костерок и затушил пламя, хлопая по нему руками, потом раскидал стружки и листья в разные стороны. Он пригнулся, и низкое рычание само собой вырвалось из его горла. На глаза наворачивались слезы, и не только из-за дыма.

Тадеуш Бертингас был готов опуститься на землю прямо тут же, замерзший и истощенный, и ждать, когда его преследователи – первый патруль за два дня – обнаружат его.

Пускай они отведут-его в такое место, где тепло и светло, даже если на двери будет висеть замок, а на ногах – цепи. Пускай его приволокут к настоящей пище, даже если это будет корка засохшего хлеба, даже если она окажется последней едой в его жизни. Пусть его убьют. По крайней мере, ему будет тепло в последние мгновенья.

Но все эти мысли промелькнули в голове за какой-то миг. Он внутренне собрался. Быстро натянул мокасины из коры. Подобрал лук, сверло, полено с дыркой и кремневый нож. Затем растворился среди деревьев.

«14. РЕГИС САЛЛИ: ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС»

Регис Салли точно выбрал момент: через две минуты после того, как во время официального завтрака подали закуску. Этим утром почетными гостями были представители Ассоциации латифундистов. Народ, конечно, важный, но до чего же скучный! Больше интересуются зарплатой поденщиков, ипотечным законодательством, экспортными ценами и прогнозами погоды, чем реальной политикой.

Интересно, как это – жить и все время бороться за то, чтобы получить за какой-нибудь свекольный сок на полкроны больше других землевладельцев, а влияние, вес в обществе – это тебе без разницы?

Просто превосходная аудитория, чтобы кинуть в нее заранее заготовленную гранату.

– Дорогая! – Усилители подхватили его голос и разнесли по всему залу, перекрыв болтовню за столом – как и было задумано.

Дейдра повернулась, ложечка с желтой массой – это было желе из дыни – замерла на полпути в рот. Дейдра одарила его взглядом, который даже с натяжкой не назовешь любящим.

– Ты уже приняла решение насчет номинации?

– У меня никогда не было сомнений насчет этого, Регис. – Ее голос прошел через те же самые динамики, и каждый из присутствующих слышал его. – Мы дали обещание поддержать Родерика.

– Обещать еще не значит присягнуть.

Сидевший слева от Региса скотозаводчик положил ложку, вытер рот и повернулся к

губернатору.

– Простая формальность. Я получу коды согласия – уверена в этом – от всех *лояльных* субъектов Пакта. Я рада сообщить, что большинство из присутствующих здесь наших друзей предоставило мне свои коды.

Послышался звон ложечек о тарелки, и раздались аплодисменты. Часть их звучала несколько приглушенно – из-за того, что аплодировавшие держали в руках салфетки.

– Большинство, дорогая? Некоторые, но не все? Из наших *лояльных* друзей? – это было задумано по сценарию.

– Да, так.

– У них есть сомнения, как ты думаешь?

– Конечно нет! Они знают, по отношению к чему они *лояльны* – и к кому. Я уверена, они просто чересчур заняты делами – уборка урожая, заботы о наемных рабочих, – чтобы передать коды своевременно. Это простой недосмотр, уверяю тебя.

– И все же некоторые сомневаются. – Регис повел глазами влево и вправо. Это *не было* задумано по сценарию. Он отметил легкое замешательство как среди гостей за столом, так и среди слуг, меняющих приборы.

Итак, среди обслуживающего персонала Дворца были шпионы. Что ж, он об этом знал, не знал только, кто конкретно. Он постарался быстро запомнить и лица, и нагрудные знаки – имена можно выяснить позже.

Амелия Сейл швырнула салфетку на стол:

– Мы поддерживаем тебя, Дейдра. Ты можешь верить этому. Мы поддерживаем порядок, мир, закон и стабильный рынок. Но Родерик...

– Он марионетка, – резко произнес кто-то на дальнем конце стола.

– Но это лучше, чем сборище торговцев, – прошептал кто-то еще.

– Я знаю милорда Родерика тен Холкомба... – начала было губернатор Салли.

– Даже слишком хорошо, – добавил Регис, еле слышно хрюкнув, так что через усилители было не разобрать, что это за звук.

– Он обладает всеми достоинствами своего отца. Он высоко ценит ту работу, которую все его подданные, но особенно вы, владельцы и распорядители земли, ведете в поддержку и защиту принципов Пакта. Будучи избранным, он продолжит выполнение программы расширения и развития, которую его отец...

– Дед, – подсказал кто-то с дальнего конца стола.

– Прадед, – послышалось с той же стороны.

– ...проводил и поддерживал буквально каждую минуту своего правления.

– Когда он был трезв, – сказал кто-то шепотом.

– Что бывало не часто, – ответили ему таким же шепотом.

– Мы не поддержим войну, Дейдра! – резко бросила Амелия Сейл.

– Разумеется, нет! – ответила губернатор.

– Но этим займутся другие. Спайл развяжет открытую войну за престол. Он получает поддержку из многих источников.

– От бешеных псов и предателей, – сказала Дейдра.

– Да, конечно. Он сам сумасшедший, – согласилась Амелия Сейл. – Никто с этим не спорит. И все же он подает пример. Есть другие, не менее амбициозные, но совсем не сумасшедшие, которые снова и снова будут заставлять его двигаться тем же курсом и так далеко, как только он сможет зайти; будут смотреть, как он спалит дотла и самого себя, и все на своем пути... Затем они выйдут из-за его спины и сами пойдут вперед, круша все вокруг.

– Если у тебя есть доказательства подобного заговора против Пакта, – сказала губернатор, – это преступление скрывать их, Амелия.

– Конечно же у меня нет доказательств! Но я знаю то же самое, что и остальные, если у них есть глаза, чтобы смотреть, и мозги, чтобы думать.

Регис отметил одетого в белую ливрею официанта, который незаметно подошел к владелице Грингэллоу. У официанта – это был человек – оказались здоровенные руки. Регис

заметил это, когда тот их поднял на уровень шеи Сейл.

– Родерик и Космический флот дадут решительный отпор всем смутьянам, – твердо заявила Дейдра Салли.

– Если он получит наше согласие, – вставила Сейл.

– Ты уже дала свое.

– Как знак готовности рассмотреть его кандидатуру, и только, Дейдра. Но я не отдала за него свой голос.

Все, кто был за столом, согласно закивали и что-то одобрительно забормотали.

Официант с большими руками резко повернулся, отошел и остановился у сервировочного столика. Главным блюдом сегодня были бифштексы в яйце с лососевым соусом. Регис размышлял, сколько гостей сохранило достаточно аппетита после этой перепалки, чтобы в горло им полез этот бифштекс.

Миссия Региса увенчалась успехом.

«15. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ЭВАКУАЦИЯ»

Густая теплая кровь струилась по нижней губе Бертингаса и стекала на заросший щетиной подбородок. Он ненадолго приостановился, вытер его рукой, потом облизал ладонь. И сразу же принялся опять рвать зубами печень животного, откусывая большие куски.

Когда он проглотил примерно около килограмма, и бешеная прожорливость утихла, и вернулась способность связно мыслить, Бертингас остановился и задумался.

А было ли это существо животным?

Оно передвигалось на четырех ногах, каждая оканчивалась ороговевшей платформой, которая могла являться копытом на ранней стадии эволюции. Оно паслось, поедая траву и листву с нижних веток деревьев, обрывая все, что имело зеленый цвет, и помахивая коротким, с черными полосками хвостом. Его глаза были широко посажены по обеим сторонам головы, как у стадного животного, которому необходимо иметь широкий угол зрения. Как у добычи. Не как у хищника, глаза которого посажены близко, для лучшей остроты и концентрации зрения. Это могло быть что-то вроде протооленя – за исключением того, что его высокий, выпуклый череп не украшали никакие рога. Белая шкура была покрыта короткой жесткой щетиной, как у кабана.

Когда Тэд встретил его на тропе, животное – назовем его щетинистым оленем – с глупым видом смотрело на него. Кто-нибудь не такой голодный мог бы сказать, что этот взгляд больше походил на... задумчивый. Существо чуть вздрогнуло, когда Бертингас приставил наконечник кремневого копья к его горлу, а затем с силой надавил.

Насколько он понимал, щетинистый олень был совершенно тупым животным. Бертингас не мог отыскать ни единого намека на то, что это неизвестная науке разумная раса. Нет, это был просто еще один представитель не исследованной до конца фауны Палаццо – возможно, очень редкий, но также и очень вкусный.

Тэд чувствовал, как питательные вещества вливаются в него из широкого блестящего внутреннего органа животного, который, по его мнению, являлся печенью. По крайней мере, он находился на том же месте, что и печень всех земных млекопитающих, когда Тэд вспорол шкуру на брюхе лезвием своего копья и выпотрошил зверя с помощью короткой палки.

Щетинистый олень был для Бертингаса богатством, здоровьем, даже самой жизнью. Он нарежет полоски мяса из боков – прекрасное дополнение к диете из ягод и личинок, на которой он сидел всю последнюю неделю. Он снимет и выскоблит шкуру, сделает из нее прочную верхнюю одежду и настоящие мокасины вместо этих кусков коры, которые язык не поворачивается назвать обувью. Они совершенно расплзлись и сваливались с ног. Он вытянет сухожилия и сделает из них прекрасную тетиву для своего лука, желудок и прочие внутренности пойдут на сумки для провизии, из верхушки черепа получится отличная чаша для воды, кости можно будет расколоть и наделать из них наконечников для стрел и рыболовных крючков. Он выварит мелкие кости и приготовит клей, сбреет щетину и

приклеит к стрелам в качестве оперения.

Убив этого оленя, он сможет продолжать свой путь бесконечно долго. Его охватило желание вознести молитву духу оленя за принесение своей жизни в дар Бертингасу.

Как же изменила его эта неделя, проведенная среди дикой, первозданной природы! Узнал бы кто из многочисленных друзей в этом дикаре, убившем животное заостренным камнем и рвущего зубами сырое мясо, Тадеуша Бертингаса? Поверили бы они, что это и есть тот самый лощеный заместитель директора Бюро коммуникаций Скопления Аврора? Бывший архивариус базового Диска рассеянной информации и приверженец принципов правдизма? Стройный горожанин Мейербера, живущий в роскошной вилле? Находящийся на короткой ноге с почти небожителями из Главного центра – такими, как Дейдра Салли и Селвин Прейз. Кто-нибудь поверил бы?..

Да, Халан Фоллард поверил бы. Тот знал все о склонности Бертингаса к бегству в необитаемые горные районы, к свежему ветру и диким лесам. Но все же даже Фоллард знал, что Бертингас ходил в походы, снаряженный по последнему слову техники: с палаткой из термального шелка, с подстилкой из упругой фиберткани и надувными матрацами, напоминающими положение тела, с сапогами из шкуры крота, с набором питательных сиропов, имеющих вкус изысканных блюд, с конвекционным обогревателем, чьи лепестки из легкого металла складывались друг на друга, так что он занимал место не больше фонарика.

Чего Фоллард не знал – так это того, что Тэд также изучал и старинные способы выживания в необитаемой местности. У сиу, якутов, полинезийцев и ванаби он научился, как раскалывать кремнь и делать из него ножи, как соорудить лук и как выследить на звериной тропе неосторожное животное.

Первого оленя он добывал целую неделю. Если говорить честно, то он думал не только о выживании среди дикой природы. Сколько раз – и в засаде, и при выслеживании – Бертингасу приходилось прерывать охоту. Там, где он ожидал услышать мягкую поступь осторожных лап достаточно большого животного, на которого стоило поохотиться, до его слуха доносилось шумное, с топотом сапог и хрустом веток, движение человеческого патруля. Который не был обучен лесному искусству и неслышной поступи. Значит, солдаты.

Пока его руки работали над разделкой оленя, выбирая нужные ему части, глаза и уши были настороже. Если кто-нибудь наткнется на него до того, как он успеет вырыть тайник и спрятать остатки – включая и пропитанную кровью землю под тушей, – то ему придется бежать очень быстро. Неплохо быть предупрежденным заранее, пусть это будет хоть шепоток ветра или проблеск движения на холме. И...

А это что такое?

Почти на расстоянии вытянутой руки, не дальше метра от его обеденного стола, росло дерево лейа. Бертингас искал его с того момента, как приземлился в лесу. Из тысяч изученных и классифицированных образцов флоры Палаццо это было одним из двух известных ядовитых растений. Другое, нериум хан, несло смерть от одного прикосновения к любой его части – будь то корень, кора, листья, семена или сок. Дождевая капля, упавшая с самого маленького листка нериума, действовала не хуже чаши Борджиа.

Лейа было не таким жестоким. Его сок при попадании в кровь вызывал сонливость, дезориентацию и ступор на несколько часов. Такое воздействие, однако, нейтрализовало сок, поэтому мясо зверя или птицы, добытых при помощи дротика, смазанного соком лейа, оставалось здоровым и незараженным. Дичь, убитую с помощью нериума, есть было нельзя.

Бертингас планировал сделать несколько стрел, раз он нашел, из чего сделать оперение. Тупой камушек вместо острия оглушит птицу или небольшое животное на дереве, не разодрав на части маленькие тушки и не пригвоздив к стволу на недостижимой высоте. Но охотиться с помощью лейа было куда лучше. Колючкой с куста или осколком кости, смазанным соком, можно будет выстрелить из короткой духовой трубки. Если у него будет трубка... Возможно, ее удастся сделать из полой берцовой кости оленя или вырезать из крепкого тростника.

После того как он скрыл все следы пребывания на поляне, разровнял землю и присыпал

ее опавшей листвой, он срезал с лэйа несколько веток. Снова зашагав по тропе, Тэд вытащил маленький осколок кремня, оставшийся после изготовления наконечника копья, и принялся на ходу обрабатывать берцовую кость оленя, обрезаая, обтачивая и разглаживая ее. Он мог бы сделать и дудочку, если бы умел играть на ней.

Придав кости такой вид, какой его устраивал, Бертингас засунул ее за травяной пояс просохнуть и затвердеть. Не давая рукам передышки, он принялся работать над веткой лэйа. Он снял кору и соскоблил мягкий нижний слой, затем стал раскалывать древесину на тонкие лучины. Он тер каждую свежую поверхность ногтем до тех пор, пока не начинал проступать сок, и продолжал тереть, сгущая сок и скатывая его в плотные клейкие коричневые шарики. Их он опускал в сумку из внутренностей оленя.

Уже вечерело, и ноги Бертингаса налились свинцом от усталости, когда он добрался до намеченного места. Последние три часа он поднимался в гору. Как известно, это не лучшая идея для всякого, кто заблудился. Вниз, следуя естественным законам природы, течет вода. По ее примеру и усталому путешественнику следует направляться в долину. К местам пребывания разумных, социально-общественных существ. К морю, если таковое есть поблизости. Подъем вверх приведет тебя к горным кручам, сухим камнепадам, в пустыню. Но Бертингас двигался в этом направлении не по случайной прихоти.

Он знал даже без подсказок ПИРа, что покинул аэрокар в пределах двухсот километров от предгорной гиперволновой станции. Она была одной из нескольких таких станций, размещенных на поверхности планеты, а не установленных на луне или отдельном астероиде. Поскольку подготовка, энергетическая накачка и выстреливание лазерных сообщений большой мощности являлось потенциально опасной технической операцией, станции размещались далеко за пределами населенных районов. На молодых планетах типа Палаццо это означало – в пятистах километрах от города.

Бертингас двигался более или менее в направлении станции всю последнюю неделю. Он отвлекался только по необходимости – чтобы спрятаться от неприятельских поисковых партий и чтобы найти воду.

Расположенная на горе примерно в тридцати метрах над ним, станция напоминала гигантский одуванчик, выросший среди голых скал. Круглая форма дыры в гиперпространстве послужила причиной такой формы здания. Бертингас изучал его, не покидая укрытия под деревьями. Он посмотрел на волноводы, которые служили для обмена микроволновыми сигналами с Мейербером через релейные станции. Он вслушивался в низкий рокот – едва различимый в шепоте легкого ветерка – ядерного генератора. Энергетическая система станции была автономной, с дублирующими генераторами. И если в какой-то совсем скверный день вспомогательные генераторы тоже выйдут из строя, то система автоматически переключится и станет получать пятьсот мегаватт энергии от линии микроволновых сигналов. Предгорная станция была застрахована от случайностей, способных прервать снабжение энергией.

Если поток энергии все же прервется и удерживающее гиперпространственную дыру поле исчезнет, то Палаццо погибнет.

Никто и никогда еще не наблюдал такой картины гибели планеты. Полученное Скоплением Аврора разрешение на установку предгорной станции одним из главных пунктов содержало требование немедленной всепланетной эвакуации в случае пятидесятипроцентного падения энергии.

Находясь внизу, у подножия утесов, он ощущал басовитую вибрацию генераторов, передающуюся через самую материю камня. Все было в порядке.

О нет, совсем не в порядке!

Бертингас увидел, как повернулась ручка расположенной на уровне земли двери и она широко распахнулась. Из помещения станции вышел человек в чем-то вроде полувоенной униформы, состоящей из темно-зеленого комбинезона и тяжелых ботинок, и осмотрелся вокруг. Он подошел к плоскому камню высотой со стул и уселся на него, освещаемый лучами заходящего солнца. Прислонив винтовку-пульсатор к камню, он принялся

развязывать шнурки ботинок.

Медленно, стараясь не произвести ни малейшего шума на усыпанной мелким щебнем земле, Бертингас скрылся за деревьями. Так же медленно он опустился на землю, оперся спиной о ствол дерева и вытянул уставшие ноги. Он все еще не мог видеть станцию и солдата через переплетение ветвей.

Пока он видел только одного солдата, но Бертингас быстро постигал азы военного искусства и метод мышления военных в последнее время. Внутри станции должны быть еще. Сколько? По меньшей мере двое. Может быть, пятеро. Вряд ли больше, иначе он бы увидел снаружи кого-нибудь еще.

Теория групповой динамики гласила, что когда четыре или пять человеческих существ собирались вместе, а место их пребывания было неоднородным – скажем, «внутри и снаружи», как в данном случае, – то группа имела тенденцию к кучкованию. В любой организации из десяти человек субъект не окажется в одиночестве, как этот – если только он не дуется на кого-то или не находится на дежурстве. Однако его поведение не указывало на то, что он сердит, и не выказывало особой настороженности. Поэтому если внутри находилось большое количество людей, то вероятней всего наружу вышли бы еще двое или трое. Такова была теория, на которую Тэд как-то наткнулся во время своего обучения.

Он не узнавал зеленой униформы. Она была не похожа ни на одну из тех, что носили правительственные службы Авроры, и не походила на форму Космического флота. Она могла принадлежать каким-нибудь военным другого Скопления – знания Бертингаса о них были в лучшем случае поверхностными. Или же эта форма могла принадлежать какой-нибудь из его собственных частей самообороны, которую Пэтти не удосужилась ему показать во время инспекции.

В этом случае он мог просто подойти, назвать себя и попросить разрешения набрать личный идентификационный код по микроволновому каналу связи. Шансы были – сколько? – наверное, один к десяти, что ему позволят набрать код. Умножая на тот же шанс в один из десяти, что они не являлись членами той же поисковой команды, от которой он скрывался уже неделю, выходило, что шансы выйти целым из такой ситуации равнялись одному к ста. Если только он не станет действовать агрессивно.

Но не чересчур агрессивно – на тот случай, если они и в самом деле окажутся его людьми, ожидающими его появления.

Бертингас массировал ноги и разрабатывал план действий. Нет смысла начинать прямо сейчас, когда он устал, а солдат настороже. Следует подождать полной темноты – далеко за полночь, почти до рассвета.

Устроившись поудобнее и почти начав дремать, неугомонный Бертингас нащупал ляжку оленя, которая все еще свисала у него с пояса. Под воздействием тепла плоть ляжки уже стала размягчаться и... мм... припахивать. Он выковыривал из нее волокна мяса и жевал их сырыми. Пока он жевал, пальцы работали над сухожилиями, очищая и разделяя их на длинные прочные нити. Затем он стал сплетать их. Через час он получил около метра узловатой жилы. Из нее выйдет сносная тетива, когда у него появится время вырезать лук. Или швейная нить для сыромятного одеяния из оленьей кожи, если у него дойдут руки до его изготовления. Или жила пригодится для чего-нибудь другого. Спустя час Бертингас крепко спал, прислонившись головой к дереву.

Внутренние биологические часы разбудили его как раз в самый темный час ночи. Суставы щелкали и скрипели, когда он, пригнувшись, двинулся к опушке леса. Он остановился и потянулся, выгоняя из себя усталость.

Белый купол станции блестел в свете звезд. Сбоку все еще виднелась открытая дверь. Перед куполом сидел одинокий солдат, его темный силуэт был виден на фоне скал. Возможно, это и в самом деле часовой. Голова солдата свесилась на грудь, он спал.

Дело ожидалось вовсе не такое уж трудное, как думал Бертингас.

Избавившись от лишних предметов, затрудняющих передвижение, – ляжки оленя, травяного плаща, мокасин из коры, – он начал пробираться вперед, по направлению к

часовому. Двигаясь среди валунов, словно тень, Бертингас проскользнул мимо солдата, чья голова медленно поднималась и опускалась в такт дыханию.

Зайдя сзади, Бертингас привязал сплетенный из сухожилий шнур поперек проема, одним концом к петле двери, другим – к ручке. Шнурок образовал невидимую линию, почти ровную, на высоте примерно пятнадцати сантиметров над порогом.

Бертингас дернул его разок, проверяя натяжение.

Твинь ! – мягко прозвучала тетива, слабая нотка в тишине ночи.

Часовой шевельнулся, но не поднял головы и не посмотрел вокруг.

Бертингас обнажил в улыбке острые зубы.

Из мешочка на поясе он выудил шарик сгущенного сока лейа, покрытый слизью от того, что тот лежал внутри оленьей кишки. Перевернув копьё, он пальцем как следует втер шарик в зубчатую режущую кромку кремневого наконечника. Потом он подкрался к часовому.

Человек пошевелился опять, не проснувшись как следует. Он, казалось, ощущал присутствие другого человека.

Бертингас протянул копьё, направив его в шею. И когда солдат начал приподниматься, он нанес косой удар, чуть ниже уха. Полоска крови, черная в свете звезд, появилась прежде, чем раненый успел прижать к ней руку. Солдат громко выругался и вскочил, поднося винтовку к плечу. Бертингас распластался на земле.

Часовой круговым движением провел стволом над головой Тэда и продолжил этот пируэт, пока его левое колено не подогнулось и он не упал с шумом.

– Корл!

Изнутри донеслось только одно слово, нерешительно произнесенное сонным голосом.

Меньше всего Бертингас хотел, чтобы люди забаррикадировались в здании и заняли круговую оборону. Он схватил винтовку за приклад и электромагнитную обмотку и с трудом вытащил ее из дергающихся рук часового.

– Здесь! Помогите мне! – хрипло позвал Бертингас, затем метнулся к двери и встал сбоку от нее. Свет внутри, как он и ожидал, не зажегся. Значит, другие будут иметь то же самое преимущество ночного зрения, которое Бертингас надеялся обратить себе на пользу. Нехороший знак. Это означало, что внутри были профессионалы.

Первый человек бегом выскочил из люка. По чистой случайности он перешагнул шнурок, не задев его. Это расстроило все планы Бертингаса.

Он собирался с размаху ударить человека прикладом в живот, когда тот споткнется и повалится вперед. Теперь Тэду пришлось изменить хватку и бить солдата по затылку сверху, стараясь попасть в убегающую в темноту цель. Тэд промахнулся, струя воздуха от приклада зашевелила волосы на голове солдата. Тот затормозил, повернулся и получил крепкий горизонтальный тычок прикладом прямо в лицо. Солдат опрокинулся на спину.

В проеме появился второй человек. Этот поймал натянутую жилу своей лодыжкой и покатился кубарем в темноту. Он приземлился на спину Бертингасу и попытался вцепиться в него, но Тэд вывернулся, развернулся и ударил солдата прикладом по ребрам – раз, другой. Тот упал.

Третий задержался в темном проеме. В слабом свете звезд Бертингас мог различить торчащее оттуда дуло винтовки, описывающее круги в поисках мишени. Медленно, беззвучно, по сантиметру, он выскользнул из сектора обстрела и приблизился к дверному проему, затем с быстротой атакующей кобры схватил винтовку за кольцо обмотки и дернул на себя.

Чнок ! – винтовка всадила заряд в каменистый грунт.

Когда солдат внутри подался вперед вслед за винтовкой и споткнулся о жилу, Бертингас выбросил вверх босую ногу, поджал пальцы и ударил человека в пах. Тот рефлекторно втянул воздух широко открытым ртом и согнулся пополам. Тэд завершил дело, ударив его по шее ребром ладони.

И замер, прислушиваясь.

Со стороны станции не доносилось ни звука. Это означало, что четвертый солдат внутри был либо крайне осторожен, либо его вовсе не было. Бертингас знал только один способ проверить это. Держа захваченное оружие наготове, он переступил порог станции.

Никакого движения, никто не нападает.

Прижимаясь к стене, он двинулся по фойе.

Никто не атаковал, ничьи шаги не звучали.

Он включил освещение и увидел открытую дверь в помещение релейной связи. Со своего места он видел там спальные мешки и кухонную утварь. Обгорелое пятно на кафеле пола свидетельствовало, что кто-то разводил внутри костер.

– Бросай оружие, – раздался голос из релейного помещения, – или я отключу поле!

Бертингас придвинулся поближе к двери. Шевельнувшаяся на полу тень подсказала ему, что кто-то стоит вне пределов его видимости, у пульта диспетчера станции.

– Ты знаешь, что это означает! – предостерег чей-то голос.

Бертингас молчал, медленно приближаясь к двери.

– Черная дыра упадет прямо в ядро планеты!

Тэд осторожно переставлял ноги, беззвучно подкрадываясь.

– Я уничтожу всю эту планету!

Он находился теперь на расстоянии полуметра от порога, все еще вне поля зрения того, кому принадлежал голос.

– Я могу это сделать!

Тэд прыгнул в дверной проем с винтовкой наизготове, палец он наполовину утопил в спусковом крючке.

– Нет, не можешь!

Человек – офицер, судя по серебряному узору на воротнике формы, – вскинул пистолет и прицелился Бертингасу в лицо.

Бертингас дал очередь стеклянных шариков и отстрелил ему руку чуть ниже плеча.

Офицера отбросило спиной на пульт, из плеча хлестала кровь, он медленно сполз на пол.

Бертингас бросил винтовку, схватил первый попавшийся под руку спальный мешок и прижал его к открытой ране на груди офицера, пытаясь остановить кровь. Через несколько секунд материал промок насквозь, а из раны все еще текла кровь.

– Как... ты... – Умиравший посмотрел Тэду в глаза.

– Здесь нет переключателя гравитационного поля, – объяснил Бертингас. – Мне очень жаль...

– О-о-о! – Тело офицера напряглось, дернулось и безвольно обвисло. Сфинктеры расслабились, и вонь содержимого кишечника и мочевого пузыря атаковала ноздри Бертингаса.

Он оставил мертвеца, чтобы позаботиться о живых. Удар по затылку успокоил тех, кто пытался, пошатываясь, подняться на ноги. Затем он отрезал шнуры от постелей и связал пленных. В течение десяти минут он стал полным хозяином станции.

«Прерывание приоритет К – 2», – набрал он на клавиатуре, оборвав поток микроволн из иных измерений, струившихся в банки данных Мейербера.

– Закрытый поиск персонала, Бюро коммуникаций, Ринальди Джина.

Через тридцать секунд он получил речевую связь.

– Тэд? Тэд! Где ты?

– Предгорная станция.

– Эта женщина, Фиркин, сказала, что ты мертв. Атака на твой...

– Не совсем. Я выпрыгнул.

– Что ты делал целую неделю? Мы так сильно...

– Бродил по лесу. Слушай, Джина, кому ты доверяешь прямо сейчас?

– Никому. После – а-а...

– Неверно, дорогуша. Ты доверяешь – я доверяю – Халану Фолларду. Свяжись с ним по

защищенной от подслушивания линии или, что еще лучше, встретиться с ним лично. Объясни, где я нахожусь, и скажи, что мне нужна его помощь. Вместе с подкреплением.

– Как насчет нового директора?

– Нет! Не говори ничего Селвину Прейзу. Пусть думает, что я еще мертв. Более того, немедленно после окончания связи ты сотрешь из памяти компьютеров все передачи с этой станции за последние полчаса.

– Тэд!

– Выполняй, Джина. Вычисти банк данных. Абсолютно все.

– Хорошо. Ты в порядке?

– Лучше не бывает.

Он отключился и стер все из памяти на своем конце линии и перевел всю станцию в режим ожидания – до поступления команды. Затем стал рыться в имуществе солдат в поисках какой-нибудь цивилизованной пищи. Он нашел три калорийных батончика и пакет с какао-порошком. Через пять минут небольшой костер весело потрескивал на месте обгоревшего пятна на кафельном полу, в котелке закипала вода, готовясь принять порцию какао. Завтрак.

Спустя два часа, когда первые лучи утренней зари осветили горы позади станции, появились аэрокары. Первым на посадку начал заходить окрашенный в тускло-серый цвет автобус с золотыми молниями Кона Татцу на фюзеляже. Из открывшегося люка вышел Халан Фоллард, защищенный с обеих сторон двумя здоровенными охранниками в комбинезонах.

Со стороны горного склона спустился второй аэрокар и сел рядом. Не успел он толком коснуться земли, как из него выпрыгнула Пэтти. За ней следовало трио свирепого вида гиблисов, ядовитая слюна стекала с их клыков. Водителем ее машины был коуру, казавшийся совершенно спокойным – во всяком случае, он не ерзал, как остальные представители его расы, мохнатые руки уверенно лежали на рычагах управления.

Вслед за автобусом Фолларда приземлилась трансатмосферная шлюпка Космического флота. Она села на поляну позади станции, из нее выскочило отделение морских пехотинцев. Впереди них, выделяясь ярким пятном на фоне их серой полевой формы, бежала адмиральская дочь, Мора Костюшко. Она либо избавилась от подозрений в отношении капитана первого ранга Туэйтта, либо же украла шлюпку из-под его носа.

Все три партии спасателей сошлись вместе в точке, где Тадеуш Бертингас стоял над связанными врагами.

– Тэд! – заорал на бегу Фоллард, протягивая руки. Шеф Кона Татцу затормозил в трех шагах от него и мелко задышал ртом. Его руки медленно опустились. – Это... так... хорошо – видеть тебя.

Мора подбежала к Тэду, сморщила нос и отступила на два шага назад.

Фиркин ослепительно улыбнулась ему.

– Ты жрал что-нибудь приличное в этих лесах? – спросила она.

– Вполне стоящее – когда удавалось отыскать, – ответил он.

– Приходилось добывать с боем?

– Нет, захватывал врасплох.

– Кто эти парни? – Она пнула одного из захваченных солдат носком сапога. – Твой обед?

– Ты в этом больше разбираешься. Халан, ты когда-нибудь видел подобную форму?

– Не из местных, верно? – Фоллард отрицательно покачал головой. – Может быть, частная охрана?

– Может быть.

– Они могут говорить?

– Еще не выяснял, – пожал плечами Бертингас.

– В автобусе у нас есть кое-какие штуки, которые позаботятся об этом... Тэд! – Он откашлялся. – Тебе не холодно?

Бертингас посмотрел на себя. Голые ноги. Разорванное в клочья белье. Сплетенный из травы пояс. Грязь. Он дотронулся до подбородка и услышал, как хрустит засохшая на бороде кровь.

– Принести тебе одеяло? – спросила Фиркин.

– Как насчет горячего душа?

– В нашем автобусе есть и это, – сказал Фоллард. – Пошли.

«16. ХАЛАН ФОЛЛАРД: ОБЛАВА»

Когда их эскадрилья уже подлетала к посадочной площадке штаб-квартиры Кона Татцу в Мейербере, Халан Фоллард приказал перекрыть все входы и выходы и заблокировать здание со всех сторон.

– Прошу прощения – как вы сказали, шеф? – переспросил дежурный пункта связи, некий специальный агент по имени Кобб.

– Закройте кабинет выдачи виз, очистите от посторонних комнаты ожидания, запирайте входную дверь, разложите заградительные сетки и отмените свой послеобеденный чай. Режим высшей безопасности. Все сотрудники с табельным оружием. И все прочее.

– Э-э... м-м... Слушаюсь, сэр! Можно спросить почему?

– Нельзя. У меня с собой маленькая заблудшая овечка, выжившая после дюжины покушений на ее жизнь. Кроме того, под моей опекой находятся трое прекрасно обученных и хорошо вооруженных солдат, которых эта овечка уложила с помощью шнурка и каменного копья. Четвертый умер при попытке поднять руку на этого ягненка.

– И вы хотите мобилизовать нас, чтобы справиться с этим парнем, правильно? – спросил Кобб.

– Неправильно. Я хочу мобилизовать вас на случай, если те люди, которые стараются убить его, попытаются сделать это снова. Я почувствую себя чрезвычайно неловко, если наша Служба окажется несостоятельной при защите персоны, находящейся под ее попечением в ее же собственной штаб-квартире.

– Слушаюсь, сэр!

– За исключением ядерной атаки... – Фоллард немного поразмышлял, не прерывая связь. – На этот случай подготовьте выключатель переброски. Принесите дистанционное управление в мой кабинет.

Он знал, что это была чисто теоретическая мера предосторожности, потому что никто и никогда не пытался применить – или даже как следует проверить – работу системы переброски.

Во время строительства здания архитекторы Кона Татцу закопали – где-то между вторым и третьим подземными этажами – инвертор массы. Устройство было флотского образца, достаточно мощное для прыжка боевого крейсера сквозь четыре фазы гиперпространства. Конечно, никто и никогда не прыгал – при обычных обстоятельствах – с поверхности планеты. Никто и никогда не пробовал отправить в прыжок такую хрупкую структуру, как укоренившееся в поверхность планеты здание – построенное с учетом законов притяжения решетчатое сооружение из камня и стали, дерева и пластика, кабелей, водопровода и волновода, карнизов и ковров. Точно так же никто и никогда не приземлялся после подобного прыжка на уровне земли – и ни в коем случае не двумя метрами выше – на площадке, где ничего больше не стояло, и на планете с нормальным атмосферным давлением.

Фоллард подозревал, что «бабах!» во время приземления будет ничуть не тише «бум!» при старте.

С одной стороны, система переброски явилась результатом мозгового штурма, проведенного планировщиками-параноиками в поисках маневра для абсолютной защиты. С другой стороны, никто и никогда не придумал лучшего способа защитить человеческое творение от ядерного нападения.

– Слушаюсь, сэр. Активизировать переброску, – повторил дежурный.
– Дождитесь моего приказа, когда активизировать. На данный момент просто подготовьте выключатель. Понятно?

– Да, сэр.

– Тогда конец связи.

Фоллард посадил оба автобуса на крышу здания и приказал пилоту Моры Костюшко посадить корабельную шлюпку на площадь перед входом. Хотя шлюпка, в строгом смысле слова, не являлась боевым кораблем, но двадцатимиллиметровая плазменная пушка сдержит натиск любых наземных сил. Ее термическая защита из пластинчатой керамики перенесет любую трепку.

У выхода из лифта их встретило отделение спецназа Кона Татцу. Фоллард указал на троих солдат, которых несли позади, как следует скрученных и напичканных наркотиками.

– Оттащите их в приемный покой. Осторожно разбудите и выясните, кто они такие. Все детали. Вплоть до девичьей фамилии бабушки.

Спецназовцы схватили было и Бертингаса, одетого в темно-зеленую форму мертвого офицера. Форма была почти целой, за исключением неровного шва у одного плеча и поспешно замкнутых пятен крови и прочего. Сидела она на нем неважно, но все же это было лучше, чем лохмотья белья и вонючая звериная шкура.

– Не его. Советника Бертингаса отведите в лазарет для полного медицинского осмотра. Наколите его витаминами, проверьте, нет ли вшей, и положите на часок под аппарат электросна. Потом приведите в мой кабинет.

Командующий отделением спецназа лейтенант кивнул, отдал честь и дал команду солдатам забирать пленников.

– Не пройти ли нам в мой офис и подождать развития событий там? – спросил он Пэтти. Он велел адъютанту привести Мору Костюшко, как только она усадит свою адмиральскую баржу на посадочные лапы и разгерметизирует.

Фиркин заколебалась, посмотрев через плечо на сопровождавших ее инопланетян.

– Вместе с вашими лейтенантами, разумеется, – продолжал настаивать Фоллард.

Она махнула двум сатирам и гиблису. Гиблис нес на спине нечто, напоминающее портативное плазменное оружие. Остальным она приказала ждать в автобусе.

Фоллард провел их в свой офис на третьем этаже, который смущал даже его. Двадцать на сорок метров, с потолком высотой пятнадцать метров, украшенное гипсовой лепниной и фигурками купидонов. Две гигантские люстры – сплошь начищенная медь и розовый хрусталь – формой напоминали кисти земного винограда. Изначально это помещение должно было служить бальным залом во время официальных приемов губернатора и прочих высокопоставленных гостей из Главного центра.

Предшественник Фолларда проявил максимум изобретательности и переместил-таки подобные празднества в другие общественные здания и в конце концов исключил Кона Татцу из списка организаций, обязанных проводить такие мероприятия. Затем он просто устроил в бальном зале свой кабинет.

Во время правления Фолларда, по мере того, как остальная часть здания заполнялась обслуживающим персоналом, заместителями директоров, их сотрудниками, работниками самых разных бюро и отделов, новым оборудованием и современными технологиями анализа данных, секциями регистрации входящих и исходящих документов и обширной библиотекой, для него стало абсолютно невозможным освободить это помещение, не вызвав при этом цепной реакции чехарды с кабинетами, которая продолжалась бы минимум года два. Поэтому Фоллард командовал местной станцией Кона Татцу из кабинета, где единственный стол, компьютерная приставка и полдюжины кресел для посетителей скромно стояли в дальнем углу помещения, где можно было бы проводить футбольные матчи на кубок Скопления, с полной трансляцией по «Фри Виду».

Вошла Мора Костюшко, за ней двое морских пехотинцев с сержантскими нашивками и винтовками-пульсаторами, которые лежали на согнутых предплечьях левых рук – как и

положено по уставу. Мора решительно прошла вперед и села в одно из кресел для посетителей, не спрашивая разрешения. Само собой, это было центральное кресло. Пэтти нерешительно задержалась у двери. Фоллард резонно предположил, что она чувствовала себя не в своей тарелке рядом с ним.

– Садитесь, пожалуйста. Всех прошу, садитесь.

Они заняли стоявшие полукругом кресла. Короткие голени и длинные бедра сатиров совсем не соответствовали конструкции человеческого кресла. Однако сатиры вовсе не собирались из-за этого отвергать предложенную честь обращения, как с настоящими людьми. Они сидели в неудобном положении, изредка постукивая о пол раздвоенными копытами, стараясь удержать равновесие. Морские пехотинцы Моры спокойно положили винтовки на паркет. Гиблис просто опустил на корточки возле стола, и его слюна капала на пол.

На одной из конторских книг Фолларда, старательно помещенный в центр стола, лежал черный ящик. От него не отходило ни единого провода, на верхней крышке, под защитной полоской металла, располагалась одна только красная кнопка. Это был пульт управления переброски. Защитную полосу можно было отомкнуть только при помощи специального ключа с семью прорезями, единственный экземпляр которого лежал в кармане у Фолларда.

Он молча отодвинул черный ящик в сторону.

– А теперь, госпожа Костюшко, скажите мне...

– Да, инспектор?

– Как вы ухитрились обратить в свою веру взвод морских пехотинцев Главного флота? Да еще под носом у капитана первого ранга Туэйта?

Оба сержанта настороженно переглянулись.

– Они не служат под командованием капитана Туэйта, – чопорно ответила Мора. – Они только что приземлились в порту на эсминце «Фермопилы». Они знали меня еще на базе Джемини и согласились помочь.

Фоллард посмотрел на сержантов.

– Это правда? У вас были дела на Палаццо, но не с офицером, представляющим интересы флота на Палаццо?

– Мы находились в э-э... увольнительной на берегу, сэр.

– Вы сомневаетесь в моих словах, инспектор? – ледяным тоном потребовала ответа Костюшко.

– Такая у меня работа – сомневаться, моя дорогая. Я предпочитаю, чтобы мою службу не обвиняли в соучастии в краже собственности Космического флота и похищении его личного состава. Вы, несомненно, встречались с капитаном первого ранга Туэйтом?

– Встречалась.

– Тогда вы понимаете причину моей озабоченности? – Фоллард изобразил самую очаровательную из своих улыбок.

Мора Костюшко улыбнулась в ответ, и атмосфера в кабинете немного потеплела.

– Как насчет трех захваченных солдат? – спросила Фиркин.

– Мозговое сканирование занимает около часа. У них нет другого выбора, кроме как сообщить нам все, что им известно.

На столе зажужжал интерком.

– Да?

– Капитан первого ранга Туэйт просит принять его, сэр. Он говорит, дело официальное и срочное.

Фоллард метнул взгляд в сторону Моры и ее морпехов. Она с притворной скромностью посмотрела на него.

– Проводите его ко мне.

Капитан первого ранга маршировал, наклонив голову, будто двигался против сильного ветра. Он почти дошел до самого стола Фолларда, когда внезапно остановился и с удивлением обнаружил, что кабинет полон посетителей. Он переводил взгляд с одного лица

на другое, затем повернулся к морским пехотинцам и к Море Костюшко.

– Так вот вы где! Юная леди, мне следовало бы вас отшлепать. Адмирал всю последнюю неделю поджаривал мне задницу из-за вашего исчезновения. Вы пробрались на планету, захватили катер, находящийся на боевом дежурстве, плюс отделение десантных войск, летаете черт знает где, а затем бросаете катер посреди площади. И все это ради того, чтобы полюбезничать с полицейскими агентами и инопланетянами, в то время как ваш отец...

– Капитан! – вставил Фоллард. – Вы ведь пришли сюда не только для того, чтобы рассказать о пропавшей корабельной шлюпке, не так ли?

– Что? Нет, не для этого. Или не только для этого – пока я не подошел поближе и не увидел, где она припаркована. Я получил... э-э... рапорт, что вы задержали одного человека, которого я хочу увидеть.

Фоллард вынул авторучку и принялся рисовать чертиков на листке бумаги.

– Имя задержанного?

– Бертингас Тадеуш. Прежде работал в Бюро коммуникаций Скопления. Кажется, бывший заместитель директора.

Халан положил ручку на стол.

– Таких задержанных здесь нет.

– О, тогда, значит, я...

– Неверно информированы? Такое возможно. А где вы услышали эту невероятную историю? И почему вы говорите «бывший»?

– Ну, я посчитал, раз его обвиняют в каком-то преступлении...

– Против советника не выдвинуто никаких обвинений.

– Значит, вам известно, где он?

– А как же! Здесь, в этом здании, отдыхает. Этим утром его спасли после тяжелых испытаний в предгорьях, следствия авиакатастрофы. Моя служба оказала некоторую помощь в проведении спасательной операции, так же, как и ваши морские пехотинцы, действовавшие под оперативным управлением госпожи Костюшко.

Он кивнул Море.

Мора кивнула ему в ответ.

Туэйт пристально смотрел на обоих.

– Могу ли я узнать, почему вы с таким нетерпением, – продолжал Фоллард, – желаете встретиться с советником?

– У нас возникли помехи на стандартных интерферентных каналах. Возможно, по естественным причинам. Но более вероятен саботаж. Ну, что бы там ни было, я хотел получить доступ к средствам связи, принадлежащим Скоплению.

– Поэтому вы пришли сюда побеседовать об этом с предполагаемым задержанным? Почему бы не обратиться к самому директору, Селвину Прейзу?

– Тут замешаны вопросы... м-м... секретности.

– Вы не доверяете Прейзу?

Туэйт осматривал их всех: Фиркин, гиблиса, сатиров, собственных морпехов, Мору.

– Говорите открыто, – настаивал Фоллард. – Где еще, как не здесь.

– Я больше не знаю, кому вообще можно верить. Все эти торговцы, лендлорды, марионетки из Главного центра. По крайней мере, Бертингас – ну...

– Настолько наивен, что не может не быть лояльным? – предложил свою формулировку Фоллард.

– Вы выразили мою мысль очень изящно.

– А как вы думаете, зачем бы мы так старались вытащить его из этих лесов? Итак, вы полагаете, что ваши собственные каналы связи вышли из строя вследствие диверсии. Что вызвало у вас подобное подозрение?

– Содержание последнего, полученного нами с сильными искажениями, сообщения с Джемини указывает на то, что база атакована неизвестными силами. Мы больше не

получили ничего за прошедшие тридцать шесть часов, и, пока не появились «Фермопилы», у нас не было ни одного патрульного корабля, который можно было бы послать на разведку. А потом кое-кто уводит катер капитана.

Тут он опять сердито посмотрел на Мору.

Она побледнела.

– А папочка? – еле слышно сказала Мора. – У вас нет никаких?..

– Тот фрагмент передачи, который удалось расшифровать, сообщает о сферической атаке с участием гораздо большего количества военных кораблей, чем, как я искренне полагал до сих пор, находилось в космосе в пределах трех диаметров Скопления. Если это так, может случиться, что Джемини больше не существует.

Халан Фоллард больше следил за капитаном, чем за реакцией девушки. Туэйт получал удовольствие, пугая ее.

– Но мне нужно... – начала было говорить Мора и запнулась.

Во время этой паузы сотрудница лаборатории Фолларда стукнула два раза в дверь и вошла, не дожидаясь приглашения.

– Инспектор, мы получили информацию от пленников. Если вам хочется ее узнать...

– Давайте ее сюда, – сказал Фоллард, указывая на большой экран, висевший на боковой стене между двумя чересчур резвыми купидонами. – И пожалуйста, вкратце. Только самое важное.

Лаборантка кивнула, повернулась к выходу и натолкнулась на Тадеуша Бертингаса, который как раз входил в кабинет.

Если не считать нескольких царапин и обломанных ногтей, советник выглядел таким же бодрым и учтивым, как всегда. Вместо своей, обычно безупречной формы Бюро коммуникаций он был одет в полевую камуфляжную форму без знаков различия, позаимствованную у Фолларда. Форма неплохо сидела на нем, разве что пришлось подвернуть рукава.

– Всем привет. – Он улыбнулся и помахал рукой.

– Тэд! – Мора опять обрела дар речи. Она вскочила, подбежала к нему и бросилась в его объятия, обхватила руками за шею и прижала лицо к его груди. Фоллард потратил примерно секунду, чтобы как следует убедить себя, что этот жест не является признаком радости – она просто прижалась к Тэду в поисках защиты.

– Я тоже рад видеть тебя, – произнес Бертингас.

– Не только это, Тэд. На Джемини напали. Может быть, уничтожили.

– Боже мой!

– Много кораблей. Очень много кораблей. Целый флот. Такой флот, как мы...

– О нет! – воскликнул Бертингас. – О всемилостивейший! Ты думаешь, это... Что Чора Маас сказал нам... насчет...

– Хай-кен Ма-ру. – Густой голос, словно из груди мамонта, медленный, запинаящийся, какой-то замороженный. Экран на боковой стене загорелся, и появилось лицо одного из захваченных солдат. Посиневшие губы безвольно отвисли, слезы наворачивались на пустые, лишенные проблеска мысли, голубые глаза. Пока все в кабинете Фолларда смотрели на это лицо, на экране появилась чья-то рука с марлевым тампоном и вытерла солдату пот со лба.

– Повторите ваше задание, – попросил чей-то приглушенный голос за пределами экрана. Он произносил слова нараспев, в такт метроному, настроенному на частоту пульсации мозгового сканирования.

– Бе-зо-пас-ность.

– Где получили задание?

– Штаб.

– В штабе? Где находится штаб?

– Ост-ров Хай-кен Мару.

– Почему вы были в горах?

– Захва-тить их ли-нии свя-зи.

- Вам это не удалось.
- Мы при-были най-ти пре-да-те-ля.
- Прибыли *убить* предателя?
- Найти его, слиш-ком це-нен...
- Кто этот предатель?
- Вы-со-кий пост.
- Почему он предатель?
- Он зна-ет сек-рет.
- Какой секрет?
- Никто не го-во-рит сек-рет.

Изображение на экране застыло, и раздался голос лаборантки.

– Мы записали весь допрос, инспектор, но дальше все идет по кругу. Вы слышали самый лучший фрагмент наиболее осведомленного из них. Эти парни в целом ничего не знают.

– Благодарю, – произнес Фоллард. – Отключите нас.

Он повернулся к Бертингасу, который все еще стоял в обнимку с Морой, уставившись на экран.

– Ты мог бы и оставить того офицера в живых, – сказал ему Фоллард. – У нас было бы больше шансов выудить что-нибудь полезное из него.

– Прости. Он также имел больше шансов прикончить меня.

– Так что это за информация, Тэд?

– Что Хайкен Мару использует свою крепость на острове Батавия для вооружения торговых судов. Создают себе большой флот, быстро и дешево. Это делает их равными если не по мастерству и боеспособности, то хотя бы по численности Космическому флоту. Чора Маас рассказал нам об этом примерно десять дней назад, но я не знал точно, кому следует это сообщить. Похоже, я ждал слишком долго... Мне очень жаль, Мора.

– Кто такой Чора Маас? – спросил Фоллард.

– Один из моих контактеров среди инопланетян – цернианин, рекомендованный в качестве источника рекрутов для сил самообороны, которые мы создаем для защиты систем коммуникаций Скопления.

– Кем рекомендованный?

– Селвином Прейзом.

– Тогда, наверное, у тебя были причины колебаться?

– Наверное. И все-таки если бы я сказал тебе или Туэйту...

– Откуда ты знаешь, что он лоялен? – вмешалась Мора, и Фоллард не стал ее обрывать.

– Ну, я не знаю. Но...

Костюшко повернулась к Туэйту и начала сверлить его взглядом.

– Что вы сделали, капитан первого ранга, что конкретно сделали за последние дни, чтобы Скопление Аврора сохранило верность Пакту? И что вы собираетесь сделать?

– Ну, с теми силами, что у меня есть, – пролепетал он, – один средних размеров эсминец сомнительной боеготовности, только что вернувшийся из длительного патрулирования, да еще два таких же эсминца, связь с которыми сейчас отсутствует, корабельная шлюпка да горстка морских пехотинцев, которые склонны дезертировать со своих боевых постов – ну, я просто не уверен, что именно я могу тут сделать.

Бертингас пристально смотрел на капитана первого ранга.

– Разумеется, ты знаешь это, Террел. Всегда существует то, что любой из нас может сделать...

– Инспектор! – прервал их интерком на столе у Фолларда. – Один из пленников только что скончался. Двое других тоже умирают, и они...

– Нет, только не это!

– Именно это! Тело только что умершего каким-то образом передает радиосигналы на четырех частотах, которые мы смогли запеленговать, и возможно, запеленговать остальные

мы просто не успели... Служба наблюдения докладывает, что они засекли аэрокар, который идет на небольшой высоте, у него нет передатчика опознавательных сигналов, он не отвечает на наши запросы. Что мне следует?..

Прежде чем голос из интеркома закончил фразу, Фоллард как кошка прыгнул на стол и одной рукой схватил черный ящик, другой выхватил из кармана брюк ключ. Когда он спрыгнул со стола на пол, все, кто был в комнате, услышали доносящийся снаружи визг пикирующей машины. Халан Фоллард подцепил пальцем сетку и надавил на красную кнопку.

Протяжный звук ударил по барабанным перепонкам – гораздо сильнее, чем должен был ударить, по мнению Фолларда. Сейчас он слышал этот звук изнутри коллапсирующего поля.

«17. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ОТЧАЯННЫЙ ЗАМЫСЕЛ»

Любой, кто хоть раз совершал путешествия за пределы своей планетной системы, моментально узнает ощущение нуль-перехода. Когда физические размеры тела во время инверсионного коллапса уменьшаются до некой определенной величины, центральная нервная система мгновенно на это реагирует. Во время межзвездного прыжка – и это было доказано, хотя выводы ученых кое-кто и оспаривал – человек какой-то момент находится в состоянии клинической смерти.

Это чувство было знакомо Бертингасу, хотя он испытывал его только в противоперегрузочной сетке на борту корабля. Он никогда не совершал гиперпространственных переходов стоя и никогда не совершал их внутри здания. В результате он с размаху уселся на пол. В следующую секунду Мора Костюшко вышибла из него дух, приземлившись прямо ему на живот.

Здание штаб-квартиры Кона Татцу тряслось и ходило ходуном. На лицо Бертингаса сыпались с потолка струйки гипсовой пыли. В одном углу кабинета часть лепнины – резная цветочная гирлянда и поддерживающий ее гипсовый ангел – рухнула на пол. Экран головизора на стене раскололся, и посыпались искры.

Гиблис явно перепугался: он рычал и щелкал зубами.

– Что это было? – спросил Бертингас. – Землетрясение?

Пэтти Фиркин, которая тоже упала на пол, села и замотала головой.

– Мы прыгнули! Ей-богу, мы прыгнули! – с восторгом сказала она.

– Куда это?

– Недалеко, – ответил Фоллард, который сидел за столом. – Примерно на пятнадцать километров вверх по долине. Всего-то.

– Это еще зачем? – спросил Бертингас.

Он снял с себя Мору и положил ее на пол, но все-таки продолжал обнимать ее одной рукой – чтобы та чувствовала его поддержку и защиту.

– Боюсь, это секретная... – начал было Фоллард.

– Клянусь искалеченной Кали! – заорал на него Бертингас. – Мы оставили яму шириной девяносто метров в самом центре Мейербера. Даже этот болван Регис Салли поймет, что случилось. Так что нечего темнить и напускать секретность. Давай выкладывай: зачем ты это сделал?

– В последнем рапорте службы наблюдения говорилось о неопознанном аэрокаре, который приближался к зданию. Наши аналитики предположили, что эта машина могла преодолеть систему защиты и доставить к зданию атомную бомбу.

– Она что, взорвалась?

– Не знаю, я успел добраться до выключателя, и здание провалилось в гиперпространственную дыру еще до взрыва... Черт, я запутался! Откуда мне знать, взорвалась эта бомба или нет?

Двустворчатые двери кабинета с грохотом распахнулись, и на пороге появились трое охранников Кона Татцу, вооруженные пульсаторами.

– У вас все в порядке, сэр? – спросил один из них, старший по званию.

– Травм нет, легкие ушибы. Ничего серьезного.

– Очень хорошо, сэр.

– Она взорвалась? – повторил Бертингас, на этот раз обращаясь к охранникам.

Те уставились на него, не понимая, о чем он спрашивает.

– Бомба в Мейербере. Та, которую нацелили на нас. Давайте узнаем, существует ли еще город – и правительство Скопления тоже.

Три головы повернулись к Фолларду.

– Сделайте это, но осторожно. Используйте легенду, разработанную на случай исчезновения нашего здания.

Все трое кивнули и исчезли.

– У вас есть легенда? – съязвил Бертингас. – Интересно, смогу ли я в нее поверить? Что-нибудь вроде блуждающей черной дыры, которая взяла, да и встретила нас совершенно случайно. Кстати, ты что, *ждал гостей* ?

– Конечно, – ответил Фоллард. – Это же ты их привел. Куда бы ты ни пошел, Тэд, за тобой всюду следуют убийцы.

– Я слышал слово «предатель». Но кого я, скажи на милость, предал? Я обладаю – мы с Морой обладаем – секретными сведениями о боевом флоте Хайкен Мару. Но это не делает меня предателем Хайкен Мару. И не делает меня предателем Пакта. – Он метнул свирепый взгляд на Террела Туэйта.

– Прямо перед прыжком, – произнес Фоллард, – ты говорил что-то насчет действий, которые можно предпринять. Всегда существует то, что любой из нас сможет сделать. Что ты хотел этим сказать?

– Ну-у... – Тэд порывлся в памяти. – Если во всем этом деле и существует общее звено, так это Хайкен Мару. Элидор, генеральный представитель Хайкен Мару, пытался меня завербовать. Помнишь тот день, когда я рухнул в озеро возле Дворца? Это он попытался убить меня, когда я отказался сотрудничать с ним, я в этом уверен. Хайкен Мару инвестировала огромные капиталы в Скопление Арахна. Конгломерат пустил там корни глубже, чем здесь, на Авроре.

– Итак, ты имеешь в виду, что они объединились со Спайлом? – быстро подхватила Мора.

Тэд подумал и отрицательно покачал головой.

– Нет, это скорее отвлекающий маневр. Спайл, разумеется, человек амбициозный, но он слишком неуравновешенный, чтобы суметь захватить и удержать Высокий трон. Элидор старается вовсю, чтобы поставить на секретарство этого самого Виллема Боркинга.

– Или чтобы он получил трон Высокого секретаря автоматически, после того как Спайл развяжет гражданскую войну, – сказал Фоллард.

– И как Спайл это делает? – спросил Бертингас.

– Он начал достаточно грамотно, – заметил Туэйт, – применил классический метод внезапного нападения на базу Джемини. Отправил туда целый флот торговых судов, переделанных в боевые корабли. Но если рассуждать здраво, Спайл не сможет победить в открытом сражении объединенные силы Скопления и Космического флота. В конце концов он проиграет.

– Но как далеко он успеет зайти? – настаивал Бертингас. – Смотри, какой ущерб он нанес Джемини. Он зайдет так далеко, как ему позволит Хайкен Мару.

– Если только... – подсказал Фоллард.

– Если только мы не вмешаемся. Немедленно. Отсечем эту третью военную силу от ее источника.

– Я не могу начать наступление на Арахну! – воскликнул Туэйт. – Это развяжет ту самую гражданскую войну, которой добивается Элидор.

– Не на Арахну. Настоящие изменники – это Элидор и Хайкен Мару. Я бы сказал, надо поднять карающий меч на Батавию. Не позволить ей снарядить новые вооруженные корабли.

Туэйт прищурился и посмотрел на него.

– Немного амбициозно, не так ли? Нам понадобится гораздо больше огневой мощи, чем я в данный момент имею под руками.

– Мы можем обратиться к Диндыме и к вооруженным силам Скопления под его началом, – указал Бертингас. – У них есть корабли.

– Немного. И не слишком хорошие...

Фиркин кивала головой в раздумье.

– Нам нужен план скоординированной атаки, – сказала она. – Надо побольше узнать про оборонительные устройства на острове и лучше определить их системы снабжения. Хайкен Мару предусмотрительно разместила свою штаб-квартиру в другом полушарии и полностью контролирует ближайшие точки перехода в гиперпространство. Там их не достанешь.

– Тогда мы ударим по ним с орбиты.

– Та же проблема: нечем, нет кораблей.

Фиркин поджала губы.

– Твой план, Тэд, – это нарушение прав частной собственности. Пакт очень строго определил правила торговли. Корпорации ведут собственный бизнес. Нам потребуются неоспоримые доказательства их измены, иначе губернатор Салли не позволит использовать вооруженные силы Скопления.

– Как насчет снабжения оружием без экспортной лицензии?

– Уверена, что формулировки лицензий Хайкен Мару составлены так тщательно, что исключают всякие обвинения в чем бы то ни было.

– Из того, что вы все тут наговорили, – надменно произнесла Мора Костюшко, – я поняла одно: все вы – бесхребетники какие-то. Если вы хотите остановить Хайкен Мару – сделайте это. Если вы победите, губернатор найдет для вас любое оправдание. Если вы проиграете, тогда Боркинг займет Высокий трон, и мы все окажемся в луже.

Туэйт разглядывал носки своих ботинок.

– Что ж, в чем-то вы правы, – сказал он.

– Халан, – повернулся Бертингас к своему другу. – У Кона Татцу действует своя собственная юридическая система. Ты формально являешься одновременно и судьей, и Большим жюри – если я правильно запомнил одну из наших пьяных бесед.

– Ну, пожалуй, да...

– Можешь ты подготовить какие-нибудь судебные постановления, предписания о задержании, повестки, санкции на арест – ну, что там еще требуется, какие документы... Что-нибудь для владельцев частной корпорации, надлежащим образом зарегистрированной под названием «Батавия», с требованием «выказать надлежащее усердие и немедленно прекратить любые действия, прямо или косвенно связанные с установлением боевых орудий на космические корабли общегражданского назначения, равно как и продажу оснащенных таким образом кораблей без специального на то разрешения, выданного органами управления»- и т.д., и т.п. Можешь?

– Полагаю, что да. Но как ты собираешься заставить их подчиниться такому судебному постановлению?

– При помощи армии, – улыбнулся Тэд.

– Это как же?

Бертингас указал инопланетян, сопровождающих Фиркин.

– Нет-нет, что вы, сэр, – робко произнес один из сатиров.

– Только не мы, сэр, – сказал другой рекрут с мохнатыми ногами.

Гиблис что-то прорычал и злобно уставился на него.

– Вы подписали контракт, – сказал им Бертингас. – Значит, обязаны исполнять приказы и действовать в соответствии с распоряжениями вашего командира... То есть меня.

– Мы и в самом деле не очень готовы вести бой, сэр.

– Но кажется, вы неплохо все усваиваете. Мне так показалось, по крайней мере.

– Все не так просто, сэр.

– Пэтти, они умеют развертывать боевой строй? Будут они стойкими под огнем? Они могут сражаться?

Крепкая коренастая женщина прищурилась и посмотрела на троих инопланетян. На какой-то миг она сделалась тем самым полковником, которым она и была при других обстоятельствах.

– Некоторые будут. Большинство будет.

– В таком случае, Халан, мы выполним твои постановления – или разнесем остров вдребезги, пытаясь это сделать.

– А Дейдра Салли прекрасно разберется во всех наших уловках. Она скатает меня, тебя, Кона Татцу и весь твой департамент в маленький плотный шарик и вручит всех нас на серебряном подносе прямо в руки взбешенного Валенса Элидора. Чтобы тот поступил с нами, как ему заблагорассудится.

– Нет, она этого не сделает, – произнес Тэд и мрачно улыбнулся. – У нее не останется выбора.

– Откуда ты знаешь?

– Да уж знаю.

Серый грузовичок, который вышел из гаража, расположенного прямо в здании Кона Татцу, приземлился на посадочную площадку сто двадцать третьего этажа. Обычно обслуживающий персонал площадки приветливо встречал такие машины и охотно оказывал помощь их водителям. Однако этот грузовик, с эмблемой в виде двух молний на борту, был похож на те, в которых, по мнению большинства людей, перевозили заключенных из тюрьмы в Нижние лагеря. Такие машины обслуживающий персонал старался вообще не замечать.

Пролетая над центром города, Тэд отыскал взглядом яму на том месте, где раньше находилась штаб-квартира Кона Татцу. Яма представляла собой огромную правильную полусферу. Солнце все еще высушивало остатки влаги из почвы и спекало землю на дне ямы в сухие коричневые комья – за исключением тех мест, где из оборванных труб хлестала вода. В центре ямы виднелись квадраты – остатки чисто срезанных инверсионным полем свай, которые здесь, в мягком грунте речной долины, приходилось забивать в скальное основание – каким бы оно ни было на планете, состоящей из легких минералов. Тэд мельком увидел оборванную канализацию, электрический кабель и коммуникационные световоды, концы которых висели в воздухе.

Невозможно вернуть здание Кона Татцу назад. Это совершенно исключено. Скорее всего, придется бросить на произвол судьбы эту грудку камня, стали и гипса, что находится сейчас далеко в долине, эту яму закопать и выстроить новые хоромы.

Да, в хорошую историю вляпался Фоллард, только чтобы защитить его! Бертингас почувствовал благодарность – а у любого заговорщика это самая вредная для здоровья эмоция.

На подлете Тэд задействовал анонимный ПИР грузовичка и дал Джине сигнал. И вот она появилась на площадке, постояла в нерешительности, разглядывая машину, а затем забралась внутрь.

Он немедленно взлетел и принялся кружить над городом. Джина долго молчала и даже не поворачивала в его сторону голову.

– Мы все думали, что ты мертв. Или в тюрьме, – наконец сказала она.

– Знаю. Это было бы самым лучшим вариантом кое для кого... Кстати: как директор Преиз воспринимает мое исчезновение?

– Он ходит и улыбается. Конечно, он и раньше постоянно улыбался, но сейчас он просто цветет от счастья. Он говорит, что ты был хорошим парнем, но что он найдет тебе достойную замену.

– Может, он ее уже нашел?

– Ходят слухи...

– Кто это?

– Я. Но это только слухи. Болтовня за чашкой кофе. Да ты и сам знаешь, как это бывает.

– Конечно. – Тэд помолчал, затем заговорил снова: – Может, мне лучше вернуться?

– Ты имеешь в виду?.. Ну, я тебе не конкурент, права качать не буду. Я буду с тобой работать. Я не уверена, что справлюсь с такой ответственной работой, как твоя...

– Я ценю это, Джина. Правда... Как отреагирует Прейз, если я вернусь?

– Думаю, будет разочарован.

– Все же я его единственная ниточка к тем рекрутам, которых он так сильно хотел иметь, не так ли?

– Кажется, он потерял интерес ко всему этому.

– А-а-а. Просто как занятие для плохого мальчика в Бюро. Классический политический гамбит.

Джина кивнула, затем посмотрела на него.

– Ты похудел. Посерьезнел. Стал уверенней в себе.

– Когда в тебя постоянно стреляют и не попадают, поневоле станешь. Как однажды сказал сэр Уинстон Черчилль... Мы все еще получаем средства для финансирования тех тренировочных лагерей, правильно?

– Да, директор, кажется, забыл перекрыть этот денежный канал.

– Небрежное обращение со средствами Бюро. Не похоже на него. Можешь прикрыть меня с тыла и продолжать качать деньги? Не обращая внимания на то, что скажет или сделает директор?

– Полагаю, что смогу. Если только Прейз не отдаст мне прямой приказ закрыть базу. Или пока он не начнет сам выяснять, куда это уплывают средства... А что? Тебе нужны деньги?

– Нет, мне нужны базы, войска и полное снаряжение для них – на какое-то время. Невзирая на желания Прейза.

– У тебя неприятности?

– С самого начала, Джина. У нас у всех неприятности. Если я правильно понял, эти инопланетные – извини, состоящие из представителей других рас – войска могут оказаться единственными, кто встанет между Пактом и всеобщей гражданской войной.

– Я сделаю все, что смогу.

– Хорошо. Мне нужно кое-что еще. – Он запустил руку во внутренний карман кителя и вытащил пачку исписанных от руки листков. – Ты помнишь нашу беседу – кажется, это было так давно – насчет Хайкен Мару?

– Думаешь, я смогу когда-нибудь ее забыть?

– Нет, разумеется, нет. Мне нужно сделать прямо сейчас то, о чем мы тогда говорили. В этих записках излагается общая идея и подтекст, который должен прозвучать. Все остальное – на твое усмотрение. Ты знаешь, как с этим справиться. Имена зашифрованы – на случай, если кто-нибудь вытащит у тебя эти листки. Скажу только, с чего тебе начинать: считай, что ты получила эти записки из Дворца. Тогда тебе все станет ясно.

– Из Дворца... Это опасно, Тэд.

– Конечно, опасно. Я же сказал: мы – единственные, кто стоит между Пактом и хаосом. Будь осторожна.

– Ты, должно быть, очень доверяешь мне. После всего...

– Разумеется, я тебе доверяю, – сказал Тэд.

«У меня нет другого выхода», – подумал он.

Бертингас снизился и посадил грузовичок на улице, рядом со станцией монорельса, ведущего к Правительственному блоку. Обратно Джина доберется сама.

– Будь осторожна, – сказал он, – но не слишком нервничай. Мы же с тобой всегда знали, что ты можешь сделать то, чего я, как более заметная фигура – а теперь еще и в бегах – никогда бы не смог сделать лично. Верно? И к тому же ты всегда можешь выйти сухой из

воды.

Она кивнула.

– Если кто-нибудь спросит – ты меня не видела, ничего обо мне не слышала, искренне желаешь моей смерти и хочешь занять мое место. Поняла?

Джина попыталась улыбнуться и не смогла. В последний раз она обняла Тэда, притянула к себе и поцеловала. Тэд опять ощутил странную сладость ее губ, словно в плавильном тигле сплавляли, а затем остудили бронзу и серебро. Он ответил на ее поцелуй.

Наконец она отпустила его.

– Ты тоже береги себя, – сказала Джина и выскользнула из кабины.

Тэд нажал на газ, пропеллеры загудели, и поток воздуха растрепал прическу Джины и закрутил ее юбку. Джина помахала Тэду рукой, повернулась и пошла к станции монорельса.

Пэтти Фиркин выглянула из-под брезента, убедилась, что Джины в кабине грузовика уже нет, и перебралась на то сиденье, которое только что покинула Джина.

– Ты гладко все это проделал, Бертингас, – сказала она, устраиваясь поудобнее.

– Да-а, слишком гладко.

– Думаешь, она все это сделает?

– Конечно. Ради меня – сделает. Потом будет расследование. Ее схватят. И люди, которые станут ее допрашивать, будут не такими мягкими, как Фоллард. Ее разорвут на куски. И она об этом знает. И тем не менее она сделает то, что я прошу.

– Нам больше и не надо, Тэд.

– Ради этого проклятого Богом Пакта.

– Именно ради проклятого Богом Пакта, – эхом отозвалась Фиркин. Она машинально потерла предплечье, где – Бертингас знал – была тонкая красная линия кольцевого шрама.

«18. ВСЕ СРАЗУ: СМЯТЕНИЕ»

Комплекс, где размещалось командование вооруженных сил Скопления, поражал воображение.

Пока Террела Туэйта пропускали через главный вход, предназначенный для посторонних лиц, вели по отделанным хромированной сталью и гранитом коридорам, проводили идентификацию голоса, идентификацию радужной оболочки глаза, проверяли отпечатки больших пальцев и отпечатки мизинцев, проверяли кровь и просвечивали рентгеном тело, он спокойно отмечал те способы, которыми люди Диндымы пытались произвести на него впечатление. Однако его ощущения были иными.

Первое – это ощущение полной изоляции. Его не давал ни один кабинет или даже этаж Правительственного блока. И ни одно вспомогательное строение возле Дворца, который сам по себе являлся просто нагромождением стекла и стали, не давало такой изоляции. И ни один особняк наподобие здания Кона Ташу, с резьбой по камню и гипсовой лепниной, не казался командованию Скопления достаточно надежным.

Нет, нужно было взять несколько сотен гектаров холмистой местности к северу от города, обнести их колючей проволокой, установить электронные системы обнаружения и начать строительство собственных зданий.

Сами эти здания тоже впечатляли. Их внешний облик, как случайно узнал Туэйт, был скопирован с какого-то аббатства начала второго тысячелетия до эры Пакта. Аббатство это находилось на Земле, на территории бывшей Франции. Все размеры аббатства умножили на 2, 471 – но почему взяли именно этот коэффициент, никто толком не знал. На Земле стены зданий были сложены из квадратных блоков темного камня. При новых, увеличенных размерах архитекторам пришлось установить каркас из стали и бетона, затем облицевать его полированным гранитом изнутри и снаружи. Там, где не хватило камня или не справились каменщики – там узорчатые башенки, резные карнизы и фронтоны были воспроизведены в соответствии с оригиналом из хромированной стали. Эффект от подобного смешения стилей был прямо противоположным ожидаемому: ощущение суровости, жестокости, грубости,

мрачности – в общем, всего того, что напоминало об обитателях этого строения – играющих в войну солдатах.

Третьим было ощущение вздорности. Туэйт предъявил на входе свои документы со всеми электронными кодами. Взятие пробы костного мозга – крайне болезненная процедура – ничего бы не решило и не добавило.

Пройдя с полмили под солидной охраной внутри «аббатства», Туэйт вошел в приемную генерала Диндымы. И вот уж его-то кабинет и был по-настоящему грандиозным – куда там до него бальному залу Халана Фолларда. Да что там грандиозным – просто необъятным!

Офис командующего располагался в том месте, где в старом аббатстве стояла главная часовня – или правильно сказать: главный собор? Колонны из камня и металла уходили ввысь сразу за инкрустированными дверями, и смыкались под сводами, и очень напоминали деревья на планетах с низкой гравитацией. Украшение на дальней стене, однако, было подлинным произведением искусства. Сделанный из светлой древесины барельеф изображал какую-то ритуальную пытку. Это впечатляло. Барельеф был очень красивым, но подробней рассмотреть его мешал толстый слой пыли.

Перед барельефом находилась плита из черного камня, которую поддерживали бронзовые фигурки: тринадцать бородатых старцев, закутанных в хламиды. Полониус Диндыма использовал эту плиту как свой рабочий стол. Туэйт знал, что внутри плита была пустой и в ней находилось множество сложного оборудования: ПИР – имитатор боя, компьютер системы космического слежения, планшеты тактических голограмм, курсовой куб пространственного контроля – и все это для того, чтобы отслеживать каких-то четыре жалких эсминца и бомбардировщик, который никогда не покинет пределы системы, кроме как на буксире.

«Ну, ну, – укоризненно сказал себе Туэйт. – Соблюдай приличия. Окажи старику почет и уважение».

– А, Террел! – Диндыма приподнялся с кресла, чтобы поприветствовать гостя.

– Генерал! Как замечательно, что вы нашли время принять меня, несмотря на прискорбно короткое уведомление с моей стороны.

– Благодарю, – вежливо кивнул пожилой генерал. – Всегда готов оказать любезность собрату по оружию.

– Спасибо. Больше чем любезность – на этот раз.

– У вас ко мне есть какая-то просьба?

– О нет. Я пришел поблагодарить вас за быстрый отклик.

– В отношении?..

– А! Этот кабинет имеет защиту от подслушивающих устройств, не так ли? Даже самых близких помощников и адъютантов время от времени следует подозревать в шпионаже. Все эти колонны и укромные уголки, – Туэйт обвел рукой огромный кабинет, – должно быть, напичканы микрофонами?

– Мы осматриваем и проверяем их ежедневно. – Генерал набрал в грудь воздуха и громко чихнул. – Не волнуйтесь насчет своих секретов. Давайте, выкладывайте их!

– Да, разумеется. Я насчет ваших приготовлений по оказанию помощи Космическому флоту в его защите против нашего общего противника.

– Ну конечно, никаких проблем в отношении «общего противника», вы сказали? Кто бы это мог быть?

Туэйт опустил голову и посмотрел на генерала исподлобья.

– Вы ведь получили секретные приказы от ее превосходительства, правда?

– Гм, разумеется. Могу заверить вас – мы получили самые теплые... Секретные приказы? Да, но... Гм... Нет. Никаких секретных приказов.

– А! – Туэйт притворился, что смущен, прикрыл глаза рукой, опять открыл и улыбнулся: – Должен сказать, я восхищен вашей выдержкой, генерал, и вашей верностью канонам секретности. Вы показали мне, что значит быть преданным своему долгу.

– Вы слишком добры ко мне, Террел. Я уверен, здесь какая-то ужасная путаница. Как

результат появления нового главы администрации во Дворце. Скажите мне, если бы я получил такие приказы, знал бы я тогда этого «нашего общего противника»?

– Разумеется, сэр. Вы бы просто кипели энтузиазмом.

– Кипел? Да! – Генерал почти что захлопал от радости в ладоши. – Ну а теперь – предположим, что произошло недоразумение из-за этих штатских в администрации... Не могли бы вы немного просветить меня относительно этого противника?

– Конечно. Это военный объект.

– Ага! Военный. Как раз по нашей части. Укрепленный?

– Кое-кто может сказать, что да.

– Его можно подавить тактическими силами?

– Вполне.

– Есть ли у объекта название?

– Есть.

– Можно его узнать?

– Хайкен Мару.

– Хайкен... Нет-нет, это невозможно! Ее финансовая и торговая деятельность является основой экономики Скопления.

– Так же как ее гнусное предательство может разрушить это Скопление, – парировал Туэйт.

– Я уверен, губернатор показала бы каким-нибудь спосо...

– Губернатору в эти непростые времена приходится действовать в определенных рамках.

– Конечно, конечно. Хайкен Мару, говорите? Да-а, никогда бы не подумал. У вас, разумеется, есть доказательства?

– Десять кораблей уничтожены или повреждены во время массированной атаки. Все признаки указывают, что Хайкен Мару несет за это ответственность. Мы даже захватили пленных.

– Пленных?

– Они оказались очень разговорчивы.

– Гм, да... Наша помощь, капитан первого ранга, в данных обстоятельствах будет сравнительно невелика. У нас есть четыре порядком изношенных эсминца и один планетарный бомбардировщик, чьи возможности далеки от желаемых...

– При нынешнем кризисе каждый род войск служит в меру своих возможностей, генерал. Мы должны использовать все возможности до конца даже тогда, когда нам остается только капитулировать перед превосходящими силами противника.

– Да?... Хорошо сказано, капитан первого ранга! Без гипердвигателя, однако, наша «Брошь Шарлотты» будет просто неподвижной целью на орбите. Менее эффективна, чем даже ваша база Джемини – прошу прощения за печальную ссылку, но такова правда.

Туэйт мрачно кивнул.

– Так что вы сами видите... – Генерал хлопнул себя ладонями по коленям.

– На этот раз объект не более подвижен, чем «Брошь», сэр.

– А? Нечто вроде линии Мажино, этот ваш укрепленный объект?

– Наподобие.

– И под контролем Хайкен Мару?

– Именно.

– Существует только один подобный объект во всем Скоплении, который соответствует описанию. Наверняка губернатор не предлагает...

– Не в открытую. Пока нет.

– Она даст добро, когда это потребуется? – Генерал пожевал губами.

– Меня заверили в этом.

– Тогда я займусь подготовкой соответствующего плана действий. Во имя нашей взаимной обороны.

– Превосходно, генерал.

Туэйт достаточно разбирался в политике, чтобы не давить дальше. Он быстро встал, поклонился и направился к выходу.

– Одну секунду, капитан первого ранга! – окликнул его Диндыма. – Что, если нам придется встретиться с превосходящими силами? Капитуляция, даже на почетных условиях, не предусмотрена Уставом вооруженных сил Скопления.

– Что ж, генерал, – ответил Туэйт, остановившись всего лишь в трех метрах от двери, за которой его задница будет в безопасности. – В таком случае мы все воспользуемся привилегией не дожить до пенсии. Честь имею, сэр!

– Попробуй еще раз.

Пэтти Фиркин просунула руки в игровые перчатки-манипуляторы, присоединенные к имитатору боя, и начала собирать наземные силы. В голографическом пространстве, которое контролировал ПИР, видны были стены и башни крепости. Когда-то ее форма повторяла естественные очертания береговой линии острова, появившегося в результате обмеления внутреннего моря Палаццо, но теперь крепость представляла собой сплошь прямые линии и установленную под углом, для рикошета снарядов, броню. Многоугольные бастионы и высокие сторожевые башни, навесные бойницы и выступы стен заходили далеко в воду, и от этого береговая линия походила на зубастую пасть. Батавия сплошь состояла из стальных башен и редутов.

Или, правильнее, такой изображал Батавию их имитатор боя, который использовал планы крепости столетней давности, найденные в архивах Кона Татцу.

Пэтти предприняла клещевой подход, разделив свои войска на две бригады, и повела одну через наземный мост – который, несомненно, будет заминирован. Другая бригада предприняла воздушную атаку на небольшой высоте. Обманный маневр, отход, бой.

Плазменные установки на мосту открыли перекрестный огонь и уничтожили треть атакующих. Компьютер окрашивал «убитых» в желтый и голубой цвета. Но это будет плоть и кровь – или какая там жидкость содержится в телах черниан, сатиров и гиблисов, – когда придет время драться по-настоящему.

– Я не знаю, как тебе удалось это сделать! – запротестовала Пэтти, указывая на пересекающиеся линии раскаленной плазмы в голографическом кубе. – Магнитные заряды должны нейтрализовать друг друга.

Халан Фоллард пожал плечами:

– Имитатор боя знает лучше. Внутри орудия плазма контролируется магнитным полем, это понятно. Однако покинув ствол, ее поток летит по инерции. Он устремляется туда, куда ты его направишь.

– Бесплезная трата времени, – заметила Сакс. Сурианка пошевелилась и свилась в кольцо.

– Почему это? – спросил Фоллард.

– Я почти уверена, что сейчас остров накрыт непрозрачным отражающим экраном. Даже если в твоих архивах об этом ничего не говорится.

– Чертовски дорого – установить Купол над целым островом, – сказала Пэтти. – Вспомни, какой поднялся визг по этому поводу, когда выделяли средства для защиты Дворца.

– Что такое Хайкен Мару, если не деньги?

– Есть также штраф за перерасход энергии, – добавила Фиркин. – Большая часть их энергетических запасов ушла бы на поддержку поля, а поблизости нет сетей, из которых Хайкен Мару могла бы воровать энергию.

– Деньги тоже являются энергией, только в другой форме, – прошептала сурианка. – Их финансовые отчеты за последние десять лет полны необъяснимых дыр. Эти деньги на что-то истрачены. Возможно, на строительство и содержание Купола.

Пэтти не испытывала естественной неприязни к змеям. Во всяком случае, она думала, что не испытывает. Однако даже очень похожие на... животных... инопланетяне,

вступившие в Пакт, обычно походили на человека. Это помогало сосредоточиться на сходных чертах и напоминать себе, что разумные существа объединены по признаку разумности, а не по форме тела. Но суриане, как оказалось, таких сходных черт не имели.

Сакс по форме тела и по манере поведения, по чувственному восприятию и по психологии являлась холоднокровной рептилией. Это была двенадцатиметровая анаконда, чешуя которой шуршала и скрипела по кафельному полу, когда она шевелилась. Пэтти не могла заставить себя поверить, что эта плоская узкая голова, состоящая в основном из зияющей пасти, челюстей и глазных впадин, обладала черепной коробкой достаточных размеров для того, чтобы там поместился разумный мозг. И все же мудрость и память суриан были легендарными. Больше всего на нервы Фиркин действовали так называемые автоколебания – гипнотическое, с боку на бок, покачивание головой, когда суриане смотрели сначала одним, затем другим глазом на объект их интереса.

У Фиркин это вызывало приступы морской болезни.

– Мы можем добавить Купол в имитатор, – согласился Фоллард. – Но какие ему задать размеры? И куда поместить? За пределы старых механических оборонительных устройств? Или накрыть Куполом только главные административные здания и посадочные площадки?

Сакс, похоже, консультировалась со своими богами. Перепонка медленно опустилась на один глаз, затем поднялась опять.

– Тогда помести Купол за наружные стены, – сказала она.

– Ого-го, вот спасибо, – пробормотала себе под нос Фиркин.

– Не за что, – холодно ответила змея.

Добавление к муляжу энергетической защиты сделало атаку любых наземных сил Пэтти почти невозможной. Необученные бойцы с пульсаторами и портативными плазменными установками, ведущие бой в незнакомой местности, с ограниченной поддержкой с воздуха, едва ли могли одолеть стационарные укрепления, контролируемые мощными ПИРами класса «Бинет». Предположение, что управляемый ПИРом того же класса энергетический экран – а предполагать иначе было бы непрофессионально – также может блокировать любое вторжение извне, лишало войска Фиркин всяких шансов на успех.

– Увеличь спектральную полосу, – сказала Сакс Пиру. – Верхнюю границу подними в ультрафиолет, нижнюю опусти в инфракрасную часть. Нет смысла ограничивать себя скудными границами человеческих органов чувств.

– Конечно, совсем нет смысла, – саркастически произнесла Фиркин.

Когда она снова залезла в перчатки и склонилась над голографическим изображением, Халан спросил сурианку:

– Ты сопоставила все сведения о том, что Хайкен Мару производит на острове оружие?

– У нас есть только слухи, – поправила его Сакс.

– Хорошо, пусть слухи. Сопоставила?

– Они восстановили потери, понесенные после битвы за Джемини.

– Плохо.

– Да, ничего хорошего.

Бригады-марионетки падали налево и направо под ударами звукового резонатора. Фиркин убрала руки с пульта.

Прежде чем она вымолвила хоть слово, в комнату без предупреждения вошли два цернианина.

– Мы добыли то, что вы просили.

– С самого острова? – спросила Сакс.

– Да, один из ремонтных автоматов имел при себе вот это. – Цернианин помахал перчаткой, похожей на ту, которая была на руке у Фиркин.

– Подключите ее к ПИРу.

Инопланетянин так и сделал. Изображение внутри куба изменилось. Фиркин отмечала несовпадения: новые очертания некоторых укреплений, перестановку оружейных систем и новые границы защитного Купола. Они проходили через некоторые редуты, но все же Купол

закрывал большую часть острова. Итак, энергетическая защита являлась не гипотетической, а реальной частью обороны крепости.

Фиркин вздохнула.

– Каковы параметры поля Купола? – спросила Сакс.

Цернианин посоветовался с ПИРОм.

– Он простирается гораздо ниже в инфракрасную область и выше в ультрафиолетовую, чем любой другой подобный Купол.

– Можем ли мы нанести по нему удар микроволнами большой мощности? – спросил Фоллард.

После паузы:

– Нет, один из слоев Купола рассчитан на противодействие таким волнам.

– Я полагаю, нам следует попробовать ударить по ним на частотах УКВ, – предложила Фиркин. – В течение шести-семи часов транслировать старые речи из архивов Секретариата. Чтобы они умерли там с тоски.

– Очень смешно, – сказал Фоллард. – Ну ладно, давай попробуем еще раз.

Регис Салли неловко переступил с ноги на ногу. Дейдра теперь редко приглашала его провести с ней время – даже на официальных мероприятиях, не говоря уже о собственной спальне. Дурное предзнаменование.

– Это было бы самое удивительное послание, полученное мной после того, как мы сюда прилетели, – сказала она. – И вдвойне удивительно, что оно пришло от этого надутого старого мошенника.

– Что это за мошенник, дорогая?

– Полониус Диндыма.

– Дынди...

– Да ты его помнишь. Он командует местными военными. Я полагаю, он наш генерал, а все остальные – свои собственные.

– Ясно, – неопределенно кивнул Регис – чтобы скрыть то, что ему уже было известно содержание письма генерала. Черт бы его побрал! Диндыма – полный идиот с этими своими иносказаниями и рассуждениями. – Что он написал тебе, дорогая?

– Что «согласно вашим инструкциям»- имеются в виду, конечно, мои инструкции – он готовится к обороне против какого-то мятежа. Он ссылается на инцидент с базой Космического флота. Этот случай, кажется, поразил старика – хотя, как мне известно, между ним и адмиралом Костюшко особой любви не было.

– Да, я бы сказал – не было.

– Любопытно, что он употребил слово «мятеж». – Она взяла со столика щетку и занялась своими волосами. – Я думала, мы определенно установили, что на Джемини напал этот психопат, Спайл. Это конфликт между ним и Космическим флотом. Нас он не касается.

– Должно быть, Диндыма чувствует себя не у дел. Ну, ты знаешь – старый боевой конь бьет копытом и грызет удила, когда слышит звуки боевых труб вдали.

– Хм. Ты так считаешь?

– Голову даю на отсечение. Он впадает в маразм. Может быть, тебе следует подумать, кем его заменить.

– Самое странное, Регис, что он не просто всего лишь «грызет удила». У него на уме совершенно конкретный враг. Не Спайл и не какие-то там саботажники, не повстанцы и не террористы. Он верит в то, что нашим врагом является Хайкен Мару! И тут с синтаксисом его письма происходят странные вещи, потому что он не просто настаивает, что корпорация является нашим врагом, но что это я считаю ее нашим врагом и хочу, чтобы он приготовился обороняться от них.

– Ну что я тебе говорил, дорогая? Маразм. Короткое замыкание.

– Возможно. Эта мысль сначала пришла и мне в голову. Но по зрелом размышлении я поняла, что Диндыма высвечивает именно ту грань местной политической мешанины, которая фокусирует неверность Пакту. Под видом спокойной, аполитичной, чисто деловой и

торговой деятельности Хайкен Мару скрывает амбициозность и агрессивность. Элидор вовсе не горячий патриот Авроры и уж тем более – Центра. Чему и кому он предан, я постигнуть не могу. Если Диндыма сумел разгадать этого человека, то для военного он необыкновенно проницателен.

Черт, черт, черт бы побрал этого гада!

– Ты так думаешь, Дейдра? Мне это кажется невероятным. Я знаю, ты согласишься с Элидором на совете...

– Я никогда не спорю. – Щетка остановилась.

– Н-ну, тогда не находишь взаимопонимания.

– Постоянно. – Она опять принялась расчесывать волосы.

– Но это не значит, что он изменник.

– Валенс Элидор – воплощенная измена.

– Ну, пусть будет так. Но наверняка это не означает, что он готов впутаться в военную авантюру. Это плохо для торговли, плохо для бизнеса.

– Если только не надеешься выиграть.

– Выиграть что, дорогая? И как? Он может купить оружие, вооружить крестьян, даже поводить их строем месяца два. Но когда все закончится, даже если он и сумеет нас укубить до крови, он все равно останется торговцем. Губернатор Скопления будет по-прежнему назначаться Главным центром. А флот сотрет Элидора в порошок. Вот и все.

– Неужели так просто, Регис?

– Разумеется, дорогая. Он достаточно сметлив, чтобы предоставить занятия политикой людям, которые в ней разбираются. А торговлей пусть занимаются люди, которые больше ничего не умеют делать.

Дейдра сурово посмотрела на его отражение в зеркале, затем опять занялась своими волосами.

– Я постараюсь учесть твоё мнение, дорогой.

«Вер-нуть... вер... надеж-ность... Вер-ность...»

Клик-клик .

«Пакет... пак... пос-ту-пил... пак... пос... ту... Пак-ту...»

Клик-клик .

«Вер-ность... Пак-ту...»

Джина Ринальди не отрывалась от куба редакторского головизора. Она смотрела на лицо и губы Дейдры Салли – или, вернее, на их голографическое изображение, – когда губернатор произносила обрывки слов.

«Хайкен Мару»- это можно оставить не редактируя.

Джина добавила немного тени вокруг глаз Салли и одновременно подняла частоту последнего слога на полтона. ПИР, контролирующий процесс редактирования, принял её команду и записал информацию в исходный файл. В результате изображение Салли чуть изменилось, и в голосе появилась душевная боль, когда губернатор произносила название торгового конгломерата.

Специалисты смогут выявить подделку Джини – если кто-нибудь когда-нибудь отправит файл на экспертизу. К тому времени, вероятно, будет уже поздно. Массовая аудитория уже всё увидит и услышит.

Она подняла руку от пульта управления и потерла лоб. Работа втайне, глубокой ночью, быстро утомила её. Джина почти чувствовала, как сгорают клетки её тела. Приходилось сосредоточивать внимание на головизоре и на тексте речи, одновременно прислушиваясь к звукам за стенами кабинета: там возились допоздна уборщики, шпионы нового директора. Если её присутствие обнаружат и догадаются, чем она занята, это будет означать больше чем неудачу.

Они сделают так, что она исчезнет.

Джина повела плечами, словно сбросила с себя беспокойство, и склонилась над исписанными рукой Тэда листками, чтобы собрать по слогам следующую фразу речи.

– Гнусная измена, переходящая...

Так, слово «гнусная» она сделает из слова «грустная», добавит звук «н» и уберет «т». Движения губ потребуют некоторых изменений, со звуками это легче. Но где ей взять «измену»? В каталоге публичных речей губернатора этого слова не было. Начнем с «изменения», отсечем лишнее, добавим недостающее. И так далее.

Джина скомандовала ПИРу начать охоту за словами, а сама принялась за электронную пластическую операцию. Эта работа займет уйму времени.

– Я не хочу покидать тебя.

– Знаю, знаю.

Тэд крепко прижимал ее к себе в темноте.

– Но я могу помочь тебе, – сказала она.

– Тебя могут убить...

– Вместе с тобой!

– Да, вместе со мной. Навсегда.

– Ты точно так же будешь в опасности.

– Это нечто другое. Это опасность, которую я создал сам.

– Я помогала. Это и моя вина тоже. С самого начала. И вы, советник, не можете знать, в кого были направлены первые выстрелы – там, в вашей квартире, – в вас или в меня.

– Твой отец хочет, чтобы ты вернулась на Джемини. Ты нужна ему.

– Ему нужно знать, что его маленькая девочка в безопасности. Я больше не его маленькая девочка.

– Это я знаю. – Мягкий смех в темноте.

– ...и нигде нет безопасности.

– Ну, хорошо. Ты скажешь ему, что это твое решение.

– Я знаю, как обращаться с адмиралами.

– И с чиновниками тоже.

Его руки опять сомкнулись вокруг нее.

Аэрокар поднялся в ночное небо с одного из многочисленных скверов Мейербера. Для такой большой машины пропеллеры издавали удивительно мало шума. Селвин Прейз устроился поудобнее на шикарном кожаном сиденье, лениво поглаживая его рукой. Никаких следов от воды. Обивку, должно быть, заменили, как и всю внутреннюю отделку, после того, как Бертингас переломал на этой машине верхушки деревьев и упал в озеро.

– Вы не собираетесь предложить мне выпить? – Он махнул рукой в сторону открытого бара и кивнул на полупустой стакан в руке Элидора.

– Берите, что хотите.

– И черт со мной?

– Я могу не преодолеть искушения добавить в ваш стакан кое-что помимо алкоголя. Избавить всех нас...

– О, в самом деле? Вам потребовалась встреча, чтобы отравить меня? Мне следовало догадаться, когда вы предложили мне совместную вечернюю прогулку. Эта машина оказывает в последнее время множество услуг.

– Не стоит острить в моем присутствии.

– Не стоит угрожать *мне*, Элидор.

– И что за черт дернул вас приказать Бертингасу собрать армию *инопланетян*?

– Вы знаете об этом, не так ли?

– Разумеется, мы следили за ним.

– Он щенок, – сказал Прейз. – Наивный щенок.

– Он *опасный* человек. Находчивый. Умный. Храбрый. А теперь подозревает нас.

– Если он подозревает, так вы несете за это определенную ответственность. Ваши люди не просто следили за ним – они пытались его убрать. Неуклюже. Несколько раз. Не то что бы не одобрил вашего успеха, если бы вы его добились. Однако я сожалею о том, что при этом вы дали ему основание связать мое имя с вашим. А теперь вы можете сэкономить всем

нам много времени и усилий, если скажете мне, где он.

– Вы не знаете?

Прейз закрыл глаза и начал считать до десяти. Добрался он только до трех.

– Нет, Валенс, вы наконец загнали его.

– Мы упустили его.

– Что может быть хуже этого?

– Вы не правы. Вы ведь контролируете эту армию, которую он создал, – так? Распустите ее. Прекратите финансирование. Закройте базы.

– Это займет некоторое время. Мой контроль действует на уровне бумаги – что-нибудь одобрить там или не одобрить, – но не на ежедневном, оперативном уровне.

– Проклятье!

– Я все еще не понимаю, почему вы считаете это такой серьезной проблемой, – сказал Прейз. – Мы говорим о кучке покрытых чешуей недоносков и слабоумных зеленокожих. Они даже не граждане. И ими командует чиновник, умеющий держать в руках только авторучку, чьи познания в военном деле ограничиваются тем, что он прочитал в каком-нибудь романе о войне. Да они начнут палить друг в друга и вызовут разброд в вооруженных силах Скопления.

Элидор молча смотрел на него исподлобья.

– Ну, я считаю это гениальным ходом, – продолжал Прейз, – создать подрывную военную силу внутри структуры правительства и финансировать ее за счет правительства... Потому что это правительство вскоре не сможет вообще ничего финансировать, даже расходы на собственное содержание.

Генеральный торговый представитель взгляда не отводил.

– У них совершенно нет техники, – настаивал Прейз. – Они никогда не выстоят против обученных солдат-людей.

Еще более каменное молчание.

– Они *полицейская* сила, клянусь святой Сибиллой!

– Этот «бюрократ, умеющий держать в руках только авторучку», – медленно начал Валенс Элидор, – одолел целое отделение вооруженных солдат, имея под рукой только палку и веревку. Ему помогает отставной офицер морской пехоты. И есть веские основания полагать, что его поддерживает Кона Татцу... А теперь скажите мне, гражданин, – как хорошо вы знаете этого Тадеуша Бертингаса? Достаточно хорошо, чтобы доверить ему несколько тысяч вооруженных «покрытых чешуей недоносков»? Думаю, что нет.

– Я по-прежнему утверждаю, что он политически наивен. Он не знает, куда повести эти войска.

– Если у него достанет мозгов повести их против нас, мы окажемся в выгребной яме.

– Он едва ли решится воевать с директором собственного департамента.

– Я не включил вас в упомянутое «мы».

– Ну-ну, успокойся, Вал. Если Бертингас и его армия ренегатов соберется напасть на Хайкен Мару – под любым предлогом, это даст тебе превосходное основание для жалобы, которую ты можешь толкать вплоть до верхушки Главного центра. Ты будешь иметь оправдание любым своим действиям против Скопления Аврора.

Элидор крякнул.

– Могу я интерпретировать это бормотание как благодарность?

– Интерпретируй, как тебе нравится. Но позволь мне заверить тебя: если это лопнет и вся дрянь полетит прямо на меня, я сдеру с тебя шкуру – медленно, слой за слоем, пока не останется один кровавый прыщ. А потом я так сдавлю этот прыщ, что ты лопнешь!

Шорох пропеллеров упал до чуть слышного шепота, и Прейз почувствовал, что аэрокар приземлился. Он залпом опрокинул в себя остатки выпивки перед тем, как покинуть машину. Прейз лихорадочно подбирал подходящие к случаю слова прощания, чтобы не показать генеральному торговому представителю, что он испугался его угрозы.

– О, надо успокоиться, Элидор!

«19. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: УДАРНАЯ СИЛА»

Внутри «дракона» народу оказалось больше, чем думал Бертингас до того, как забрался туда. Бронированные воздуховоды пропеллеров, которые заняли почти все пространство внутри «дракона», удивили его.

– Зачем установили такое тяжелое покрытие вокруг внутреннего кожуха пропеллеров? – спросил он капуцинца, который на земле был командиром экипажа машины, а в полете – стрелком и ремонтником номер один. – Это же может помешать нам вести огонь!

Капуцинец поднял брови – этот жест походил на пародию. Тэд быстро понял, что такое выражение лица капуцинца означало глубокое презрение.

– Конечно. Но если хоть один тяжелый шарик попадет в пропеллер, то он разобьет турбинную лопатку. При частоте вращения тридцать пять тысяч оборотов в минуту осколки прошьют всю машину. Тебе нужна броня, если только ты не собираешься носить дырявую шкуру.

Внутри «дракона» было полным-полно всякого оборудования, панелей контроля, приборов, лампочек и экранов – экран навигации, обнаружения противника, управления оружием, противоракетного контроля. Были и приборы контроля работы двигателей, генераторов, индикаторов состояния поверхности брони, приборы наведения и стрельбы из плазменной пушки и оборудование связи.

Как только они забрались внутрь, Мора нашла откидное сиденье и опустилась на него. Она подняла колени к подбородку, обхватила их руками, и сделалась совсем маленькой, и не занимала много места. Помимо Тэда и стрелка-капуцинца, экипаж состоял еще из двух капуцинцев и пилота-цернианина в темных очках. Если кто-нибудь хотел пройти по салону машины, остальным приходилось становиться боком и втискиваться в щели между оборудованием.

Единственным свободным местом, куда можно было поместить голову, являлась горловина орудийной башни. Саму башню почти целиком заполняла казенная часть плазменной пушки размером с тыкву-чемпиона.

– Никогда не доводилось видеть эту штуку вблизи, – признался Тэд. Впереди был длинный полет, слушать пока нечего, кроме нудного жужжания пропеллеров, и слишком о многом надо подумать – если он позволит себе это. Поэтому он намеревался задавать вопросы.

– Да особо и смотреть-то не на что, советник, – ответил капуцинец.

– Вы можете объяснить мне, как она работает?

Опять этот взгляд!

– Грубое приспособление. Разработано еще до эры Пакта, больше тысячи лет назад... Вот здесь, позади, лазерная система зажигания.

Маленькая лапка со сморщенным, покрытым черной кожей пальцем, который выглядел почти совсем как человеческий, указала на цилиндр, который торчал из казенной части.

– Это лазер пульсирующего действия, работает на двуокиси углерода. Выходная мощность примерно двести ватт в инфракрасном диапазоне. Очень узкий луч. Очень горячий. А теперь вот это. – Капуцинец ткнул пальцем в сторону разнокалиберных трубок, которые под углом отходили от рабочего конца лазера, изгибались и снова под углом входили в «тыкву». Это призматические разделители луча и зеркальные отражатели. А вот эти пальцы – тут, тут и тут – это фотоусилители. Они накачивают луч до четырех мегаватт мощности на пути к цели.

– Из чего сделана цель? – спросил Тэд.

Мора улыбнулась и посмотрела на него.

Капуцинец протянул руку и открыл крышку инжектора, похожего на бочонок с зубочистками. Оттуда выглянула кассета с закрепленной в ней щеткой из тонюсеньких стальных проволочек.

– Камера казенной части пуста. – Инопланетянин стукнул по ней, и она зазвенела. – Ее точный геометрический центр – то самое место, в которое направлены все шесть лучей. Видите? На конце этой проволоочки закреплена стеклянная бусинка.

Бертингас пристально посмотрел на проволочку. Ему показалось, он различил что-то похожее на стеклянную каплю. Хотя это могла быть и игра света на полированной стали. Он кивнул.

– Бусина заполнена смесью дейтерия и трития. Оба являются изотопами водорода. Составь правильно смесь, и они начнут светиться. Эта бусина приклеена не намертво. Этот механизм, – капуцинец постучал по инжектору, – сгибает кончик проволоки и отделяет бусину, когда лазер начинает пульсировать. Затем он выстреливает бусину – фактически целую очередь бусин – в камеру. Бусина оказывается в центре фокуса как раз в тот момент, когда там сходятся все шесть лучей... И что произойдет потом, советник?

– Когда все четыре мегаватта шарахнут по бусине, она сделает *пых* !

– Правильно, но все немножко сложнее. Стеклянная оболочка имеет две поверхности: внешнюю и внутреннюю. Когда бусина испаряется, внешняя поверхность разлетается, и осколки летят куда попало – да нам она и не интересна. Нам нужна внутренняя поверхность. Этой стороне некуда разлетаться, кроме как еще дальше внутрь. Понимаете?

– Конечно.

– Это создает давление. И к тому же у нас уже есть горячий луч лазера. Все вместе, температура и давление, создает отличные условия для слияния изотопов водорода в атом гелия.

– Да в этой крошечной пилюле не может быть много водорода.

– А много и не требуется. Что такое водородная бомба, советник? Просто быстро расширяющийся комок плазмы...

– И давление, – подхватил Тэд, – выталкивает его из ствола, правильно?

– Неправильно, советник. В таком случае одним выстрелом можно было бы сжечь всю внутреннюю поверхность камеры – чтобы после всех трудов получить на конце ствола всего лишь каплю холодной плазмы. Нужно контролировать плазму с самого начала. Для этого и служат вот эти штуки.

Капуцинец провел рукой по валикам, которые и делали камеру похожей на тыкву.

– И что это такое? – спросил Бертингас.

– Электромагниты. Они создают внутри камеры магнитную бутылку. Ее поле одновременно и удерживает, и сжимает плазму. Через «окно» в поле бутылки перегретый газ выходит из ствола в направлении цели.

– А как насчет инфракрасного излучения? Эта камера должна быть прекрасно изолирована и хорошо охлаждаться, так?

– Да здесь так жарко, когда идет стрельба, что у меня шерсть дымится, – сказал капуцинец.

– Ясно. Спасибо за объяснение.

– О, это еще не все. Я кое-что добавил к этому оружию. Усовершенствовал.

– Правда?

– Видите кольца на стволе?

– Еще магниты?

– В некотором роде. Это статоры магнитогидродинамического генератора. Они заряжаются, когда струя плазмы проходит через ствол. Я подсоединил их так, чтобы ток шел в источник питания лазера, к инжектору бусин и магнитной бутылке. При повышенном темпе стрельбы это оружие работает на собственной энергии.

– Это что, вечный двигатель?

Капуцинец состроил гримасу.

– Пока не закончатся дейтериевые заряды.

– Да, разумеется.

Бертингас похлопал инопланетянина по плечу – жест, от которого маленький

капуцинец съежился. Затем Тэд повернулся к пилоту-цернианину.

– Не стоит задавать мне вопросы, советник, – произнес пилот. Голос его звучал холодно, но под темными очками, которые стали уже отличительным признаком его расы, глаза пилота улыбались. – Мы держим курс на Батавию. В данный момент идем над внутренним морем. Над самой глубокой его частью. Которая не слишком глубока для настоящего моряка.

– Где катера?

– Уже на позиции. Даже поставили сети.

– Но пушки еще держат под брезентом, надеюсь.

– Я тоже надеюсь. Они в четырех километрах от острова, в пределах радиуса действия электронных систем.

– Может быть, используя фактор внезапности, они смогут повредить генератор Купола?

– Только если снесут пол-острова. Генератор закрыт слишком глубоко.

– Да, я тоже так думаю.

– Но вы правы, сэр... Как только Купол будет поднят, мы останемся снаружи, они останутся внутри, и война закончится. Итак, как мы планируем справиться с Куполом?

– Может быть, нам удастся убедить их отключить его?

– Каким образом – прошу прощения за неуместный вопрос?

Бертингас улыбнулся и сменил тему.

– Как там наша эскадрилья? – спросил он.

Цернианин, которого звали Турхана Маас, но тем не менее родственником Чоры он не был, настроил экраны наружного наблюдения и некоторое время изучал опознавательные сигналы машин. Тэд наблюдал за экраном через плечо пилота.

Двести летательных аппаратов – некоторые из них были куплены за деньги, но большинство просто украли – следовали за ними, выстроившись клином. Самые яркие точки на экране принадлежали тяжелым аэрокарам, несущим мощное оружие «драконам», подобным тому, на котором сейчас летел Бертингас, бронетранспортерам, нескольким корабельным шлюпкам с керамической защитой. Более слабые сигналы обозначали строй транспортных машин, грузовиков и автобусов. Все они были загружены под завязку войсками самообороны Бюро. Каждый их пассажир имел при себе множество боевого снаряжения – пульсаторы, игольчатые ружья, разрядники, бронебойные и осколочные гранаты, устройства связи, сигнальные огни, веревки, альпенштоки, крючья и «кошки». Семь тысяч восьмьсот солдат, только-только прошедших курс молодого бойца и рвущихся в бой. Вскоре сержанты и психологи пройдут по рядам, напоминая случаи оскорблений и насилия, произнося имена получивших увечья и погибших из-за системы *зерггидерн*, подстегивая энтузиазм и желание покататься с Хайкен Мару.

– Эти старые автобусы, которые вы купили, еле-еле держат строй, – сказал Маас. – А через десять минут им придется использовать горючее из резервных баков. Если они собираются высаживать пехоту, нам лучше доставить их до места, по которому можно ходить. И быстро. Наше крыло не собирается атаковать дамбу, верно?

– Нет, это объект Фолларда.

– Так я и думал. Тогда я бы сказал – мы собираемся доставить несколько отрядов наших вояк на Батавию *вплавь*.

– Мы сможем провести дозаправку в воздухе?

– Дозаправить городской автобус? Вы шутите, советник. Кому-то следовало проработать такие детали еще до того, как мы поднялись в воздух.

– Не было времени все продумать, – невозмутимо отозвался Бертингас.

– Его никогда не бывает, особенно когда речь идет о наших жизнях.

Услышав это, Тэд умолк. Он посмотрел на Мору. Та отрицательно покачала головой.

После небольшой паузы Тэд произнес:

– Мы можем принимать передачи «Фри Вида»?

Пилот даже вздрогнул от удивления.

– Мм... Какой канал?

– Да любой.

Он рассчитал время безупречно. Когда голографический экран настроился на четкий прием, отфильтровав помехи статического электричества в атмосфере, все увидели витиеватую четырехцветную печать губернатора Скопления Аврора. Глубокий мужской баритон произнес: «...важное послание ее превосходительства Дейдры Салли».

Очень торжественно. Вселяет тревогу и нагнетает атмосферу. Сделано прекрасно.

На экране появилось встревоженное лицо ее превосходительства, над бровями Салли появились две глубокие бороздки. Она казалась чем-то очень обеспокоенной. Бертингас был уверен, что мадам Салли никогда в жизни, ни за что на свете не показалась бы в таком виде перед объективами. Он мысленно присудил Джине золотую медаль победительницы конкурса электронной косметики.

– Мои дорогие сограждане и подданные Пакта, – начала Салли. В ее голосе зазвучала печаль. Молодец, Джина! Очень убедительно.

– С тяжелым сердцем и с глубочайшим сожалением я должна выполнить трудную обязанность и сообщить вам о нетерпимом случае правонарушения, совершенном теми, кого мы все считали примером верности Пакту. Мне предоставили доказательства, что одна из наших – бывших наших – наиболее уважаемых торговых организаций, Хайкен Мару, способствовала вооружению и оказывала поддержку подрывным элементам, в данный момент открыто восставшим против законного правительства Пакта. Эту поддержку получил официально смещенный губернатор Арахны, Аарон Спайл, и использовал ее для проведения злонамеренного и неспровоцированного нападения на базу Космического флота в нашем Скоплении, которое повлекло за собой многочисленные жертвы.

Бертингас оглядел кабину «дракона». Мора, открыв от изумления рот, уставилась на экран.

– Да губернатор бы *никогда* не признала... – начала она.

Тэд улыбнулся и приложил палец к губам.

– Эта акция была для Хайкен Мару не просто ошибкой в торговой политике, – продолжал вещать экран. – В данном случае нельзя говорить: они не ведали, что творили. Это был рассчитанный акт гнусной измены, лежащий вне границ какого-то понимания или оправдания. Валенс Элидор и его торговые приспешники поддержали бунтовщика и ренегата в его стремлении подорвать установившийся порядок. Что ж, они сделали свой выбор.

Дейдра Салли вздохнула. Длинная пауза.

– Как ваш губернатор, я должна сделать *мой* выбор. С этого часа, с этой минуты, Хайкен Мару объявляется распушенной. Офисы корпорации и торговые заведения закрываются. Принадлежащее ей имущество и все документы конфискуются. Исполнение ее контрактов с кем бы то ни было приостанавливается. Я предпринимаю эти действия властью, данной мне Высоким секретарем – как недавно скончавшимся Стефаном VI, так и его будущим преемником. С этого момента верные мне части Кона Татцу и вооруженных сил Скопления, а также остатки Космического флота...

– *Остатки* ! – вскрикнула Мора.

– ...исполняют этот приказ. Если кто-либо из вас – граждане или корпорации – имеет честные отношения с Хайкен Мару и испытывает какие-либо неудобства в результате данной акции, я настоятельно прошу вас не предпринимать попыток вмешательства. В дальнейшем будет предоставлена возможность для осуществления законной сатисфакции.

– Что бы это ни означало, – пробормотал себе под нос цернианин.

– С этого дня и с этого часа, – сказала Салли, – я помещаю в электронных средствах массовой информации постановление об аресте и содержании под стражей Валенса Элидора, Вайнана Корфу, Абрахама Уайля, Пера Гломига и еще двухсот пятидесяти человек, которые являются агентами и администраторами Хайкен Мару.

– Спасибо тебе, Джина, – громко произнес Бертингас. – Теперь на моей заднице стоит

клеймо официального преступника.

Мора захихикала.

– В отношении бунтовщика Аарона Спайла в свое время будет предпринята военная акция... Как ваш губернатор, я желаю, чтобы все текущие гражданские дела и мероприятия проходили в обычном порядке, в должное время и без нанесения ненужного ущерба честному бизнесу, который ведется в соответствии с законами Пакта.

– Что бы это ни означало, – в один голос сказали пилот, Мора и Тэд.

– Благодарю вас за понимание и неизменную поддержку, – закончила губернатор, и ее изображение растаяло.

Бертингас протянул руку к пульту связи и выключил приемник.

– Это сигнал к началу операции, – сказал он пилоту. – Всем полный вперед!

Он включил оперативный канал связи со своим отрядом:

– «Синий корпус», на максимальной скорости – следовать за мной!

Затем переключился на командирскую частоту:

– «Красный лидер», «Зеленый лидер»- вперед!

– «Синий» понял, – ответил Халан Фоллард. – Передай Джине: работа проделана замечательно! Губернатор теперь ничего не сможет опровергнуть и не откажется от своих слов.

– Надеемся на это...

– Четыре минуты до катеров, – вклинилась в разговор Пэтти Фиркин.

– Купол уже установлен? – спросил Фоллард.

– С моей стороны еще... Оп-па! Только что появился. Установлен на полную мощность.

Бертингас посмотрел в миниатюрный тактический куб, втиснутый между креслом пилота и панелью связи. Он был настроен на прием кодированных сигналов с сенсоров машин Фолларда и Фиркин и сопоставлял эти сигналы с собственными данными. Куб, в который всего лишь мгновение назад проецировалось крохотное голографическое изображение зубастой «пасти» острова, показывал теперь мрачную черную полусферу. Она закрывала оборонительные сооружения Батавии и мелкую зеленую воду позади доков. Купол напоминал огромную опухоль, окруженную здоровой тканью зеленого цвета. Эта опухоль так и просилась – ее удалить.

– Вижу его, – произнес Тэд.

Мора вытянула шею, чтобы рассмотреть Купол получше.

Первый эшелон атакующих – бронетранспортеры, старые грузовики и городские автобусы – приземлился на ту часть берега острова, которая не была закрыта Куполом. Бодрые инопланетяне – солдаты собранных с миру по нитке сил самообороны Бертингаса – выскакивали из машин и разбегались по набережным, докам и пустым складам, оставшимся за пределами Купола.

Плазменные батареи внешнего оборонного пояса Батавии пытались опустить стволы вниз, чтобы стереть в пыль эти отряды. Но пушки были крупного калибра и предназначены для стрельбы по идущим на большой высоте космическим крейсерам и эсминцам. Летящие на бреющем полете аэрокары и пехота на земле безнаказанно передвигались ниже их минимального угла наклона. Одна или две батареи все-таки попытались стрелять по атакующим, но в результате лишь появилось несколько гейзеров в море в сотне метров от береговой линии.

Через десять минут командиры десантных отрядов доложили о захвате всех вражеских орудий вне Купола. Сам же Купол, однако, стоял неприступной черной стеной.

«Рыболовные траулеры» открыли огонь из своих плазменных орудий. Один, второй, третий вихрь потрескивающего белого огня пронесся вперед и погрузился в купол. Никакого эффекта. Через несколько минут прыгающим на волнах судам удалось пристреляться в одну точку. Место попадания зарядов побледнело, затем приобрело молочно-белый цвет, затем стало почти прозрачным. А потом точность попаданий немного нарушилась, и пятно

исчезло. Поверхность Купола почернела опять. Одно за другим суда импровизированного военно-морского флота прекратили огонь.

– Конец игры, – тихо сказала Мора.

– Не совсем, – весело ответил Бертингас.

– Что ты имеешь в виду? Эта штука практически непреодолима. Ракеты, снаряды, корабли просто рикошетят от нее. Ты можешь накачивать Купол плазмой хоть целый день – она просто питает энергией его генераторы и делает щит еще прочнее.

Бертингас улыбнулся ей. Он спросил по радио:

– Вы подготовили вирус?

– Вирус? – удивленно спросила своим низким голосом Фиркин. – Никогда не думала об этом. Больше подходит на дозу яда...

– Ну, мне все равно, как его называть, – отозвался Фоллард. – Отвечаю на твой вопрос, Тэд: да. Сразу, как только получили точные данные о мощности поля после обстрела с катеров. Мой старший помощник уже подготовил к запуску беспилотный микросамолет.

– Они смогут его заметить?

– Они даже не поймут, что с ними произошло.

– Понятно. Мы будем наблюдать отсюда.

– Что... – начала было Мора, но Тэд только улыбнулся и молча указал на куб головизора.

С той стороны Купола от громоздкого аэрокара в авангарде отряда Фолларда отделилась маленькая точка и понеслась к черной полусфере. Технические специалисты Кона Татцу набили микросамолет электронной аппаратурой и тем странным оружием, которое Тэд называл вирусом. Крошечный снаряд приблизился к тусклой стене Купола и взорвался примерно в трехстах метрах от нее.

Мора застонала от разочарования, но Тэд продолжал улыбаться.

В головизоре обломки ракеты выглядели как тысячи крохотных звездочек, ярких точек света, которые плыли в направлении Купола. Тэд знал, что сейчас происходит – Фоллард и Фиркин во время одного из полуночных совещаний объяснили ему, в чем дело. Реальная картина взрыва ракеты была гораздо прозаичней: звездочки на экране головизора на самом деле были микроскопическими частицами никелево-железно-рутениевого сплава, который никто еще нигде не применял.

Каждая металлическая частица являлась искусственным магнитным монополюс.

Когда облако монополюсов коснулось наружного слоя Купола, компьютерная система его управления начала послушно выполнять предусмотренную программой процедуру. Командующий системой ПИР стал менять частоту и знак полярности защитного поля, чтобы разорвать любой вторгшийся в него предмет. Когда поле меняло знак, каждое монополюс, в свою очередь, меняло свой знак на противоположный. Компьютер опять менял знак, реагируя на постоянное магнитное возмущение. Монополюс снова его меняло. И опять меняло. И опять.

Тэд и Мора наблюдали, как ровную гладкую поверхность Купола испещрили тысячи крохотных впадинок и шишечек – словно следы абразива на изломе черного стекла. Каждая впадинка выгибалась и становилась шишечкой, каждая шишечка втягивалась и становилась впадинкой, взад и вперед, внутрь и наружу. Так продолжалось до тех пор, пока большая часть Купола не начала полыхать ярким желтым светом. Точки интерференции стали увеличиваться и сливаться друг с другом в одно большое пятно неправильной формы, то втягивающееся внутрь, то выпирающее наружу. Когда поверхность Купола, наконец, разорвалась, это было похоже на лопающийся на большой высоте метеозонд. Трещина расколола Купол посередине и побежала по обе стороны, слегка изгибаясь вверх и напоминая ухмылку на перепачканном грязью лице.

– Перегрузка! – крикнула Фиркин.

– Отлично проделано! – похвалил Фоллард.

– Как быстро они смогут восстановить Купол? – спросила Мора из-за плеча Тэда, все

еще в изумлении качая головой.

– Пока не выйдут наружу и не очистят антенны излучателей от попавших туда монополей, – сказал ей Бертингас. – Одну за другой. С помощью пинцета.

Он сказал по радио:

– Предлагаю начать противозенитное маневрирование. У них все еще остались пушки.

– «Синий лидер» принял.

– Передайте на катера: открыть огонь!

– Есть!

На экране головизора внезапно обнажившаяся поверхность острова оказалась усыпанной даже еще большим количеством оружейных башен, дотов, посадочных площадок и корабельных стапелей, чем было отмечено на устаревших планах из архивов Кона Татцу. Пока его «дракон» закладывал виражи и шел на снижение, Бертингас быстро осмотрел остров и насчитал как минимум сорок боевых кораблей в разной стадии готовности. Примерно половина из них выглядела так, словно готовится выйти на старт. Тэд сравнил голографическое изображение с картинкой на экране, полученной с собственных телекамер «дракона». Деталей добавилось: гражданские наземные машины,двигающиеся по дамбе, тяжелые грузовые лихтеры, покачивающиеся вдоль причалов острова, группы техников-людей и прислуживающих им инопланетян, копошащиеся около боевых кораблей на стапелях.

Сверкающая струя ионизированного газа поднялась с одного из катеров и пронеслась по экрану. Одна из башен на острове зашаталась и обрушилась.

Еще два плазменных выстрела с катеров – и вновь на Батавии разрушены оборонительные сооружения.

Затем с острова навстречу пляшущим на волнах катерам устремилось свыше десятка лучей, напоминающих хирургические ланцеты, и эти лучи принялись выписывать замысловатые фигуры в поисках цели.

Внутри «дракона» послышалось многозначительное покашливание – чтобы привлечь внимание Бертингаса. Капуцинец теперь исполнял обязанности наводчика их собственного плазменного орудия и крутил верньер прицела. Инопланетянин кашлянул еще раз, уже громче.

– Беглый огонь! – скомандовал Бертингас.

Похожий на тыкву шар пришел в действие.

Экраны передних телекамер «дракона» побелели от оптической перегрузки, горизонтальная скорость машины в результате отдачи упала.

– «Золотой»и «Серебряной» командам начать движение вперед, – скомандовал Тэд. Сейчас начнется наземный штурм – здание за зданием, стапель за стапелем, – пока либо его отряды, либо защитники Хайкен Мару не расстреляют все боеприпасы и не понесут тяжелые потери.

В центре острова два боевых корабля медленно поднялись в воздух. Они начали стрелять плазменными струями в направлении складов, в проходах между которыми прятались десантники Бертингаса. Когда один из катеров выпустил по ним мощную струю плазмы, корабли окутали темные электромагнитные экраны – словно черная скорлупа. Экраны стали пульсировать, открываясь на короткий промежуток времени, когда собственные орудия кораблей производили выстрел по противнику.

Капуцинец развернул башню и открыл огонь по ближайшему из этих кораблей. Это, казалось, разозлило их. Они открыли ответный огонь. Пилот-цернианин бросил «дракона»в головокружительный каскад виражей среди потоков раскаленной до звездных температур материи. Бертингас услышал, что по левому борту машины что-то затрещало и защелкало, и повернул туда голову.

– Тепловая керамическая защита, – произнес цернианин. – В том месте, где нас задело.

– Больше так не делай, – сказал Тэд, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Больше не буду! – в один голос ответили и стрелок, и пилот.

– Попался! – воскликнула Мора.

Тэд мгновенно повернулся к головизору и увидел, как один из боевых кораблей, чей защитный экран на долю секунды опоздал восстановиться после собственного залпа, получил прямое попадание одного из катеров прямо в середину корпуса. Белое пламя растеклось по обшивке, металл засветился сначала красным, затем желтым, затем почти голубым светом, но корабль остался цел. После того как поток плазмы рассеялся, видно было раскаленное вишневого пятно на корпусе.

– Проклятье! Ни черта не вышло! – выругался Тэд.

– Смотри, – сказал ему капуцинец.

Под воздействием внутренних напряжений из-за неравномерного нагрева и охлаждения расплавленный металл на корпусе корабля закристаллизовался. Через несколько секунд корабль лопнул, словно резиновый мяч. Внутренности корабля, топливо и прочий хлам вывалились наружу. Корабль рухнул вниз, на остров, и взорвался, превратившись в клуб оранжевого пламени.

Экипаж «дракона» радостно закричал.

Один корабль был сбит, но в воздушное пространство над Батавией поднялись еще три. Их плазменных батарей будет более чем достаточно для отражения второй, третьей, да и четвертой волны штурма.

В течение последующих десяти минут головизор показывал беспорядочные потоки плазмы. Внизу шел бой. Разноцветные струи огня сверкали по всему острову.

– Ты можешь хоть что-нибудь сделать? – взмолилась Мора.

Тэд сверился с хронометром на передней панели.

– Еще три минуты.

– И что будет?

За него голосом Халана Фолларда ответило радио:

– «Гром небесный» ударил раньше!

Внутри головизора хаотичный узор плазменных струй прекратился. Теперь плазма была *сверху вниз*, откуда-то из-за верхней границы головизора. Просто *огромное* количество струй! Парящие над островом вооруженные торговые корабли развернули свои орудия и начали стрелять вверх более длинными залпами, обнажая свои нежные шкуры из-под защитного поля на более продолжительное время, чаще открываясь жалящим кинжалам плазмы.

– Что это? – спросила Мора.

– Твой дружок, – ответил Тэд, – по кличке «Гром небесный».

«20. ТЕРРЕЛ ТУЭЙТ: ПРИЕМ БОРЬБЫ СУМО»

У Туэйта возникла серьезная проблема.

Планетарный бомбардировщик «Брошь Шарлотты» входил в разреженные верхние слои атмосферы Палаццо слишком быстро. В компьютерных системах произошел какой-то сбой, когда корабль начал снижаться. Вместо того чтобы дать импульс вспомогательных тормозных двигателей длиной 10, 2 секунды, который перевел бы огромный корабль на низкую орбиту прямо над Батавией, компьютерные цепи сошли с ума. Двигатели основного хода проработали тридцать одну с чем-то секунду и встали.

Туэйт входил в атмосферу на корабле, который никогда не предназначался для посадки на планету. Корабль, чья опорная конструкция была спроектирована с учетом только нагрузок движения и боевого маневрирования, но не рассчитана даже на поддержку собственного веса в условиях нормального земного тяготения. У него осталось две минуты сорок секунд до удара о поверхность планеты.

А план поначалу казался таким простым!

Террел Туэйт прибыл на борт бомбардировщика в качестве представителя флота, чтобы участвовать в совместной с силами Скопления подготовке к «обороне». Его личный катер

причалил к стыковочному узлу на двести семидесятом градусе и, вероятно, сейчас рубит швартовы, не дожидаясь печального конца этой дикой скачки. Туэйт находился на мостике, когда по линии правительственной связи поступило сообщение для командира бомбардировщика, полковника Бернуа. Это было оперативное сообщение прямо от «губернатора».

– Полковник, у нас сложилась чрезвычайная ситуация.

Пауза.

– Да, мэм?

– В соответствии с моим приказом отряд специального назначения в эту самую минуту высаживается на оплот Хайкен Мару, остров Батавия. Они должны будут появиться на вашем горизонте через сто сорок минут.

– В самом деле, ваше превос...

– Хорошо. Я хочу, чтобы вы передали командование вашим кораблем капитану первого ранга Туэйту, который, как я понимаю, сейчас у вас на борту. Он хорошо знаком с тем маневром, который я имею в виду. Капитан первого ранга!.. – Пауза.

– Да, мадам губернатор? – ответил Туэйт.

– В сражении за Ниош вы командовали таким же бомбардировщиком, как этот, не так ли?

– Я...

– Оставаясь на орбите над планетой, преимущественно состоящей из легких элементов, как Палаццо? И вы фактически вошли в атмосферу по посадочной траектории, но не приземлялись? – Пауза.

– Да.

Еще пауза. Губернатор смотрела прямо в сторону Туэйта.

– Я хочу, чтобы вы произвели тот же самый маневр, начав его немедленно, и привели корабль в точку перигея над Батавией. Приказываю вам уничтожать любые крупные корабли, способные к выходу в космос и которые могут защищать остров. В то же время вы не должны нанести повреждений любым атмосферным аппаратам – не важно, каким. Вы можете сделать это? – Пауза.

– Да, полагаю, что смогу.

– Очень хорошо. Я передаю вам командование... м-м... «Брошью» на все время данного маневра. Доброй охоты, капитан первого ранга.

Губернатор величаво кивнула, и передача закончилась.

Если это и фальшивка, которую, по уверению Бертингаса, он сможет организовать, то в таком случае она была чертовски хороша. Повелительный тон. Ощущение загнанной внутри тревоги. Короткие паузы для несущественных ответов. Мастерски. Если только это и в самом деле фальшивка...

Тогда карьера капитана первого ранга Туэйта бесславно закончилась. Это не обмен словами со стариной Диндымой. Туэйт, офицер Космического флота, обманом брал на себя командование кораблем родственной ветви вооруженных сил. Конечно, он может утверждать – и полковник Бернуа поддержит его, – что он поверил в подлинность передачи, но слишком много свидетелей осталось в живых – сам Бертингас, Мора Костюшко, Халан Фоллард, полковник Фиркин. Несомненно, были еще и другие – кто знал, что ему известно: и передача, и приказ «губернатора» сфальсифицированы.

И даже если никто его не выдаст и все расскажут одну и ту же историю о его невиновности, оплошность с основными двигателями наверняка завершит его карьеру – если не его жизнь вообще.

– Включите электромагнитные экраны на полную мощность, – приказал он сектору защиты.

– Идем низковато, не так ли? – с ленцой в голосе протянул полковник Бернуа.

– Именно так.

– Может быть, вам стоит поразмыслить над тем – это просто так, досужие рассуждения, – саркастически сказал полковник, – чтобы развернуть корабль, направить дюзы маршевых

двигателей вниз и вывести нас *обратно на орбиту* ?

– Я бы поразмыслил над этим, полковник, да вот только эта драгоценная навозная куча транзисторов и плат памяти, которую вы называете компьютерной системой, кажется, все еще не может разблокировать подсистему управления двигателями.

Он указал на табло индикаторов двигателей установки, сплошь покрытую красными огоньками.

– Ну, вы же не собираетесь посадить бомбардировщик класса «Дипломат» на планету!

– Замолчите! Если бы у вас на этой лохани был работоспособный инвертор, мы бы сделали все шутя. Но у вас его нет. Поэтому мы камнем идем вниз. По крайней мере, наши защитные экраны поглотят высокую температуру от трения об атмосферу и максимально нейтрализуют воздушную болтанку.

– Меня не столько волнует нагрев или болтанка, сколько дыра, которую мы сделаем в конце нашей дикой скачки. Корабль таких размеров даже не оснащен посадочными лапами.

– Именно. Поэтому вы можете потерять несколько нижних палуб, – проговорил сквозь зубы Туэйт. – Я предлагаю вам пойти и самому отвести персонал на верхние палубы и приказать людям забраться в противоударные капсулы. Так они проживут дольше.

Он перенес свое внимание на остальных членов экипажа мостика.

– Штурманская! Под каким углом этот чертов остров?

– Восемьдесят восемь градусов, капитан. Мы прямо над ним.

– Защита! Откройте оружейные просветы в носовой части.

– Нагрев корпуса, сэр! – напомнил ему лейтенант за пультом управления.

– Ну так что же, пускай корпус немного нагреется. Нам все еще надо выполнять поставленную задачу. Орудия! Выбрать цели по склонению минус девяносто. Ничего с размерами меньше транспорта класса «Е»- согласно приказу губернатора.

– Слушаюсь, сэр! Три цели в радиусе поражения, быстро приближаются.

– Беглый огонь!

Батареи бомбардировщика открыли стрельбу. Туэйт ощущал под ногами легкое подрагивание, но было ли это результатом выстрелов или же это реакция корпуса на первый контакт с плотными нижними слоями атмосферы, он затруднялся сказать.

– Цели открыли ответный огонь, сэр.

– Понятно. Не давайте им расслабиться. Штурманская, каков наш... м-м... уровень?

– Над поверхностью планеты, сэр?

– Да.

– Приборы показывают – двадцать восемь километров, сэр.

– Скорость снижения?

– Сейчас пятьсот сорок восемь метров в секунду, сэр. Пятьдесят одна секунда до контакта с поверхностью.

– Вспомогательные двигатели на полную мощность, если удастся.

– Есть полная мощность!

Туэйт шумно выдохнул.

– Спасибо, Кали, – пробормотал он.

– Скорость падения снижается. Сейчас она уже составляет двести тридцать один метр в секунду. До контакта с поверхностью сто тринадцать секунд.

– Продолжайте работать вспомогательными. Орудия! Увеличить фронт стрельбы. Выбирайте укрепленные цели на самом острове: пушечные батареи, генераторы поля, установки связи. Однако избегайте стрелять по докам и энергетическим центрам. Корректируйте огонь по навигационным картам крепости, занесенным в память компьютера.

– Есть, сэр.

– Сэр! – позвали из центра управления орудиями. – Сбит один корабль.

– Превосходно. Продолжайте стрелять.

«Брошь» неслась вниз, скорость ее больше не менялась, корабль стрелял почти

беспрерывно по острову и его защитникам. Они уничтожили еще два корабля в воздухе и не меньше трех – на поверхности. Через минуту на мостике вновь появился полковник Бернуа.

– Капитан, могу я предложить вам...

– Что именно?

– ...удалиться в центр управления орудиями и дать экипажу мостика возможность разместиться в противоударных капсулах?

– Хорошая идея. Куда мне идти?

– Сюда, в центральную шахту.

– Орудия, прекратить огонь! Защита, установить сплошное поле. Поставить на максимальную мощность и радиус. Затем всем покинуть мостик. Хорошо поработали, ребята!

– Идемте! – потащил его Бернуа.

Противоударное оборудование в центре управления орудиями было старомодно до примитива: стальной кокон с помещенной внутрь мембраной, в который накачивалась вязкая жидкость под давлением три атмосферы. Резиновая маска закрывала лицо, подавая дыхательную смесь. Как только человек занимал место и внутрь накачивалась жидкость, кокон начинал вращаться и устанавливал ось тела под прямым углом к вектору столкновения. Это распределяло силу удара по максимально широкой поверхности – точно так же расплывается дзюдоист, когда падает.

– Выдержат эти штуки столкновение при скорости восемьсот километров в час? – спросил Туэйт, уже наполовину забравшись в капсулу. В одной руке он держал маску, носком ботинка ощупывал внутренность мембраны.

– Лучше, чем мой корпус, – огрызнулся Бернуа.

Колпак кокона опустился на гидравлических шарнирах. Огромная мягкая рука охватила Туэйта, поднимаясь от стоп к коленям, к пояснице, груди, шее и плечам. Жесткие края маски давили ему на лоб и подбородок. Из маски в лицо дул прохладный ветерок.

Ничего...

«Расслабься», – сказал он сам себе.

Ничего...

Он заставил себя обвиснуть внутри кокона, словно тряпичная кукла.

Ничего...

Желудок Туэйта внезапно дернулся и прижался к позвоночному столбу. Хребет выгнулся, словно пруттик под напором ветра. Подъем давления вышиб дух из легких. Лицевая маска надавила на глазные яблоки, перед взором Туэйта заплесало белое пламя.

Потом было ощущение, будто вытаскиваешь сапог из глубокой вязкой трясины – это тело Туэйта оправлялось от ударного шока. Затем ударная волна снова охватила его, и все повторилось опять. Он разогнулся еще раз. И на этом все кончилось. Насосы откачали прохладное желе за мембраной, колпак со звоном откинулся на крепления.

Все вокруг тонуло в красноватой мгле, едко воняло дымом. Скрежетал и визжал раздираемый на куски металл, выли сирены.

– Доклад о повреждениях! – крикнул Бернуа.

– Есть, сэр! – откликнулся целый хор голосов. Из интеркома посыпались рапорты.

– Кольцевые проходы ниже палубы тридцать три не функционируют. Защитные экраны южной полусферы не работают. У всех вспомогательных двигателей динамический отказ. Батареи от нижнего правого борта до нижнего левого не действуют. Медики докладывают: четырнадцать погибших, тридцать шесть раненых – в основном из-за неправильного применения капсул. Корпус пробит в двадцати двух разных местах. Палуба тридцать один докладывает... затопление... водой, сэр. «Брошь Шарлотты»... тонет!

Бернуа и Туэйт выбирались из центральной шахты, преодолевая непривычное планетное притяжение. Им пришлось шагать по корабельным коридорам и палубам, а корабль при этом не вращался. Угол наклона пола – как определил Туэйт – составлял примерно тридцать градусов. Он чувствовал, как этот угол увеличивается, поскольку

корабль все глубже погружался... в воду.

Мостик выглядел почти как всегда, только плавающий в воздухе дым да прихотливый узор огоньков – часть пультов управления и контроля погасла, и можно было сделать вывод, какие именно системы нападения и защиты и реактивные двигатели были повреждены, – говорили о том, что корабль не находился в космосе и не летел, а тонул. Команда подтягивалась на капитанский мостик. Люди шатались под действием непривычной гравитации и занимали свои места.

– Каково положение с нашей... м-м... плавучестью? – спросил Бернуа.

– Где находится остров? – перебил его Туэйт.

– Да какая разница? – сердито ответил полковник. – Если этот корабль наполнится водой и пойдет ко дну, мы все утонем.

– Где этот чертов остров? – повторил Туэйт.

– По курсу сто шестьдесят градусов, сэр, – отозвался офицер сектора защиты. – Расстояние – пять тысяч шестьсот метров.

– Если я не ошибаюсь, – произнес капитан первого ранга Туэйт, – Батавию окружают сравнительно мелкие воды. На расстоянии пяти километров их глубина не превышает тридцати или сорока метров. Диаметр «Броши» пятьсот двадцать пять метров – верно, полковник? Так что ваш корабль должен...

Все почувствовали мягкий толчок.

– ...опуститься на дно прямо сейчас. – Туэйт повернулся к стрелкам. – Есть у нас над водой установки, которые могут вести огонь?

– Десять батарей, сэр.

– Энергия для них?..

– Сколько угодно, сэр.

– Тогда наводите на остров. Те же цели, что и раньше. Беглый огонь.

Он повернулся к Бернуа, который облокотился на навигационный пульт.

– Нам все еще надо выполнять задание, полковник.

«21. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ГЕНЕРАЛЬНАЯ УБОРКА»

Не долго думая, Бертингас поднялся к верхнему люку «дракона» и открыл его. Довольно паяльница в голографический куб – он хотел *видеть*, что происходит. Наверху свистел ветер. Тэд высунул голову в отверстие люка и выгнул шею, всматриваясь в голубое небо над машиной.

Прямо в зените он заметил сверкающую зеленовато-белую точку. Она сыпала искрами, словно бенгальский огонь, и медленно увеличивалась. Точнее, удлинялась. Определить, что случилось, было трудно – Тэд находился как раз под ней.

Никаких звуков пока не доносилось.

Что-то толкнуло его в грудь, и он прижался спиной к порогу люка. Голова Моря поднялась на один уровень с его лицом.

– Что это такое? – спросила она, стараясь перекричать свист ветра и гул пропеллеров «дракона».

– Думаю, это планетарный бомбардировщик вооруженных сил Скопления, «Брошь Шарлотты»! – прокричал в ответ Бертингас.

– Они входят в атмосферу.

– Похоже на то.

– Им не следует этого делать.

– Не следует. Очевидно, у них возникли проблемы.

– Они не врежутся в нас?

Со звоном откинулся боковой люк, оттуда выглянуло мохнатое лицо стрелка-капуцинца. Ясно, что он слышал ее вопрос.

– Ба! – фыркнул стрелок. – Если бы вы смотрели повнимательнее, то давно бы уже все

поняли. Судя по тому, что я вижу, мы находимся в нескольких километрах от точки падения.

– Они врежутся в остров? – спросил Бертингас.

Капуцинец посмотрел на падающий корабль и прищурился, как снайпер.

– Нет, к юго-западу от него.

– Тогда все идет нормально.

– Все, кроме наших войск на Батавии.

– Что? Почему?

– Если эта штука врежется в море – а она сделает это, – то она расплескает чертовски много воды. Цунами. Прямо через весь остров.

– Скорее! – Бертингас начал опускаться вниз, но застрял: мешала Мора. Он поднял руку, положил ладонь ей на макушку и мягко, но настойчиво затолкал Мору внутрь «дракона». Затем спустился сам и сказал пилоту: – Передайте на командной частоте: «Всем отрядам на Батавии найти убежище через...»- Он обернулся к капуцинцу: – Сколько?

Инопланетянин пожал плечами:

– Три минуты... Лучше две.

– «...через девяносто секунд. Ожидается волна цунами».

Цернианин кивнул, включил рацию и передал приказ.

Тэд посмотрел вверх, на сверкающую точку. Она становилась ярче и крупнее. Он начал различать темную изогнутую поверхность внутри конуса раскаленных газов.

– Эта штука сможет как-нибудь воздействовать на нас? Ударная волна? Радиация? – прокричал он капуцинцу.

– Нет точных данных. – Тот пожал плечами.

Бертингас снова нырнул вниз и закрыл крышку люка. Раздавшийся звон подсказал ему, что капуцинцу пришла в голову та же мысль.

Тэд и Мора крепко вцепились в пульт связи.

Раздался низкий грохот, похожий на треск рвущейся парусины – словно парус древнего клиппера лопнул под порывом шквального ветра. Пропеллеры взвыли. «Дракон» покачнулся. Всплеска они даже не услышали.

Стрелок наклонился к клавиатуре компьютера и начал стучать по ней.

– Что вы делаете? – спросил Тэд.

– Хочу получить оценку ущерба от волны.

– Хорошая мысль.

Дистанция, глубина моря, тоннаж «Броши Шарлотты» (предполагаемый, по справочнику) и скорость ее падения (предполагаемая, исходя из оценки ее орбитальной скорости и сопротивления воздуха). ПИР выдал ответ: высота волны цунами – двенадцать метров. Она могла нанести ущерб причальной линии и затопить периферийные оборонительные сооружения Батавии. Если все штурмовые отряды вовремя получили предупреждение и нашли укрытия, то этот потоп дезориентирует и выбьет защитников из колеи больше, чем любой из трюков, которые до сих пор пытались применить войска Бертингаса.

Бертингас некоторое время смотрел на экран головизора, где воспроизводились вероятные последствия цунами на острове.

– Как только вода схлынет, – сказал он пилоту, – приземляйтесь в центр острова. Передайте всем аппаратам в воздухе: пусть садятся. Мы идем врукопашную.

Две минуты спустя командирский «дракон» Бертингаса опустился в районе стапелей. Тэд высвободил пульсатор, закрепленный возле крышки верхнего люка, и выбрался наружу, чтобы присоединиться к одному из отрядов. Мора Костюшко последовала за ним – у нее в руках тоже было оружие.

К тому времени все работавшие на Батавии инопланетяне сдались своим соплеменникам. Драться продолжали только работавшие на Хайкен Мару люди, безнадежные фанатики.

Тэд и Мора соскочили с «дракона», и едва их ноги коснулись земли, как в них начали

стрелять. Один крупнокалиберный шарик выбил небольшой кратер в бетоне рядом с каблуком Тэда, другой проделал неровную дыру в фибергласовом обтекателе «дракона» в двух сантиметрах от бедра Мора.

Тэд дернул ее вниз, под защиту – хотя бы частичную – обтекателя.

– Долго еще мы будем здесь оставаться? – спросила Мора.

– Ну, пока...

– Судя по всему, стреляли из кабины вон того крана справа, – сказала Мора. – Дай мне вторую обойму.

– У меня нет второй...

– Тогда дай мне магазин твоей винтовки.

Тэд отсоединил магазин.

– А теперь, когда я выйду из-за укрытия, – сказала она, – ты залезешь внутрь и возьмешь *четыре* магазина и *две* батареи. И еще какое-нибудь оружие. И сколько сможешь унести – тех гранат, что я там видела.

– Что ты собираешься делать?

– Не стой, раскрыв рот. Шевелись.

Сказав это, женщина, которую он любил или начинал любить, вышла прямо на линию огня, прицелилась и выпустила всю обойму в кабину крана. Тэд слышал хлопки, когда стеклянные шарики калибра 15, 5 миллиметра переходили звуковой барьер. Сразу за хлопками последовал треск – это шарики пробивали сталь и плексиглас кабины.

– Быстрее, шевели задницей! – приказала ему Мора, отбросила пустой магазин в сторону и быстро поставила тот, что дал ей Тэд.

Пока Тэд карабкался на броню «дракона», он слышал еще хлопки. Ответного огня со стороны крана не было. Тэд сгреб в одну кучу все, что нашел в кабине, и приказал стрелку-капуцинцу – слишком поздно, – чтобы он их прикрывал, а пилоту приказал взлететь через двадцать секунд.

– Передайте всем подразделениям, – сказал Тэд, – сохранить в целости как можно больше кораблей на стапелях. Они нам могут еще понадобиться.

Цернианин кивнул, и Тэд вновь вылез из люка.

Мора стояла во весь рост, медленно поворачивалась и прижимала приклад пульсатора к бедру, хищно отыскивая новую цель. Она была великолепна!

Бертингас подбежал к ней, пристегнул к ее талии пояс с запасной амуницией, запихнул часть гранат ей в карманы и прижался к ней спина к спине, прикрывая Мору с тыла.

– Что теперь? – спросила она.

– Они вылетят из-под обстрела, а мы попробуем найти...

Голос Тэда утонул в треске и скрежете – словно гигантская рука сминала в комок листы жести и пластика в гулком и глубоком колодце. Он инстинктивно повернул голову к «дракону», но тот стоял неподвижно и был цел. Он посмотрел вверх.

В небе висела полоса пурпурно-белого света.

Бертингас зажмурился.

– Не смотри! – крикнул он Море.

Яркость полосы была такой интенсивной, что он всерьез стал опасаться, не повреждены ли у него роговицы. Может быть, навсегда. Может быть, только временно. Если бы после того, как он закрыл глаза, свечение под веками хоть как-то снизилось через – ну, скажем, пятнадцать секунд, – то он почувствовал бы себя лучше.

Пока Бертингас ждал, когда восстановится зрение, он изучал яркое пятно перед глазами. Трудно было сказать что-то определенное – как широк был поток плазмы или как далеко от них.

– Мы что, уже умерли? – прошептала Мора.

Яркое пятно под веками Тэда пошло на убыль. Он осторожно открыл глаза и осмотрелся.

– Этот выстрел, должно быть, произвела «Брошь», – медленно произнес он. – С

верхних батарей. Они вынесены довольно высоко над ее корпусом...

– Да и мы стоим на верхней части острова, – заметила Мора.

– Правильно, но если мы сможем найти ее цель...

– Если они вообще куда-нибудь попали.

– Так, что изменилось на линии горизонта вокруг нас?

– Вон та башня. – Она указала на север, как раз в том направлении, куда мог попасть поток плазмы, который увидел Тэд. – Не была ли она... выше? С чем-то вроде антенны на верхушке?

Тэд разглядывал башню. Он смутно припомнил рогатую параболическую антенну. Рога все еще были видны, но уже ниже, у подножия башни. Сама башня стала гораздо ниже. Ее новая верхушка теперь представляла собой плоскость – словно кто-то откусил половину башни. Синтебетон и стальные опоры испарились под действием плазмы, нагретой до звездных температур. Тэд не видел ни упавших обломков, ни свисающих частей. Ясно, что, когда верх башни завалился, он оседал во все еще летящий поток плазмы и испарялся.

Сфокусированный поток ионизированного гелия, нагретый до миллиона градусов по Цельсию, вполне может сделать такое.

Да, шрам на башне располагался на высоте не менее десяти метров. Бертингас так и сказал Море.

– Итак, мы в безопасности, пока «Брошь» аккуратно выбирает свои цели, – произнесла она. – Что ты там говорил – где мы собираемся?

– В центре управления и контроля.

– И зачем нам туда идти?

– Я хочу отключить здесь все, что можно.

– Ага.

– Сюда!

Тэд повел ее через площадку, под носовой частью тупорылого транспортного корабля – или, может быть, какого-нибудь космического буксира, – у которого отсутствовала половина листов обшивки. Повреждения были нанесены сварочными аппаратами и гаечными ключами, а не являлись результатом сражения. Пока Тэд с Морой шли, никто в них не стрелял и никто не убегал от них. Для эпицентра жаркого боя здесь стояла необычная тишина.

Они быстро двигались вдоль высокой стены, которая была частью ограды, отделявшей один стапель от другого. Внезапно Тэд услышал шаги. Поначалу он подумал, что это просто эхо от их собственных шагов и ничего больше.

Из-за стены сначала донеслось шарканье бегущих ног и топот крепких подошв о синтебетон, затем чьи-то крики, затем звяканье оружия.

Бертингас выхватил гранату, вырвал чеку и перебросил гранату через стену.

Две секунды спустя даже Тэда и Мору слегка оглушило. Донесшийся до них звук взрыва состоял, казалось, из четырех частей: басового элемента – словно играл большой барабан духового оркестра; сопрано дребезжащей жести и бьющегося стекла; шипения, как от трения стального каната о кнехт; и звона, напоминающего бой колокола в первый день творения. Все четыре компонента слились воедино. Звуковой удар так оглушил их, что на целую минуту они почти потеряли сознание.

Тэд, едва пришел в себя, подбежал к пролому в стене и начал стрелять – сначала по низу, затем все выше.

Четыре человека, уже согнувшиеся и обхватившие головы руками, задержались, когда в них попали шарики, и повалились на землю. Они носили ту же самую зеленую униформу, что и те солдаты, с которыми Бертингас сражался на гиперволновой станции после долгого скитания по лесам. Он проверил, что они на самом деле мертвы, и сделал единственный выстрел милосердия в голову солдата, чьи ноги превратились в размозженную смесь крови, костей и сухожилий.

Мора подошла к нему.

– Откуда ты узнал, – спросила она, – что это не были наши собственные солдаты? Ты же их не видел из-за стены!

– На самом деле я не знал, – смутился Тэд. – Поэтому я бросил акустический парализатор, а не осколочную гранату. Но мои предположения оказались правильными.

– Да ты опасен! Даже на войне. – В ее голосе звучали одновременно и гордость, и раздражение. – Что теперь?

– Теперь вверх вон по тому трапу.

– Я поднимаюсь первой.

– Что? Это еще почему?

– Ты будешь меня прикрывать. Если мы полезем вверх одновременно, то оба окажемся беззащитными.

Бертингас кивнул. Он прижался к синтебетонной стене и поднял пульсатор. Мора повесила винтовку на спину и начала подниматься. Когда она достигла верха, оттуда протянулись две руки и сняли ее, дергающую ногами, с лестницы.

Тэд прыгнул вперед, развернулся и прицелился, но Мора уже не было видно.

У него не осталось другого выхода, кроме как ползть наверх самому.

Бертингас поднимался осторожно, медленно переставляя руки, всматриваясь вверх и прислушиваясь. Сверху показались те же две руки. Он переложил винтовку в левую руку, зажал приклад под мышкой и неуклюже прицелился. Сверху, вслед за руками, появилось лицо – квадратное лицо Пэтти Фиркин. Винтовка Тэда повисла на ремне, замотанном вокруг локтя.

– Что ты делаешь там, наверху?

– А что ты делаешь там, внизу? – спросила она. – Вся драка происходила тут.

– Ну, не вся.

– Ага. Мы с Халаном наблюдали за твоей работой. Ты опасен.

– Так все говорят... Что мне оставалось делать?

– Мы обесточили весь сектор. Это заблокировало все двери и отключило трубы лифтов. Сейчас наши команды прочесывают уровень за уровнем и собирают пленных – или окончательно разбираются с упорствующими.

– Значит, мы победили.

– Похоже на то.

– Где Халан? И кстати, где Мора?

– Я отправила ее в центр управления. Он там же.

– В какую сторону идти?

– Сюда. – Фиркин повернулась, и ее сапоги застучали по плотному синтебетону.

– Каковы потери?

– Чьи?

– Сначала наши.

– Из пятнадцати тысяч высадившихся, – сказала она, – на перекличку отозвалось семь тысяч и еще три тысячи в руках медиков. В таком закрытом театре военных действий, на острове, когда обороняющиеся рассредоточены и прячутся по подвалам, мы вынуждены констатировать, что остальные наши бойцы скорее мертвы, чем сбежали или сдались противнику.

– Ясно. Это плохо.

Полковник пожала плечами:

– Они победили. Необстрелянные солдаты. Против укрепленного объекта. *Какой* ценой они победили – это другой вопрос.

– Продолжай. В каком состоянии крепость? И что более важно – в каком состоянии корабли на стапелях?

– Оценка еще продолжается. Я послала бригаду капуцинцев осмотреть технику, которую Хайкен Мару установила на кораблях. Они переоборудованы наспех, разумеется, но все же оказались способными задать жару в битве за Джемини. Ты думаешь о том же, о чем

и я?

– Выясни, сколько кораблей находятся в сносном состоянии, – сказал Бертингас. – И откомандируй на их ремонт капуцинцев. Посмотрим, можно ли будет здесь отремонтировать поврежденные эсминцы – да и крейсера, если уж на то пошло – с Джемини.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что база Джемини заблокирована. Оттуда никто не может выйти. Мы получили сообщение об этом десять минут назад.

– Ого-го!

Они прибыли в центр управления – сейчас его стеклянные стены были почти все разбиты. Оборудование центра осталось в основном цело, однако все кругом было засыпано осколками стекла, сверкающими, как алмазы.

Мора была там, и Фоллард тоже. Оба мрачные.

– Кто заблокировал Джемини? – спросил Бертингас. – Спайл?

– Больше некому, – ответила Мора.

– Значит, это был только обманный маневр...

– Нет, мы обрубили один из источников дешевого вооружения, – сказал Фоллард. – А еще мы сломали хребет его лучшему союзнику – по крайней мере здесь, в Скоплении Аврора.

– Не говоря уже, – начала Фиркин, – о создании политического кризиса, который...

Она замолчала: засветились огни пульта связи.

Молодой капуцинец, который колдовал над ним, сдувая пыль и сметая осколки стекла, произнес:

– Приближается группа из пяти аэрокаров. Один из них транслирует опознавательный сигнал губернаторской машины. Коды других принадлежат вооруженным силам Скопления. Вы им поверите?

Лицо Фолларда внезапно осунулось.

– Да, так будет лучше, – ответил он. Затем сказал Бертингасу: – Пришла пора давать объяснения насчет твоего трюка с «Фри Видом».

– Если смогу... Было бы легче, если б мы захватили здесь кого-нибудь из шишек вроде Валенса Элидора, менеджера острова, или хотя бы начальника отдела ремонта кораблей – кто бы ни попался нам в руки, – чтобы официально передать Батавию под управление губернатора Салли.

Фоллард взглянул на Фиркин.

– Посмотри – может, тебе удастся найти кого-нибудь с золотым аксельбантом и кающим взором. Встретимся внизу. И как можно доходчивей объясни ему – или ей, – что если он попытается подать губернатору протест, то может не дожить до конца беседы. И сделай это поубедительнее.

– Будет исполнено, босс!.. – Женщина-тяжеловес вышла из помещения.

– И все-таки главная скрипка здесь ты, Тэд, – сказал Халан.

Бертингас кивнул.

– Тогда пошли к ним.

Следуя указаниям авиадиспетчера-капуцинца, стайка аэрокаров губернатора приземлилась на открытой площадке к северу от доков. Выйдя из машины, Дейдра Салли сразу оказалась окружена – а военный человек сказал бы, что и прикрыта – высшими военными чинами вооруженных сил Скопления и главами департаментов – почти в полном составе. Главные умы Скопления Аврора, или по крайней мере те, кого таковыми считали, сбились в кучу. Чтобы уничтожить их всех сразу, хватило бы всего одной осколочной гранаты. Бертингас быстро осмотрелся: черные дыры окон, дверные проемы, ангары... Один-единственный стрелок Хайкен Мару с пульсатором сможет изменить ход истории.

Когда Халан, Тэд и их офицеры приблизились к аэрокарам, одна из групп прикрытия отделилась от общего кольца и направилась к ним. Бертингас сразу узнал прилизанную

голову Селвина Прейза.

– Вы арестованы! – закричал Прейз. Он повернулся к одному из высоких военных чиновников. – Полковник, возьмите этого человека под стражу!

Офицер, чье внимание было полностью поглощено тем, что говорила губернатор, удивленно поднял голову.

Прейз приблизился к отряду Бертингаса.

– Вы крайне безрассудно предприняли неслыханное нападение на суверенный конгломерат, Бертингас. И почему? Почему? Если какой-нибудь из кораблей Хайкен Мару и участвовал в рейде на Джемини, то делал это после юридически правомочной продажи арахнидам. А это никак нельзя считать военной акцией. Но теперь вы дали повод. Когда арахниды закончат дела с базой Космического флота, эти корабли повернут сюда, на Палаццо, и оставят от нас мокрое место. Теперь не осталось ни малейшей надежды, что губернатор Спайл забудет про наше Скопление. Он смахнет нас к дьяволу в зубы вместе с кровавыми лохмотьями Джемини. Если только мы немедленно не сдадимся на его милость. Ваши действия не оставили нам другого выбора. Вы не предоставили нам ничего... Да слушаете вы меня или нет?!

Бертингас отрицательно покачал головой.

– Принимать решения – дело губернатора, – мягко произнес он. – Мы вернули ей Скопление – или по крайней мере военное превосходство в этой его части. Если она решит повесить меня за это – значит, повесит. А если захочет передать меня Аарону Спайлу и его приспешникам из Хайкен Мару в качестве знака готовности к мирным переговорам, то это тоже ее прерогатива.

Бертингас попытался обойти своего начальника.

– Вам не удастся уйти от ответственности! – закричал Прейз.

Тэд внезапно понял, что он произносит заранее заготовленную речь, предназначенную для других ушей.

– Да-да! – с пафосом заявил директор Бюро коммуникаций. – Мы знаем, что это были вы. Мы схватили вашего сообщника, инопланетянку Ринальди. Она призналась, что сделала эту абсолютно фальшивую и предательскую передачу по вашему указанию. Передача поставила ее превосходительство губернатора в ужасное положение. В нашем распоряжении также рабочие записи Ринальди, сделанные вашим почерком. Это доказывает, что...

– Вы не должны обвинять Джину, – устало произнес Бертингас. – Она только подчинялась моим приказам. Простой технический исполнитель. Вы не докажете даже, что она знала, что готовит и почему.

– Какая смелость с вашей стороны, – съехидничал Прейз. – Какая галантность. И совершенно ненужная.

– Что?

– Эта тварь заперлась и сопротивлялась законной процедуре ареста. А после задержания отказывалась отвечать на вопросы. Мне приятно сообщить, что ее раны оказались смертельными и она не выжила.

– Вы убили ее.

– Она сделала это сама, – самодовольно сказал директор.

При других обстоятельствах, в своей прошлой жизни, Тэд бы сломался под этим напором. От брани непосредственного начальника слезы бы навернулись ему на глаза. В прежние времена он сошел бы с ума, узнав, что его коллега – друг! – умер от побоев и наркотиков в камере, защищая самого Бертингаса. Но теперь он стал совсем другим человеком. Он выжил в лесной глуши, голый и без оружия, за ним охотились и в него стреляли, он сознательно убивал людей, собственными руками. Поэтому сейчас он просто смотрел в ухмыляющееся лицо Селвина Прейза.

Он мог бы стереть с него этот оскал.

Приклад его винтовки молниеносно взлетел бы вверх – от бедра на уровень груди и чуть выше, сокрушая кости и хрящи, а затем вниз к ноге. Одно такое быстрое движение – и

даже Халан Фоллард, стоящий рядом с Бертингасом, не смог бы с уверенностью утверждать, что видел это. Затем Тэд позвал бы санитаров, сатиров с белыми кругами и красными крестами на груди, которые шли вслед за боевыми группами. Он сказал бы им, что с директором Бюро коммуникаций случился удар – и это было бы совершенной правдой. Они бы сложили руки Прейза на животе и поволокли его тело – возможно, еще дергающееся, а возможно, уже совсем без признаков жизни – прочь, подхватив за плечи и за ноги.

Но не возникнут ли при этом осложнения? Прейз может не умереть от удара. Тогда он вообще сотрет в порошок Бертингаса. Да и сам по себе удар будет расценен как доказательство вины Тэда и сговора с Джиной. (Какого черта! Он и был виновен!) Удар будет использован в качестве предлога заковать его в кандалы, бросить в камеру, пытать его – в то время когда губернатор, Халан, Пэтти, все остальные будут в нем нуждаться. Где-то глубоко внутри, на уровне подсознания, Бертингас слышал: «Ты опасен!»

Поэтому винтовка осталась на прежнем месте.

Селвин Прейз продолжал смотреть на него с торжествующей улыбкой. Тэд покачал головой и смог наконец обойти директора. В этот самый момент сгрудившаяся вокруг губернатора толпа мужчин и женщин распалась и пошла навстречу командирам десантников.

– Мой дорогой Фоллард! – произнесла Дейдра Салли, шагнула вперед и протянула руку Генеральному инспектору. Халан склонился и поцеловал ее руку. – И советник Бертингас! Все еще живой!

– Да, мэм. – Бертингас также взял руку губернатора и повторил учтивый жест Фолларда.

– Несмотря на все козни врагов, – сказала губернатор, – вы, кажется, смогли их одолеть.

– Да, мэм.

Бертингас всей кожей чувствовал, как Прейз собирает силы, чтобы кинуться к этим руководящим личностям и вновь повторить свои обвинения и громко потребовать ареста Тэда.

– Прекрасной иллюстрацией служит самое последнее недоразумение, – продолжала Салли. – Да, я так на вас разозлилась! Разозлилась – что я говорю! Подумать только – вы замыслили сфальсифицировать официальное обращение, вызвавшее предпринятую вами акцию на Батавии! Я почти уже отдала приказ о вашем аресте и немедленной казни – поверите ли вы в это? Но затем я вызвала моего советника по науке, доктора Гракси, и спросила его, нет ли этому другого объяснения, чем преступная измена одного из моих самых преданных служащих? Тогда он и рассказал мне о временной природе гиперволновой спутниковой сети. Я уверена, мне не стоит объяснять азы теории такому эксперту в данной области, как вы – да я и не уверена, что правильно поняла их сама, – что посланное по Сети сообщение может иногда путешествовать не только в пространстве, но и во времени...

Бертингас почти уже собрался возразить ей, объяснить, что, хотя эта теория и совершенно правильная, фальсифицированное сообщение было передано по «Фри Виду», а не по гиперволновой сети. Но он промолчал.

– Доктор Гракси объяснил мне, что так как данный штурм был предпринят сообразно посланию, то это доказывает, что послание пришло по... по блуждающей темпоральной волне – кажется, он так сказал. Когда-то в будущем или в альтернативном настоящем, я *выступила* с этим обращением к народу Скопления Аврора. А вы, Халан Фоллард, и ваши brave солдаты, действуя независимо – хотя и слегка преждевременно, – выполнили приказ, который я отдала – или отдам в будущем. Поэтому круг не разорван. Время, говорит доктор, исправило само себя.

Двое или трое из ее придворных заплодировали. Губернатор просияла и кивнула им.

Все это была, конечно, чушь. «Блуждающие темпоральные волны» и «альтернативное настоящее» – это совершенно иное. Они не могут появиться в каком-нибудь ответвлении прошлого или слиться с настоящим. Бертингас это знал. Он подозревал, что и Дейдра Салли, и доктор Гракси тоже это знали. Тем не менее абсурдная теория губернатора станет

официальной версией. А также спасет шкуру Бертингаса.

Даже если уже слишком поздно спасти Джину.

– Некоторые люди, – тут губернатор бросила многозначительный взгляд в сторону Селвина Прейза, позеленевшего от бешенства, – говорили, что данная акция ограничит наши возможности выбора. И что теперь на нас обрушится молот арахнидов и мы должны умолять о пощаде. Леди и джентльмены, – в ее голосе появились торжественные нотки, – Аврора не покорится, мы останемся верными Пакту, как были ему верны всегда. И самое лучшее, что мы можем сейчас предпринять, так это гарантировать, чтобы от Джемини не остались всего лишь кровавые лохмотья, после чего начнется вторжение сюда, на Палаццо.

Дейдра Салли повернулась к Море и положила в знак утешения руку ей на плечо.

– Моя дорогая, мы сделаем так, что база этого острова будет служить нам. Мы отправим эти корабли, – рука поднялась и широким жестом обвела ряды кораблей на стапелях, – трофеи, захваченные в жаркой схватке, на помощь вашему отцу.

– Я найду экипажи для них, Дейдра, – заявила Амелия Сейл, матриарх Владения Грингэллоу, – даже если мне придется опустошить поля ради этого.

– Отлично сказано. Благодарю тебя. Генерал Диндыма!.. – Глаза губернатора уперлись в командующего вооруженными силами ее Скопления, еще одного высокого чиновника ее свиты.

– Да, мэм?

– Будьте любезны, свяжитесь с вашим планетарным бомбардировщиком, «Брошью Шарлотты», и выясните его состояние.

– Мэм, я уже сделала это, – произнесла Пэтти Фиркин, которая только что подошла к ним. – Капитан первого ранга Туэйт и полковник Бернуа докладывают, что корабль приводнился на мелководье, чуть дальше пяти километров отсюда. Корпус пробит, но может быть отремонтирован. Большинство орудий и ракет боеспособны. Реактивные двигатели в основном уцелели... Но, разумеется, они никогда не смогут вывести его в космос. Во всяком случае, не с поверхности планеты.

– Он сможет летать, – вступил Фоллард, – если отремонтировать дефектный инвертор массы, с его помощью прыгнуть в открытый космос, а затем уже отвести корабль куда надо на реактивной тяге.

– Как вы считаете, – спросил Диндыма, – обладает ли эта база достаточными ресурсами?..

– Я начинаю подозревать, – сказала Фиркин, – что Хайкен Мару создала здесь полностью оснащенную передовую базу для губернатора Спайла. Инверторная технология будет стандартной...

– Джентльмены, – прервала губернатор. – Полковник, – кивок в сторону Пэтти, – «Брошь» станет моим флагманом в этой экспедиции. Я оставляю разработку деталей вам после того, как проверю с вашей помощью состояние этой базы.

– Разумеется, мэм, – хором сказали они.

– А затем мы соберемся на военный совет.

«22. ХИЛДРЕД САМУЭЛЬС: УКУСЫ ОВОДА»

Алмазная россыпь мерцающих огней вокруг базы Джемини стала для Хилдред Самуэльса так же привычна, как узор созвездий ночного неба системы Кали. Казалось, что мерцающие огоньки – отражение солнечных лучей от корпусов кораблей, которые блокировали базу, – регулируют и управляют безымянными звездными Скоплениями. Они образовали густую сетку на фоне светящегося газового потока, соединяющего Кастор и Поллукс. В результате войны база Джемини приобрела собственную небесную сферу, с долготой и широтой, азимутом и склонением для любой точки в небе.

Самуэльс позволил себе отвлечься от совета капитанов настолько, что смотрел в незадраенный иллюминатор кают-кампании и мечтал.

Пусть однажды база и смогла отразить сферическую атаку передового отряда арахнидов, которых поддерживали корабли Хайкен Мару и Бовари. Теперь она была заблокирована. Но сейчас заблокировавшие ее корабли не были транспортами, переделанными в подобие боевых судов. Сейчас это был весь военный флот вооруженных сил Скопления Арахна плюс корабли, захваченные по меньшей мере еще в четырех Скоплениях. Больше трехсот кораблей двигалось по точно рассчитанным пересекающимся орбитам, в фокусе которых лежала база Джемини.

– Они не увязались за нами, адмирал, – говорил Ниорн, командир одного из эсминцев. Два эсминца, его и капитана третьего ранга Суделича, совершили вылазку, которую летный состав флота называл «укус овода». Это было сделано для проверки защитных мер и боевой готовности флота арахнидов.

Опасный маневр, когда весь боекомплект базы состоит из шести эсминцев и трех крейсеров, способных уходить в гиперпространство, а восемь других эсминцев могут передвигаться лишь в реальном пространстве на реактивной тяге.

– Мы нападали на них с двух смежных точек, проводя скоординированную атаку, – разъяснил Суделич, – но бой ни разу не вышел за рамки дуэли отдельных кораблей. Остальные не покидали своих позиций ради драки с нами. Когда атакованные нами корабли начинали выходить за границы своей позиции на орбите, они отступали и передвигались на прежнее место. Я бы сказал, они чрезвычайно дисциплинированы.

– И это все? – спросил Костюшко.

– Все, сэр.

– Может, они просто берегут ракеты? Экономят топливо? – раздраженно спросил адмирал.

– Возможно, сэр, – согласился Суделич. – Однако имея пять Скоплений в качестве источника снабжения и полный простор в системе Кали для его доставки, полагаю, что об экономии они думают в последнюю очередь.

– Чего же они хотят? – спросил адмирал – скорее самого себя, чем капитанов. – Они могли разгромить нас еще пять дней назад. Один натиск – и база либо стала бы их, либо была бы уничтожена. Но этого они не сделали... Они выпендриваются, как коза в кордебалете, и удерживают позиции. Чего они ждут?

– Возможно, они опасаются наших орудий, сэр, – подал голос Карно.

– Продолжайте, – проворчал адмирал.

– Я проанализировал их возможности. Девяносто процентов их флота – эсминцы, два крейсера, один авианосец, который может являться их флагманом. Планетарных бомбардировщиков или линкоров у них нет.

– Бомбардировщики, – вклинился кто-то с дальнего конца стола, – не рассматривались в качестве существенного фактора, который может решить исход боя, уже свыше тридцати лет. Слишком медлительны. Пригодны только для обороны.

– Вот именно! – воскликнул Карно. – Что такое эта блокада, как не оборона? Бомбардировщик является единственным кораблем, имеющим орудия крупного калибра – и в достаточном количестве, – чтобы нанести серьезные повреждения нашей базе. Те блокирующие корабли просто держатся за пределами досягаемости наших батарей. Что также дает им достаточное пространство для маневров, чтобы уклоняться от наших ракет или уничтожить их.

– И которые мы экономим, – подсказал адмирал.

– Да. Разумеется, сэр.

– Такое огромное количество кораблей, однако, – заметил Костюшко. – Они все-таки могли бы навалиться на нас, открыть огонь из всех орудий и подавить наши батареи. Почему они этого не делают? Они потеряли бы... Сколько, капитан первого ранга Карно?

– Приблизительно сорок два процента от общего числа. Скажем, сто сорок четыре корабля.

– Неплохая цена за орбитальную станцию класса «Альфа», не так ли?

– Может быть, так, сэр, что эта цена выше той, которую готов заплатить Спайл, – вставил Самуэльс. – Перед нами сейчас находится, должно быть, большая часть его флота. Это тот флот, который ему необходимо довести целым и невредимым до самого Главного центра плюс что он сможет захватить по дороге или переоборудовать. Его не устраивает перспектива потерять почти половину кораблей, чтобы взять одну базу в захолустном Скоплении. Пусть даже это и база класса «альфа», сэр.

– Тогда, если мы настолько незначительны, как вы, кажется, думаете, – зарычал адмирал, – Спайл мог бы нас обойти стороной.

– И оставить Космический флот – или, по меньшей мере, его верную Пакту часть – у себя в тылу? Вы могли бы пойти на такой риск, сэр. Как мог бы я или любой военный человек в этом помещении. Но Спайл до мозга костей гражданский человек. Он осторожен. Ему потребовалось много времени, чтобы спланировать и осуществить этот мятеж. Смерть Высокого секретаря послужила просто толчком и, бьюсь об заклад, даже захватила Спайла врасплох. Спайл – консерватор. Не знает, когда следует рискнуть и сделать решающий ход, опираясь на уверенность в своем тактическом мастерстве.

– До сих пор он неплохо справлялся. Поставил нас на колени.

– Благодаря подавляющему превосходству в количестве и фактору внезапности. Он тщательно разработал детали и, должно быть, десятки раз проигрывал эту атаку на тактическом тренажере. Возможно, не один год. Посмотрите: когда она не принесла полного успеха, он внезапно стал осторожен. Все его бурное наступление завершилось вот этим – блокадой базы Джемини. Мы не даем ему двигаться, сэр.

– Много же нам от этого пользы, – пробормотал один из капитанов.

– Мы можем покинуть базу, но мы не можем получить боеприпасы или принять подкрепление, – громко сказал Костюшко.

Это было очевидно. Радиус сферы блокады – в среднем пятьсот километров – был слишком мал для любого корабля, который попытался бы совершить гиперпространственный прыжок внутрь нее. Стандартная навигационная точность при любом подобном маневре составляла сферу диаметром пять астрономических единиц с центром в расчетной точке прибытия. Попасть в любую точку внутри этой области являлось делом случая.

Узнав о прыжке штаб-квартиры Халана Фолларда – слухи об этом уже достигли Джемини, – любой опытный капитан схватился бы за голову. Генеральный инспектор с тем же успехом мог появиться вместе со своей грудой кирпичей где-нибудь на орбите близ Палаццо или посреди болота. Все офицеры сошлись во мнении, что это и есть тот самый случай, когда можно сказать, что дуракам везет.

Разумеется, любой корабль Джемини мог выпрыгнуть из сплетенной арахнидами паутины. В любое время. Однако чтобы вернуться к базе или привезти подкрепление, ему пришлось бы с боем пробиваться сквозь кольцо блокады.

Штаб Космического флота был извещен об их бедственном положении и обещал скоро прислать подкрепление. Как только будут выполнены «прочие обязательства и поручения» флота. Весьма туманная формулировка, оставляющая начальству полное право тянуть до следующего тысячелетия.

– Капитан первого ранга Уорли, – начал адмирал, – сколько мы сумеем продержаться?

Новый начальник внутренней службы откашлялся.

– Наши мастерские производят ракеты в три смены. При таких темпах мы израсходуем склады запчастей и исходных материалов за девяносто шесть часов. Это даст нашим батареям... – он вполголоса задал своему ПИРу несколько вопросов, – около двух тысяч единиц ракет. Наших запасов дейтериево-третиевых капсул хватит для трех тысяч шестисот комбинированных залпов. Или чуть больше пятнадцати тысяч пятисот единичных выстрелов. Мы можем увеличить это количество практически до бесконечности, если возьмем дейтерий и тритий с наших термоядерных электростанций и попробуем изготовить заряды для орудий сами. Но мы будем использовать кустарную технологию, и я не поручусь,

что в наших снарядах вообще начнется реакция синтеза.

– Гм, – сказал адмирал. – Как насчет самих станций?

– Сорок дней, сэр, при номинальной нагрузке. Меньше, если мы будем поддерживать активную работу всех подразделений круглые сутки, с пиковой нагрузкой всех систем.

– Насколько меньше?

– Восемь дней, сэр.

– На восемь дней меньше или всего восемь дней?

– Всего, сэр... Что касается пищи, воды и дыхательных смесей, – продолжал Уорли, – мы опустились ниже 120 – дневного запаса. Тем не менее проблем здесь нет. Мы запустили регенерационные установки на полную мощность. Сейчас мы живем почти исключительно на собственных... э-э... субпродуктах.

– Так, а вот и мой ленч, – пробормотал один из капитанов.

– Приходит? Или выходит? – ехидно спросил кто-то.

– Мы сможем жить таким образом неопределенно долгое время, разумеется, – не обращая внимания на смешки Уорли.

– Нет, не сможем, – слышалось с дальнего конца стола.

Адмирал Костюшко постучал по столу, призывая к порядку, и сердито посмотрел на своих капитанов.

– Джентльмены, это серьезный вопрос.

– С дыхательными смесями имеются проблемы, адмирал, – сказал Уорли, – из-за повреждений, полученных во время диверсионных атак. Каждая пробоина метрового диаметра во внешней оболочке базы – учитывая суматоху и неопытность ремонтных бригад, лишает нас двухсот кубометров воздуха при аномальном давлении в одну атмосферу. По сравнению с объемом замкнутого пространства базы эта величина сама по себе ничтожна. Однако если налеты будут продолжаться с той же регулярностью, нам придется либо понизить давление в системе, либо начать эвакуацию.

– Вы продолжаете выставлять посты?

– Отделение морских пехотинцев в скафандрах у каждого шлюза. Как только мы замечаем скоростной скутер с диверсантами, пехотинцы выходят наружу и разделяются с ними. Но налетов слишком много, у нас не хватает людей, и некоторым удается проскочить.

– Как такое возможно – при круговой обороне? – Костюшко повернулся к Самуэльсу.

– Скутеры слишком малы, и наши радары их не видят, адмирал, – ответил тот. – Пластиковая оболочка и одноразовый реактивный двигатель. Это камикадзе, сэр. Вооруженные только мешком взрывчатки и пульсатором. Как только они достигают корпуса, у них остается только один выбор – драться. Или открыть гермошлем.

– Они могли бы сдаться.

– Нет, если они думают, что мы не можем позволить себе тратить воздух и воду на пленных, сэр.

– Спайлу, должно быть, удалось заручиться их абсолютной преданностью, – задумчиво произнес адмирал.

– Или пригрозить им чем-то, чего они боятся больше смерти, – ответил Самуэльс.

– Гм, – адмирал немного поразмышлял. – Итак, внутренняя служба – каково ваше заключение? Пожалуйста, дайте максимум из вашего минимума.

– Шесть дней, сэр. При сложившемся темпе использования оружия.

– Капитан первого ранга Карно?

– Да, сэр?

– Если мы возьмем трехдневный запас термоядерного топлива электростанций базы и запустим реакцию синтеза, какой будет радиус взрыва?

– Полагаю, вы имеете в виду границу мощности, способную вывести из строя корабль средних размеров? Скажем, эсминец или крейсер?

– Да.

– Если подсчитать на глазок... Шестьсот километров. С избыточным давлением

ударной волны семь стандартных атмосфер и температурой в эпицентре взрыва всего пять тысяч градусов по Цельсию. Не учитывая осколочное поражение обломками базы. Это подойдет, сэр?

– Капитан первого ранга Самуэльс, установите детонаторы на резервуары номер два и три. Активизируйте детонаторы и ждите моей команды.

– Слушаюсь, сэр, – мрачно кивнул Самуэльс.

Все зашумели, задвигались. Послышались удивленные возгласы.

– Разрешите, сэр? – отважился спросить капитан Хилдред. – Как насчет личного состава базы? Вы же не собираетесь совершить самоубийство?..

– Разумеется, нет, капитан первого ранга, – рявкнул адмирал. – Мы посадим весь персонал на способные прыгнуть в гиперпространство эсминцы и крейсера. У них хватит места внутри, так?

Капитаны сделали быстрый подсчет в уме и согласно закивали.

– Хорошо. Тогда за тридцать секунд до детонации мы прыгнем прямо от причалов на противоположную сторону Кастора и Поллукса. И после того, как базы не станет, мы вернемся и подберем столько оставшихся в живых, сколько сможем. Принимается, джентльмены?

Большинство собравшихся одобрительно закивали. Но не Самуэльс.

– Это лучшее, что мы можем сделать, сэр? Взорвать базу в надежде вывести из строя – сколько, Карно? Десяток? Два десятка кораблей Спайла? – не унимался Хилдред.

– Несомненно, гораздо больше, – ответил артиллерист.

– Пускай больше, но не всех. Даже не большинство. Нам придется драться с остальными, пока нас не начнут теснить слишком сильно. Затем мы отступим, ради гражданского персонала на борту забитых под завязку кораблей. Вы знаете, что отступим.

– Ну, ну, остыньте, Хилдред, – мягко сказал адмирал. – Мы отступаем, не запятнав своей чести.

– Но в результате за спиной у Спайла ничего не остается – ничего! Никаких верных Пакту сил, которых ему следует бояться. Губернатор Паук сможет без помех отправиться в Главный центр, прямоком на Высокое секретарство.

– В данных обстоятельствах, – произнес Костюшко, – это все, что нам осталось.

«23. ТАДЕУШ БЕРТИНГАС: ПРЫЖОК И УДАР»

Нуль-переход Бертингас пережил легко – для него это было как чихнуть. Он пришел в себя и почувствовал сильный толчок в бок. Легкая паутина сетки справа напряглась, затем сила отдачи отбросила его назад, и он стукнулся левым бедром и локтем о стальной каркас. Голова дернулась и ударилась о его собственное плечо. Сильная боль пронзила руку. Шейные мышцы свело судорогой. Ему показалось, что из уха вытекает струйка крови.

Свет на палубе «Броши Шарлотты» замигал. Со всех сторон доносились сирены тревоги.

– Что случилось? – спросил Бертингас. Кто там слева – Фоллард или Туэйт? А Мора – с ней все в порядке?

– Столкновение! И не одно, а несколько, – негромко ответил ему Туэйт. Естественно, он сразу все понял и разгадал ребус аварийных сигналов.

– Как это могло случиться? Мы ведь в открытом космосе, не так ли? Мы не... *мы не врезались в Джемини* ?

– Успокойся, Тэд, – проворчал капитан первого ранга. – От нас сейчас ничего не зависит. Пусть беспокоится экипаж.

Бертингас высвободил правую руку и пощупал ухо. Оно было сухим, но горячим – и похоже, скоро опухнет и сделается как оладья.

– Да, это было необычно, – послышался голос Дейдры Салли. – Не будет ли кто-нибудь так любезен выключить эти сирены? Что произошло? Я жду доклада.

В отсеке воцарилась тишина.

– Докладывает мостик, ваше превосходительство, – ответил через интерком генерал Полониус Диндыма. Было ясно, что он не привык выполнять указания начальства, да еще на собственном капитанском мостике. – Кажется, мы вышли из прыжка в точке, которая была... м-м... занята до нас двумя, возможно – тремя объектами.

– Вы имеете в виду астероиды, генерал? Или газовое облако?

– Нет, мэм. Корабли.

– Только не наши собственные!

– Нет, конечно нет. По предварительным данным, они циркулировали по некой определенной орбите, ваше превосходительство. Мы считаем, эти корабли из числа тех, что блокировали базу Джемини.

– И каково их нынешнее положение?

– Прошу прощения?

– Что случилось с ними? Что случилось с нами?

– Кажется, у нас совсем нет повреждений. Вражеские корабли... Ну, если учесть огромную разницу масс, то похоже, внезапное появление «Броши» в пространстве швырнуло корабли в их собственные сферы Шварцшильда.

– А если попроще?

– Мы послали их в гиперпространство, в неподготовленный и нерассчитанный прыжок. Они могут и не вернуться.

– Благодарю вас, генерал. Каково наше положение по отношению к базе?

– Она уже появилась в поле зрения, ваше превосходительство.

К этому времени все находившиеся на оперативной палубе уже выбрались из своих гамаков и стояли на ногах. Большинство украдкой растирало полученные ушибы и ссадины.

Казалось, что на борту флагмана собралась половина правительства Скопления Аврора. Регис Салли, супруг губернатора, тоже был здесь – с точки зрения Бертингаса, лишь «для мебели»: причину его пребывания на борту Бертингас постигнуть не мог. Находился тут и Селвин Прейз: официально – дабы присматривать за своим деятельным заместителем. Сам Бертингас находился здесь по учтивому ходатайству Халана Фолларда перед губернатором.

К нему тихо подошла Мора и встала рядом с ним. Ее рука сжала его руку. Они присоединились к толпе, собравшейся возле огромного голографического куба. Куб показывал месторасположение «Броши» в окружающем пространстве радиусом в тысячу километров.

На половине этого расстояния находилась база Джемини, на экране она походила на дыню, а «Брошь» – на виноградину. Вокруг базы, на том же расстоянии, что и «Брошь», кружили корабли арахнидов. На заднем плане виднелись Кастор и Поллукс.

– Невероятно, – сказал Бертингас Море. – Мы пробили их блокаду одним движением. На первом же прыжке.

Согласно тому плану, который представили военному совету губернатора Диндыма и Туэйт, планетарный бомбардировщик предполагалось использовать в качестве психологического тарана. (Использование в качестве тарана в *физическом* смысле, как сперва предполагалось, выходило за рамки статистической вероятности – и за границы здравого смысла тоже.)

По плану гигантский корабль должен был выйти из гиперпространства рядом с Джемини и вызвать замешательство в рядах арахнидов одними своими размерами и огневой мощью. Воспользовавшись паникой, «Брошь» подошла бы к базе на реактивной тяге и под прикрытием своего защитного поля выгрузила бы из огромных трюмов корабля все необходимое для Джемини, а потом забрала бы с базы гражданский персонал и раненых. Затем «Брошь» должна была отойти от базы и снова нырнуть в гиперпространство.

Они могли повторять этот маневр неограниченное количество раз, пока не прорвали бы блокаду. Тем временем остатки эскадры вооруженных сил Скопления при поддержке захваченных на Батавии кораблей напали бы на арахнидов с тыла.

К несчастью, неожиданное столкновение отбросило их на несколько сотен километров дальше расчетной точки выхода, и они теряли несколько минут.

– Полный вперед! – крикнул Туэйт. – Быстрее к Джемини!

– Капитан первого ранга! – воскликнула шокированная губернатор и повернулась к интеркому связи с мостиком. – Генерал, не обращайтесь внимания на этот приказ. Мы должны оценить...

– Слишком поздно, – перебил Туэйт. – А вот и их ответный ход.

На экране головизора было видно, как корабли арахнидов перестроились и вокруг «Броши» возник шар из светящихся точек – меньше, чем вокруг Джемини, но в принципе такой же. И все-таки разница была: точки подходили все ближе к «Броши Шарлотты», чтобы увеличить плотность огня.

– Генерал, – произнесла Салли в интерком. – Прошу вас, пошлите от моего имени приветствие адмиралу Костюшко, а затем включите защитное поле на полную мощность.

– Сделано, мэм.

– Благодарю вас. Так как мы уже ухитрились уничтожить три корабля боевого флота губернатора Спайла, то думаю, мы можем отбросить все формальности и открыть огонь. Выполняйте.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

На экране было видно, как из круглого корпуса «Броши» выросли линии фиолетового пламени – плазменные струи пошли сразу в тридцати различных направлениях и охватили защитные поля атакующих кораблей. Туда же устремились яркие точки ракет. Некоторые ракеты металась из стороны в сторону, чтобы уйти от противоракетного огня противника. Некоторые выписывали кренделя вокруг струй плазмы. Все ракеты попали в цель. На экране ярко вспыхнули термоядерные взрывы.

На такой близкой дистанции – меньше двадцати километров – отдельные взрывы слились в одно яркое пятно. «Брошь» скрылась внутри него.

Когда облако раскаленных газов остыло и поблекло, в блокаде оказались три крупные бреши. Тем не менее с уцелевших кораблей арахнидов понеслись ракеты и струи плазмы.

– Прыжок! – скомандовала Дейдра Салли.

Диндыма, должно быть, ожидал именно этого приказа. Он вывел «Брошь» в гиперпространство без предварительной десятиминутной готовности и не стал ждать, пока экипаж закрепит оборудование, а потом сам пристегнется к гамакам. Сам он остался на мостике.

Бертингас ясно видел, как где-то глубоко внутри куба изображение «Броши» стало съеживаться. Прежде чем изображение исчезло с экрана, реальный мир вокруг Бертингаса изменился.

Реальный мир чихнул.

Когда все кончилось, Тэд обнаружил, что все еще стоит на ногах. Но равновесия ему удержать не удалось, и одно колено подогнулось. Инстинктивно Тэд ухватился за предохранительный поручень, который окружал куб головизора, и повис на нем. Точно так же поступили и все остальные.

На экране вновь появилось изображение. Но не звезды или корабли, а прихотливый узор цветных пятен – словно крошки карамели в белом мороженом.

Когда ПИРу удалось наконец восстановить свои электронные «чувства», первым на экране появилось самое массивное небесное тело – корпус базы Джемини. Только теперь она располагалась в дальнем левом углу куба, а не в правом, как раньше. Диндыма перепрыгнул на другую сторону вражеской формации. Когда изображение проявилось полностью, стало видно: «Брошь» по-прежнему находится внутри блокадного кольца кораблей.

– Включите поле и – ой!.. – Приказ губернатора Салли оборвался на полуслове.

Бертингас поднял голову и посмотрел в ту сторону, где стояла Дейдра Салли.

Зрелище было комичное. Селвин Прейз стоял позади губернатора и неуклюже обнимал ее.левой рукой он обхватил тощее туловище Дейдры Салли – чуть пониже почти

несуществующего бюста. Правая рука поднялась к щеке губернатора и словно бы ласкала ее. Смешной вид этой сцене придавало то обстоятельство, что Дейдра была выше директора Бюро коммуникаций на целую голову, поэтому его руки нелепо торчали, а сам он встал на цыпочки.

Губернатор не пыталась высвободиться и даже не протестовала. Ее глаза широко распахнулись от страха и от шока.

Затем Тэд увидел блеск металла возле ее левого глаза и понял, почему она не двигалась: Прейз прижал к ее виску лезвие перочинного ножа.

– Эй, вы! – крикнул Прейз, выглядывая из-за ее плеча. – Я принимаю командование на себя, и...

Одна сторона его головы внезапно стала мягкой, как пластилин. Она вогнулась внутрь, кости черепа раскрошились, из внезапно образовавшейся широкой дыры хлынула кровь. Правая рука Прейза дернулась, оставив легчайшую царапину около левого глаза губернатора. Его руки разжались, и он осел на палубу.

Воцарившаяся было мертвая тишина взорвалась полноводьем голосов.

– Открыть огонь! Беглый огонь! – кричал Туэйт экипажу мостика.

– Возьми нож! Проверь наличие яда! – кричал Фоллард своему помощнику.

– Я ему покажу, как лапать мою жену... на глазах у всех, – бормотал Регис Салли, засовывая крошечный пистолет-пульсатор обратно в карман. Бертингас увидел: пистолет был почти игрушечным, им можно было пользоваться, только если приставить его вплотную к противнику. Оружие самозащиты для дамочек в спальне...

– Свернуть поле и прыгать! – скомандовал Туэйт, ни на мгновение не отрывая глаз от экрана головизора.

Нуль-момент захватил их всех внезапно.

Когда мгновение дезориентации прошло, почти все собравшиеся на оперативной палубе сидели, лежали или распростерлись на полу. Гиперпереход вывел всех из равновесия.

Всех, за исключением губернатора, которая все еще стояла, высокая и надменная, и держалась за поручень возле куба. Она коснулась струйки крови, сбегавшей по ее виску, и посмотрела на пальцы. Затем она оглянулась на Региса Салли, который также удержался на ногах. Ему некуда было уйти, когда «Брошь Шарлотты» совершила гиперпространственный прыжок.

– Спасибо, дорогой, – с чувством сказала Салли и улыбнулась. – Ты всегда принимал мои интересы близко к сердцу, правда?

– Ты значишь для меня больше, чем думают многие, – улыбнулся Регис в ответ.

Лицо Дейдры Салли опять посерьезнело, и она уставилась на экран.

Генерал Диндыма явно совершал гиперпространственные прыжки по определенной схеме. Наперекор всем капризам гиперпространственной навигации он пытался прыгать по противоположным точкам диаметра блокадной сферы: сначала «с востока на запад», а теперь «на север». И опять корабли арахнидов начали окружать их.

– Включить поле! – приказала губернатор. – На полную мощность! Развернуться на сто двадцать градусов и включить главные маршевые двигатели! Идем к базе сквозь строй. Батареи, выбрать цели и открыть беглый огонь!

Внутри куба миниатюрная «Брошь» развернулась вокруг своего центра тяжести и нырнула вниз, к Джемини. Бомбардировщик окутался ракетными вспышками и лучами плазмы. Их курс пересекался лоб в лоб с одним из противников – небольшим фрегатом.

В тот момент, когда изображение столкновения возникло на экране, Бертингас ощутил пробежавшую по всему кораблю дрожь. Огромная «Брошь» почувствовала удар, но фрегат, даже с включенными на полную мощность электромагнитными экранами, выжить в таком таранном столкновении не мог.

Переломанные переборки, разодранная обшивка, раздавленное оборудование и расплюснутые кости – вот все, что от него осталось. Голографический куб показал дрейфующее продолговатое облачко частиц, окрашенных в зеленый цвет и быстро

тускнеющих.

Пока «Брошь» прорубала себе дорогу сквозь ряды осаждающих, Джемини вступил в сражение и задействовал все имеющееся на базе оборонительное оружие: ядерные ракеты дальнего радиуса действия, ослепляющие бомбы и самые мощные плазменные орудия в арсенале Пакта. Натиск «Броши» и вступившая в сражение база спутали боевые порядки арахнидов. Их упорядоченное кружение по орбитам прекратилось, и началась драка. Корабли пытались перехватить планетарный бомбардировщик. Замешательство усилилось, когда остальная часть флота Авроры – все боевые корабли вооруженных сил Скопления плюс вооруженные транспорты, захваченные на Батавии, выпрыгнули из гиперпространства в космос за пределами сферы блокады и атаковали арахнидов с тыла.

Тэд вместе с остальными членами губернаторского окружения наблюдал, как разворачивается сражение. Зеленые точки – электромагнитные экраны, пурпурные потоки плазмы, красный и золотой цвета ракет, белые пятна перегрузки защитных полей, когда они не выдерживали и корабль вспыхивал и испарялся, – сверкали прихотливым узором в черноте космоса.

Боевые корабли сходились по два, три и четыре, и начинались дуэли и отчаянные, беспощадные схватки. Наверху, на командирском мостике Диндымы, навигационное и тактическое подразделения управляли полетом и сражением «Броши». Салли и Туэйт указывали им, куда и когда направлять огонь. Но по мере увеличения интенсивности сражения и распространения дуэлей и групповых схваток по всей сфере блокады стратеги оперативной палубы имели все меньше и меньше возможностей влиять на общую картину.

Сражение перешло в стадию, когда каждый корабль бился сам по себе и сам за себя.

– Приближаемся к базе, – скомандовала Дейдра Салли. – На нижних доковых палубах – приготовиться к передаче контейнеров с припасами. Узнайте, в чем они больше всего нуждаются.

– Есть, мэ.

Словно тучная балерина, «Брошь» выписывала круги и выделявала па, обходя узлы наиболее жарких схваток, пока наконец не вошла в тень Джемини. Когда бомбардировщик приблизился к базе на расстояние меньше своего диаметра – дистанция, которая чисто геометрически прикрывала его от атак с трех сторон, – Диндыма убрал поле нижнего сектора. Инженеры Джемини открыли проход через защитное поле базы. Манипуляторы возле открытых люков трюмов бомбардировщика впрягли мини-двигатели в крепления грузовых контейнеров и запустили контейнеры в сторону широко открытых створок причала Джемини.

Что находилось в контейнерах?

Бертингас мог только догадываться. Конечно, боеприпасы, баллоны с дейтерием и тритием, сжиженные дыхательные смеси, брикеты протеинов и клетчатки, которыми могли питаться только матросы, кубики силиконовых паст и штаммов специальных бактерий для киберсистем, запчасти для боевых ракет. Самой большой проблемой на Джемини – скорее всего, это и было самым главным – являлась вода. Эта жидкость практически несжимаема. И она тяжелая. С борта «Броши Шарлотты», конечно, перебросят два или три мегалитровых пузыря с водой, но это всего ничего по сравнению с действительной потребностью крупной базы Космического флота.

Взамен Джемини отправила на «Брошь» свой гражданский персонал. Люди плыли в открытом пространстве плотным строем, одетые в облегченные спасательные скафандры, держась за протянутые между базой и кораблем фалы. На борт бомбардировщика перебралось сорок семь человек.

Когда обмен завершился, «Брошь» восстановила свое защитное поле и отошла от базы.

Она сразу же ввязалась в двойную дуэль на короткой дистанции, стреляя с обоих бортов. Диндыма отбивался от обоих противников и одновременно продвигался по нужному ему курсу. Корабль шел мимо тех, кто сражался, к самому краю поля боя, готовясь прыгнуть к системе нейтральной звезды.

Тэд наблюдал, как разворачивается параллельный бой: отключить участок поля! выплеснуть струю плазмы! удвоить и утроить плотность поля для противодействия ответному потоку! метнуть проворную ракету (когда боевой ПИР считал, что нащупал слабое место в обороне одного из противников)!..

Дуэль по левому борту внезапно ожесточилась; казалось, что фрегат арахнидов швырнул в них все, что имел на борту: непрерывно поливал плазмой из всех орудий и безостановочно плевался ракетами. «Броши» пришлось удвоить плотность защитного поля с этой стороны и практически прекратить ответный огонь. Обшивка корпуса там даже слегка нагрелась под воздействием потока раскаленной плазмы и термоядерных взрывов – несмотря на то, что их удерживали на безопасном расстоянии поля электромагнитного экрана. Разумеется, какой-то обыкновенный фрегат не мог причинить большого вреда планетарному бомбардировщику – даже если бы он врезался на полном ходу в защитное поле и взорвал весь запас ядерного топлива на борту.

В кубе головизора бомбардировщик походил на сбитого с толку барсука, которого осаждает сумасшедшая крыса. Барсук не отступал – просто угрожающе сгорбился и ждал момента, когда кончится бешеное мелькание мелких зубов и когтей.

И оно прекратилось. Шквальный огонь стих, словно кто-то его выключил. Последняя ракета, выпущенная на опасно близком расстоянии, отклонилась от курса и взорвалась в сотне километров от корабля.

Затем фрегат убрал свое поле.

С быстротой, превосходящей человеческие возможности, боевой ПИР «Броши» прицелился и выстрелил. Струя плазмы, раскаленной до миллиона градусов, ударила во фрегат. Металл его корпуса просто испарился. Броня обшивки, титановые переборки и кожухи двигателей – все это превратилось в облако газа всего лишь за наносекунду.

– Отключить! – закричал Туэйт.

На мостике чья-то рука повернула выключатель, и ПИР словно парализовало.

Туэйт увидел то, чего Бертингас совершенно не заметил, поглощенный ходом дуэли, а именно – странное спокойствие по всему полю сражения. Половина кораблей дрейфовала явно без признаков жизни – без защитных полей, с выключенными двигателями. Эсминец с правого борта «Броши» парил под каким-то странным углом.

Голографический куб показывал только эпизодические вспышки то тут, то там, когда корабли Авроры или батареи Джемини стреляли по какой-нибудь близкой цели. Однако большинство командиров кораблей было в нерешительности. Их защитные поля все еще ярко светились, их ПИРы стонали от желания уничтожить беспомощные цели. И все же силы Авроры, каким бы численным превосходством ни обладал противник, прекратили огонь.

– Что случилось? – спросила губернатор.

– Они прекратили драться, – ответил Туэйт.

– Это я и сама вижу. Но почему?

Ответа на этот вопрос ни у кого не было. Толпа вокруг куба перешептывалась, но высказаться вслух никто не решался – пока это не сделал Халан Фоллард.

– Это был лишь слух... – начал он, почти что разговаривая сам с собой.

– Ну-ну, что за слух? – затормошила его губернатор.

– Он пришел из тренировочных лагерей... Полковник Фиркин! – позвал Фоллард через интерком. Пэтти находилась на мостике вместе с другими офицерами вооруженных сил Скопления. Даже если она и не являлась членом экипажа, это был ее боевой пост.

– Да, Халан! – откликнулась Пэтти.

– Ты помнишь те сообщения, что доставила мне? С тренировочной базы в предгорьях? Насчет...

– Насчет альянса инопланетян? Да, конечно, но ты мне тогда не поверил. Ты сказал, что никакого «братства» не может возникнуть между – как ты это назвал? – «между силиоксаном и гемоглобином, изнемогающими в нужде». Ты высказался очень поэтично, Халан.

– Именно так. Но посмотри вокруг.

– Я и смотрю. Я все же была права, не так ли?

– Так, милочка, – согласился он.

– Я бы очень попросила, – прервала губернатор Салли, – рассказать мне, каким это вы двое предаетесь воспоминаниям?

– Когда мы тренировали отряды инопланетян, воевавших потом на Батавии, – сказал Фоллард, – полковник Фиркин обнаружила доказательства существования организации инопланетян, включавшей в себя многие расы. Эта организация была подпольной, разумеется, но не казалась направленной на обычное, бессмысленно-безнадежное восстание.

– Я очень надеюсь, что нет! – воскликнула губернатор.

– Но она была повстанческой, – продолжал Фоллард. – Там, на борту кораблей Арахны, так же как и на наших собственных, находятся инопланетяне разных рас. Несмотря на свою активную ксенофобию, арахниды и их сообщники из Хайкен Мару нуждаются в инопланетянах – в качестве уборщиков, подмастерьев, подручных, грузчиков и сексуальных партнеров. Люди, которые управляют этими кораблями, не обращают на них внимания, как на слуг. Таковыми они и являются: инопланетяне выполняют всю грязную и опасную работу. Они везде ходят, все видят, до всего дотрагиваются, знают, как все...

– ...работает. Да, Кона Татцу. И мы приняли решение.

Голос раздался со стороны дальней стены оперативного отсека. Это был низкий голос, свистящий, но властный. Загораживающие эту сторону люди расступились, и обладатель этого голоса приблизился к кубу.

Это был дорпин – похожее на черепаху создание с планеты с высокой гравитацией. Куски оброненного людьми мусора – обрывок бумаги и деревянная щепка – пристали сбоку к его клювоподобному носу. Они явно застряли там, когда дорпин выполнял поставленную перед ним задачу, то есть делал уборку и обслуживал механизмы. Как бы убирая маскировку, тяжелая лапа с мощными когтями поднялась вверх и смахнула мусор.

– Вы?... – спросила губернатор Салли и явно смутилась.

– На корабле меня зовут Противогозам, ваше превосходительство. По вполне очевидным причинам. Мое настоящее имя – Ратхид... Старец Ратхид VIII, из клана звездных шорнов. До того как я прибыл во владения Пакта, я служил планетарным регентом Скопления из девятнадцати звездных систем. Конечно, это было свыше четырехсот лет назад, но я полагаю, мы все еще можем общаться как равные, моя дорогая.

– Как мне следует обращаться к вам? – спросила Салли.

– На вашем языке? Лорд Ратхид вполне подойдет.

– То, что сказал Фоллард насчет альянса – это правда?

– Совершеннейшая. Поистине я даже удивляюсь, как нечто столь огромное и известное столь многим не сделалось общеизвестным. Затем я прибыл сюда и понял. Взгляды людей на Вселенную основаны на отражении. Они верят в мечту. Они видят – их разум заставляет их видеть – только то, что они хотят видеть. Или что им требуется увидеть. В основном они видят сами себя. Часть представителей вашей расы столь талантлива в этой области, что это замечаете даже вы сами. Вы зовете их шизофрениками и считаете это болезнью. Лично я думаю, что это наиболее развитые образчики... Но я заговариваюсь. Ответ на ваш вопрос – «да».

– Каковы намерения этого альянса? – Губернатор протянула руку к голографическому кубу: битва на экране приостановилась.

Дорпин проковылял и приподнялся на задние лапы, чтобы взглянуть на изображение. Тэду было больно смотреть на то, каких усилий стоило дорпину это движение.

Лорд Ратхид опустил на пол и, казалось, задумался.

– Излечить вас? – спросил сам себя инопланетянин. – До этого еще далеко. Это потребует тысячелетий, я думаю. А тем временем у нас будет много возможностей. Даже слишком много.

– Как насчет этого флота? – спросила Салли. В ее обычно холодном и бесстрастном голосе послышались истерические нотки.

– А, это... Одно мгновение на часах истории. Мы не можем позволить этому вашему шизофренику, человеку Аарону Спайлу, слишком близко подойти к осуществлению его личной мечты о власти. Это отбросит пациента назад... на столетия.

– Таким образом, вы поддерживаете Аврору?

– Нет.

– Но тогда верны ли вы, в конце концов, Пакту?

– Не особенно.

– Но что же тогда?..

– Дорогая моя, мы – те немногие из нас, кто должен принимать решения – верны идее: что вас, людей, с вашими зарождающимися творческими способностями, можно поднять до более широкого – ну, как некоторые из вас называют его, всемирного мировоззрения. Вы можете думать о нем теперь как о галактическом мировоззрении, потому что планеты так сильно изолированы. Не все из нас в равной степени разделяют эту идею. Некоторые обладают просто генетической враждебностью к вам. Деоорти, которые могут быть вашими братьями, должны преодолевать сильнейшее отвращение, чтобы просто общаться с вами. С другой стороны, гиблисы, которых вы презираете и боитесь из-за их внешнего вида, очень надеются на вас.

– А дорпины? – мягко спросил Фоллард.

– Дорпины не строят далеко идущих планов. Или не чаще одного раза за очень длинную жизнь. Мы наблюдаем, но не судим... А сейчас вам стоит обратить внимание на это замечательное устройство. – Лорд Ратхид указал клювом на голографический куб. – Потому что дело идет к концу. Оправдались наши самые оптимистические оценки.

– Оценки чего? – спросила губернатор.

– Времени, в течение которого наша бригада сможет продержаться на флагманском корабле Спайла. Он окружил себя некоторыми весьма преданными людьми. Людьми, которые взорвут *любую* дверь и *любую* плоть, лишь бы получить то, что они хотят.

– И сейчас в его намерения входит?.. – спросил Фоллард.

– Покинуть окрестности базы, – ответил дорпин.

Бертингас быстро повернулся к кубу. Одна из светящихся точек, крупнее остальных – он заметил ее еще раньше, – предположительно являлась флагманом арахнидов. Судя по размерам, можно было предположить, что это крейсер, самый большой из тех, что напали на Джемини. И где же она сейчас находится? Тэд быстро осмотрел поле сражения. Одна точка на экране, довольно большая, медленно разворачивалась вокруг своего центра тяжести. Защитное поле этого корабля было выключено – значит, этот корабль может выпрыгнуть в гиперпространство немедленно и без помех.

– Вот! – указал он. – Квадрант...

– Двадцать два, тридцать девять, – почти пропел капитан первого ранга Туэйт. – Всем кораблям: открыть огонь! Залп из всех орудий!

Сначала из двух, затем трех, потом четырех точек, расположенных рядом с крейсером, вылетели лучи плазмы. Без промедления загорелся зеленым светом электромагнитный экран крейсера – значит, он не подбит, а только притворялся мертвым. Защита быстро удвоила плотность поля, чтобы поглотить заряды плазмы, и зеленая окраска приобрела изумрудный оттенок.

– Не ослаблять огня! – приказал Туэйт. – Если сможете, заставьте их генераторы работать с перегрузкой.

По какой-то случайности место вновь разгоревшегося боя находилось в пределах досягаемости батарей Джемини. База Космического флота тоже открыла огонь из всех своих орудий. Флагман противника покрылся белым пламенем – результат непрерывных попаданий в защитное поле.

– Даже если знать, что наши экраны дают изображение только в видимой части спектра, – заметил Фоллард, – там должно стать жарковато.

Туэйт неопределенно хмыкнул.

– Ты можешь поджарить их.

– Что я и собираюсь сделать.

Словно зерно кукурузы на раскаленной сковородке, побелевший эллипсоид флагмана начал дергаться и разбрасывать во все стороны мелкие частицы. Каждая частица вспыхивала искрой, проходя через слой сверхперегретой плазменной оболочки.

– Что это? – спросила Салли.

– Спасательные капсулы, ваше превосходительство, – отозвался кто-то с мостика. – Разумеется, без защитного поля. Мы не обнаружили ни одного...

Внезапная яркая вспышка – и боевой корабль взорвался. На месте взрыва образовалось облако раскаленного газа, словно эта крошечная звезда превратилась в сверхновую. В центре облака стал виден черный стальной каркас – хотя на самом деле он светился, раскалившись до температуры примерно две с половиной тысячи градусов по Цельсию.

Из этого каркаса устремилась прочь одна крошечная искорка.

– У этой капсулы наши приборы зарегистрировали достаточно мощное защитное поле, – сказали с мостика.

– Подберите ее, генерал, – приказала Дейдра Салли. – И если, как я подозреваю, там сидит губернатор Спайл, я хочу, чтобы вы оказали ему все полагающиеся почести. Разместите его с комфортом в арестантском отсеке нашего корабля под неусыпной охраной... из церниан.

При этих словах на губах у Фолларда заиграла улыбка.

– Как насчет остального флота, ваше превосходительство?

– Пусть наши капитаны берут пленных. Ведите переговоры, где потребуется, но не уничтожайте тех, кто упорствует. Мне нужны целые корабли. Битва еще не закончилась.

«24. ПЭТТИ ФИРКИН: МАСКУ ПРОЧЬ»

– Запас мощности – всего на сорок часов, – сказала Фиркин, вынимая зонд из антенны экрана электромагнитной защиты. – И это только для поддержания поля. Если этим электродам придется управлять плазменным потоком, то они продержатся не больше пятнадцати минут. Корабль будет лететь, но драться не сможет... Решай, Тэд.

Бертингас вздохнул и сказал:

– Запиши в судовой журнал – пусть капитан по возможности избегает боевых столкновений и сразу уходит с линии огня.

Фиркин сделала пометку в журнале. Пусть даже и технически и административно ее ранг полковника превосходил должность директора Бюро коммуникаций, она оставила за ним право принимать решения. Эти корабли останутся в распоряжении Скопления Аврора, так пускай их собственный представитель и разбирается с ними.

– Сколько у нас получилось? – спросила она.

– Целых или подбитых?

– И тех, и других.

– Пятьдесят два.

– У меня уже все расплывается перед глазами.

В течение половины стандартных суток Пэтти Фиркин всматривалась в обгоревшую изоляцию и разодранные стальные конструкции, проникала в корабли, где не было воздуха, проводила тестирование ПИРов, которые бились в истерику и что-то там вещали ей про Иисуса из Назарета, проверяла антенны защитных экранов, разлаженные инверторы массы и постукивала ладонью по листам обшивки. Корабли, в которых теплилась хоть искорка жизни, они с Бертингасом, работая в связке с десятком других инспекторских бригад, отправляли на ремонт и переоснащение. Те корабли, которые еще могли выйти в гиперпространство и были в хорошем состоянии, были предназначены для службы в качестве транспортов – да большинство из них и было сначала транспортными кораблями Хайкен Мару. Те, которые были настолько разбиты и сожжены, что восстановлению не

подлежали, списывались в утиль. Из них будет извлечен силикон, титан и сталь. Затем выпотрошенным кораблям придадут последнее в их жизни ускорение, и короткий полет завершится в раскаленных недрах Кали.

Пока Фиркин и Бертингас работали над захваченными кораблями, Халан Фоллард, Хилдред Самуэльс и Мора Костюшко провели самый стремительный допрос военнопленного в истории Пакта. Фоллард владел разными приемами. Он умел накачивать людей наркотиками, знал, как нужно разместить всего лишь три электрода на черепе спящего, чтобы незаметно прочесть все его явные и тайные мысли. Генеральный инспектор утверждал, что может таким образом вытащить на свет Божий все намерения человека, его помыслы и даже номер телефона его первой любовницы.

Пускай. За пленных отвечает Космический флот, и, если они выловят нескольких закоренелых фанатиков из тех, кого Фоллард рекомендовал к амнистии, это их дело.

Матросы и офицеры с кораблей Арахны и Хайкен Мару в большинстве своем являлись кадровыми военными, которые просто следовали приказам того руководителя, которого судьба – или последний Высокий секретарь – поставила командовать ими. Для честного солдата это не преступление – воевать не на той стороне. Фиркин сама побывала в такой ситуации один или два раза.

Те, кому не удастся пройти тестов Фолларда, будут считаться недостойными доверия при любом режиме: гангстеры, раскольники, предатели, человеконенавистники и предполагаемые диктаторы. Типа Аарона Спайла. Что с ними в конце концов станет, даже Фоллард не мог сейчас сказать. И лучше не спрашивать. Пэтти Фиркин давным-давно для себя уяснила: никогда, даже в моменты, когда наступает пик приятельских отношений, подогретых основательной выпивкой, не выпрашивать Самуэльса или Костюшко, что они видели. В Кона Татцу знали способы, как сделать, чтобы человек исчез навсегда, как будто его никогда и не существовало – и физически, и в электронных файлах компьютеров. От этого у полковника мурашки бегали по спине.

Да, теперь Спайла будут содержать как некую бациллу в плотно закрытой мензурке – до того момента, когда он предстанет перед Советом выборщиков. Он будет козырной картой и оправданием для Дейдры Салли, в котором она нуждалась, так как не подала корректные «сигналы лояльности» в соответствии с когда-то полученной директивой Главного центра.

Может быть, губернатор Салли даже доживет до момента передачи Спайла Главному центру.

– Полетели обратно на базу, – сказал Бертингас. – Ни один из нас не способен ясно мыслить после двенадцати часов такой работы.

– Верно.

Они доплыли до шлюза, держась за натянутый по кораблю фал. Когда они начали надевать гермошлемы и реактивные ранцы, Бертингас пробормотал:

– Может быть, я даже сумею поговорить с ней.

– С кем? – спросила Фиркин.

– С Морой.

– Не надо. Пока еще рано.

– Ну, а почему бы и нет? У Моры трезвая голова, есть чувство юмора, и она красива, наконец. Уже не говорю о том, что она настоящий товарищ. Совсем недавно мы с Морой практически были...

– Кем бы вы ни были, вы сейчас ими не являетесь. Ей пришлось много пережить. Дай ей время прийти в себя.

– Ты видела, как Самуэльс подошел к ней, – с горечью произнес Бертингас. – Словно на abordаж брать собирался, солдафон! «Мора, любовь моя! Ты вернулась! Я больше никогда с тобой не расстанусь!» Распустил перья, как павлин. Надутый идиот! Перехватил ее у меня, будто она какой-то сверток.

– Да, Тэд. И я видела ее взгляд, когда он это делал.

– Полный обожания.

– Ну, я бы так не...

– Ты-то что можешь знать об этом?

– Да что ты имеешь в виду?!

– В конце концов, ты просто...

– Ну-ну, давай, говори. Скажи, что я просто солдафон с мускулами вместо мозгов. Или просто полковая подружка. Почему бы тебе не открыть свой рот и не выплюнуть это? – Она поднесла к его носу пудовый кулак. – Твои зубы будут красиво парить в невесомости.

– Я тоже могу с тобой справиться, знаешь ли.

– Нет, не можешь. Даже с помощью твоего лука и копья. Дикарь!

Бертигас в задумчивости посмотрел на нее:

– Ты права. Ни один человек не сумел бы с тобой справиться.

У Фиркин внезапно закружилась голова. Из ее тела словно ушла жизненная сила, она отпустила фал и безвольно поплыла в невесомости куда-то вбок, закрыв глаза.

– Прости, Пэтти... – огорченно сказал Тэд. – Я все забываю, как тщательно ты должна поддерживать внешний вид.

– Как... как давно ты знаешь?..

– Знаю? Да уже секунд восемь. Но вот подозреваю? С того самого дня, когда я увидел тебя в действии в моей квартире. Люди бывают довольно крепкими. Даже некоторые из наших женщин очень крепкие. Но не настолько, чтобы оседлать «дракона» и кубарем свалиться вместе с ним под откос. Ты ведешь себя как человек, Пэтти. Тебе во многом помогает косметика и микрохирургия. Но тебе нужно научиться быть податливой, нерешительной, время от времени проигрывать. Ты слишком уверена в себе и бескомпромиссна.

– Это часть нашей подготовки в Улье. Назови это партизанской тактикой выживания в пространстве с преобладанием людей.

– Прости, – произнес он, не зная, что еще сказать.

– Ты умеешь хранить секреты?

– Ты имеешь в виду?..

– Да.

– Только если ты будешь хранить и мой.

– И какой же это?

– Что плевать мне на все на свете, потому что я люблю, любил и буду любить Мору Костюшко до конца своих дней.

Он печально улыбнулся Фиркин. Сейчас Бертигас был похож на человека, который готовился выйти из шлюза без скафандра – такой же несчастный.

– Договорились. – Она протянула ему руку, и Бертигас пожал ее.

Затем, когда они загерметизировали свои шлемы, Пэтти Фиркин включила механизм шлюза.

– Не переживай, – сказала Пэтти после долгой паузы. – Мы все, наверное, проживем не слишком долго.

В открытом космосе, отражая свет Кастора и Поллукса своими корпусами, захваченные корабли кружили на орбитах вокруг миниатюрной – по планетарным масштабам – базы Джемини. Двигаясь по собственной околосолярной орбите, чуть поодаль дрейфовал флагман губернатора, «Брошь Шарлотты».

Фиркин и Бертигас сориентировались, взяли направление в сторону базы и, включив реактивные ранцы, отправились в один из портов внешнего доступа, расположенный на металлической поверхности базы Джемини. Они уже пролетели полпути до порта, когда звездный узор вокруг Джемини внезапно изменился.

В космосе загорелись яркие искры, быстро увеличились в размерах и превратились в корпуса кораблей, которые плотной сферой окружили базу. Выход неизвестных кораблей из гиперпространства произошел на фоне звездного неба, что, вероятно, обмануло даже

электронных часовых Джемини. Двадцать кораблей, еще двадцать и еще окружили базу Космического флота.

Если Фиркин и думала раньше, что корабли Спайла произвели упорядоченное сферическое построение, так только потому, что ей не с чем было сравнивать. Эти же корабли двигались по своим пересекающимся орбитам с четкостью шестеренок старинного хронометра. Они вращались по ровным окружностям, словно раскрашенные лошади на карусели. Гладкие корабли, без шрамов сражений.

– Давай-ка спрячемся поскорее, – сказала Фиркин, схватила Бертингаса за руку и нажала на кнопку аварийного двигателя ранца. Они врезались в страховочную сетку порта со скоростью семь метров в секунду. Фиркин почувствовала, как рвутся ячейки. Они выбрались из сетки и вскочили в шлюз.

– ...тингас, свяжитесь с центром управления, – донеслось до них. – Приказ ее превосходительства губернатора: Тадеуш Бертингас, свяжитесь...

Бертингас по радио подтвердил, что приказ губернатора получен, и направился к трубе лифта. Он был все еще в скафандре, шлем болтался у него за плечами, на спине висел реактивный ранец. Фиркин вплотную следовала за ним.

В центре управления собралась вся верхушка: Дейдра Салли с супругом, этим смешным человечком, Регисом, Полониус Диндыма и несколько полковников из вооруженных сил Скопления, Халан Фоллард держался поодаль от всех – как и положено шефу секретной службы, адмирал Йохан Костюшко и его дочь Мора тоже были тут, а вместе с ними – группа флотских офицеров, включая блестящего Самуэляса.

Губернатор Салли увидела Бертингаса и позвала его.

– А! Вот и вы, советник. Как вовремя! – Она приказала ему встать рядом с адмиралом.

– Это одна из ваших новых функций, сэр, – официально объяснила Салли Бертингасу, – налаживать дипломатические контакты и вести переговоры от имени вашего Скопления и по поручению вашего губернатора... Хм, от вас пахнет потом и вакуумом... Ну да ладно, Бог с вами. Прошу вас приступить к исполнению ваших обязанностей.

С этими словами она кивнула офицеру за пультом связи.

Экран засветился, и на нем появился загорелый человек с коротко остриженными густыми волосами, совершенно седыми. В глубоко посаженных голубых глазах светилось беспокойство. Рот у человека был сжат – видимо, пришелец привык командовать.

Бертингас передвинулся вперед, в фокус камеры – таким образом, чтобы этот человек мог ясно видеть только его лицо. Когда он проделал это, лицо на экране помрачнело. Кустистые брови опустились, носогубные складки стали резче.

– Я Ансон Мерикур, – сказал пришелец. – Генерал и исполняющий обязанности губернатора Скопления Гармония. Имею ли я... честь, – и как же отвратительно он скривил губы, произнося это слово! – обращаться к Аарону Спайлу из Скопления Арахна?

– Нет, генерал, не имеете, – резко произнес Бертингас. – Я директор Бюро коммуникаций Скопления Аврора Тадеуш Бертингас. Инициативы губернатора Спайла в этом Скоплении вызвали единственно возможную для верных граждан Пакта реакцию. – Новый директор Бюро коммуникаций сделал секундную паузу, затем повысил голос: – Мы защитили эту базу – и Скопление Аврора – от узурпатора. Мы разгромили Спайла, поставили его на колени и разбили его флот. И если вы привели ему на помощь еще один флот, то вы опоздали, сэр. Мы...

Бертингас остановился: Дейдра Салли подошла к нему и положила руку ему на плечо. Ее лицо виднелось генералу слегка не в фокусе.

На резком лице Мерикура появилась улыбка.

– Советник Бертингас, вам следовало бы знать, – сказал он, и его голос не был недобрый, – что мои силы окружили Палаццо и другие ключевые планеты вашего Скопления. Оставшиеся на местах главы департаментов сообщили мне, что я найду ее превосходительство здесь, на базе Джемини. Если Дейдра Салли еще жива, лучше дайте-ка мне поговорить с ней... Все уже закончено.

Салли спокойно отодвинула Бертингаса в сторону и ступила в фокус камеры.

– Генерал!

– Мадам! Вы действительно верны Пакту, как сказал этот нахальный парень?

– Да. Как и все мои люди.

– Это хорошо. Знайте тогда, что я веду этот флот домой, на Землю, в Главный центр. Там мы будем защищать права Родерика против всех узурпаторов. У вас есть корабли, которые смогут идти вместе со мной – или вы позволите предложить вам радушный прием на борту моего корабля?

– У нас есть корабли, сэр. Еще мы также захватим с собой часть, так сказать, вассалов бывшего губернатора Спайла и арахнидов. Генерал!.. – Салли улыбнулась. (Наблюдая за ней, когда она командовала бомбардировщиком, Пэтти Фиркин решила, что постарается не рассердить эту женщину, человек она или нет.) – Будьте любезны, уберите свои корабли с моих планет. Немедленно.

– Конечно, мадам.

– Все, что вам требуется, – это парковочная орбита вокруг базы.

Улыбка Мерикура сделалась шире.

– Уже сделано... Дейдра. А теперь не следует ли нам с вашим распорядителем протокола, советником Бертингасом, обсудить детально причаливание, личную встречу и так далее?

Фиркин заметила, что Мора Костюшко отошла от Самуэльса и встала рядом с Бертингасом. Ее рука нашла его руку и крепко сжала.

Губернатор Салли, очутившись перед лицом фактической высадки неизвестных сил на базу Джемини, последнего оплота Пакта под ее командованием, сделала паузу. Она вышла из фокуса камеры и всмотрелась в лица Бертингаса, адмирала, полковников, капитанов первого и прочего рангов и всех остальных, кто был в центре управления.

– Могу я доверять ему? – спросила губернатор тихо, едва слышно. – Я хочу сказать – *действительно* ли все закончилось?

Пэтти Фиркин шагнула вперед.

– Я могу поручиться за Ансона Мерикура, мэм. Я служила под началом генерала, прежде капитана третьего ранга Космического флота, более двадцати лет. Он прекрасный солдат. Я доверю ему свою жизнь, если он даст слово. Это он попросил меня прибыть сюда и защищать Пакт в Скоплении Аврора.

Халан Фоллард также шагнул вперед.

– Полковник Фиркин доказала свою преданность вам, мэм. Тогда как некоторые колебались.

Тут Генеральный инспектор Кона Татцу искоса глянул на губернаторского мужа.

– Спасибо, Халан, – сказала Салли и повернулась к экрану:

– Добро пожаловать, губернатор!